

О.А. ДОНСКИХ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЯЗЫКА** как
**философская
проблема**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

О. А. ДОНСКИХ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ответственный редактор
д-р филос. наук А. Н. Кочергин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1984

Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. — Новосибирск: Наука, 1984.

В монографии освещается становление идей, относящихся к проблеме происхождения языка; рассматриваются античные теории, уходящие корнями в мифологические представления, исследуется переход от античности к учениям Нового времени, особое внимание уделяется работам второй половины XVIII в.; выявляются отличительные черты национальных европейских традиций; рассматриваются философские аспекты современных теорий глоттогенеза; на основе диалектико-материалистического подхода анализируются проблемы представления предмета исследования и выдвигается оригинальная трактовка принципа произвольности языкового знака.

Книга предназначена для философов, лингвистов, всех интересующихся проблемой происхождения языка.

Рецензенты: *И. С. Ладенко, В. И. Супрун*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема происхождения языка относится к числу таких вопросов, которые, являясь, по существу, философскими, тесно связаны с достижениями конкретных наук. Более того, в истории исследования проблемы были периоды, когда предполагалось, что именно конкретные дисциплины дадут ее окончательное решение. Последнее особенно характерно для XIX и XX вв., когда сначала сравнительно-исторические исследования в языкознании, а затем эволюционное направление в биологии претендовали на достаточность собственных средств изучения глоттогенеза. Но по прошествии времени выяснялось, что без четко осознаваемого философского фундамента исследовать вопрос о том, как произошел человеческий язык, невозможно. Это обусловлено тем, что в орбиту изучения неизбежно вовлекаются такие проблемы, как происхождение человека, отношение языка к мышлению, социальная роль языка, а эти проблемы невозможно разрабатывать, не определив философскую позицию. Таково первое соображение, положенное в основу данной книги.

Суть второго соображения в том, что перечисление подходов к происхождению языка дается и в советской, и в зарубежной литературе, как правило, в сильно упрощенном варианте, в котором фактически игнорируется философская разработка проблемы, а она насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю.

Следовательно, задачи настоящей работы: 1) воспроизвести историю философских подходов к изучению глоттогенеза; 2) очертить круг вопросов общего порядка, без ответа на которые невозможно построение теории происхождения языка. Зафиксировав задачи, необходимо подробнее развить данные тезисы. Начнем со второго.

В литературе обычно указывается несколько видов гипотез, выделяемых по разным основаниям. Наиболее часто называются теории звукоподражательная, или междометная, теории общественного договора (изобретения) или божественного откровения. В англо-американской литературе выделяются такие теории, как bow-wow, ding-dong (обе звукоподражательные), rooh-rooh, yo-he-ho (междометные), теория жестов¹.

Но подобное деление, возможно достаточное для учебников, не только не соответствует исторической реальности, особенно когда перечисляет авторов, разделявших те или иные теории, но и исходит из таких малосущественных признаков, которые, по существу, ничего не дают и в классификационных целях. Поясним это на примерах.

1. Большинство французских философов второй половины XVIII в. — самого плодотворного периода философского осмысления проблемы глоттогенеза, характеризуя источники первых вокализаций, называют одновременно как звукоподражание, так и произвольные выкрики (междометия). Следовательно, оценка, даваемая Шарлю де Броссу, Тюрго и другим как представителям междометной или звукоподражательной теорий, неверна.

2. Уже в средние века эти теории рассматривались как взаимодополняющие, так как их относили к разным периодам становления языка. Первоначальные слова являются произвольными (междометными), а умножение их количества идет по принципу подражания звукам животных и природным шумам².

3. Недооценивается роль теории божественного происхождения языка. Ее содержание в литературе практически сводится к тезису, что бог дал человеку язык. Не это характерно только для мифических представлений о Тоте или Гермесе — изобретателях языка, которые дали его людям. В средние века данная теория заставила различать язык как средство общения и языковую способность. Это разделение частично ликвидировало пропасть между теорией откровения и теорией общественного договора: бог дал языковую способность, а на базе данной способ-

¹ См., например: **Кодухов В. И.** Введение в языковедение. М., 1979; **Шор Р.** Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX века. — В кн.: **Томсен В.** История языковедения до конца XIX века. М., 1938.

² См., например: **История лингвистических учений. Средневековый Восток.** Л., 1981, с. 10—11.

ности люди изобрели язык. И наконец, уже далеко не примитивной выглядит эта теория в работах середины XIX в. Более того, она несет важный позитивный смысл, так как акцентирует внимание на необходимости рассмотрения языка как системы, а не простого набора звуков. Э. Ренан подчеркивает, что человеческий язык изначально существовал во всей полноте грамматических отношений, иначе он в принципе не мог бы выполнять своих функций³. Этот взгляд резко противостоял упрощенному представлению о языке как простой увеличивающейся сумме вокализаций. Уже из приведенных примеров видно, что теория божественного происхождения языка прошла сложную эволюцию и существенно повлияла на разработку других теорий.

Таким образом, можно уверенно сказать, что указанное разделение теорий носит слишком внешний характер. Кроме того, рассмотрение проблемы через призму резко упрощенных представлений делает ее едва ли не игрушечной. Это хорошо видно на материале теорий bow-wow и проч. Содержание их таково. Bow-wow: человеческая речь произошла из подражания звукам животных, в частности лаю собаки; ding-dong: первые вокализации, которые получили для людей значения языковых, — подражание звукам природы, таким как грохот камней, журчание воды и т. п.; rooh-rooh: язык родился из рефлекторного выражения эмоций; yo-he-ho: возникновение языка связывается с ритмическими звуками, сопровождавшими некоторые виды коллективного труда.

Обращает на себя внимание, во-первых, тот момент, что теория происхождения языка должна указывать не только на характер первых звуков (кстати, и сама постановка вопроса о первых звуках языка достаточно сомнительна) или на их источник, но и отвечать на ряд других вопросов — об условиях возникновения звуковой речи, связи звука и жеста, роли речи в примитивных сообществах, об этапах становления языка и т. д. Все эти вопросы в рамках данных теорий не могут быть даже поставлены.

Во-вторых, названные теории абсолютно игнорируют вопрос о языковой способности человека. Животные тоже слышат плеск воды и удары падающих камней, поение птиц, они тоже выражают эмоции звуками, тем не менее у них нет языка, подобного человеческому. Язык обяза-

³ См.: Ренан Э. О происхождении языка. Воронеж, 1866.

тельно связан с сознанием. Именно на это указывает К. Лоренц: «...когда ваша собака тычется в вас носом, скулит, бежит перед дверью или скрежет лапой около водопроводного крана, одновременно поглядывая в вашу сторону, — все эти ее поступки намного ближе к нашей речи, нежели „разговор“ галок или серых гусей, хотя тонко дифференцированные звуки, издаваемые этими птицами, порой кажутся весьма „разумными“ и вполне подходящими к случаю»⁴. А ведь вопрос о существовании языковой способности человека серьезно исследовался уже в XVIII в., особенно немецкими учеными.

В-третьих, при таком перечислении теорий совершенно теряется представление о степени их разработанности. Если теории bow-wow или rooh-rooh — практически лишь идеи о характере первых слов, то теория yo-he-ho — явление другого порядка. Это действительно теория, которая связывает воедино комплекс разнородных фактов и имеет глубокое философское обоснование. Попадая же в указанный ряд, она оказывается донельзя упрощенной.

В-четвертых, сведение теорий происхождения языка до одного-двух тезисов позволяет с легкостью умножать количество гипотез. Причем эти гипотезы, трактуя лишь некоторые частные моменты, претендуют на серьезную научную значимость. Так, уже в XX в. писалось о том, что язык родился из любовных призывов, подобных птичьим; из необходимости приручения собак; как результат болтливости женщин; в процессе магических действий; из звуков, подражающих ударам орудий труда, и др. (Г. Шухардт, Дж. Холдейн, Н. А. Морозов, П. Я. Марр, В. А. Головин). Каждая из этих идей, возможно, несет в себе элементы истины, но, не вписанные в рамки более широких теорий, они практически висают в воздухе.

Несколько слов о жестовой теории происхождения языка. Вроде бы ясный основной тезис этой теории: язык ведет начало от некоторых форм жестикуляции — по сути дела, совершенно непонятен. Если звуковому языку предшествовал язык жестов, то проблема глоттогенеза — это проблема возникновения языка жестов. Но она, в свою очередь, остается проблемой происхождения языка. Точ-

⁴ Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М., 1978, с. 94.

но так же, как и в случае со звуками, необходимо указывать источники развития жестикуляции, объяснять причину того, что жесты получили определенное значение, описывать синтаксис языка жестов. Если это сделано, то проблема возникновения звукового языка становится проблемой вытеснения жестов сопровождающими их звуками. Таким образом, указание на жесты как на основу языка не объясняет его происхождения, а только предполагает наличие двух этапов этого процесса. Но ни один из вопросов, относящихся к звуковому языку, не снимается.

В литературе можно встретить и другие способы классификации. Так, В. Вундт выделяет теории изобретения, имитации, чудесного происхождения, эволюционную теорию; Р. Эйслер предлагает различать теории теологические, изобретения, психогенетические; Г. Ревеш делит теории на биологические и антропологические, которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие — теорию экспрессивных жестов, имитационную, детской речи и т. д.⁵ Но использование всех этих классификаций показывает их искусственность. Например, по Гаманну, бог дал человеку язык через природу. По разным критериям можно отнести эту теорию к теологическим, имитационным, изобретениям.

Думается, что применительно к истории разработки проблемы глоттогенеза точнее всего говорить о некотором банке идей. Причем различные авторы разрабатывают отдельные идеи, часто не определяя их связи с общим комплексом проблем. При таком взгляде история проблемы предстает не как процесс смены теорий, а как процесс накопления идей. Причем параллельно развиваются как философские теории, так и конкретно-научные исследования. При таком положении дела, очевидно, правильнее всего называть существовавшие теории по именам авторов: теория Эпикура, теория Монбоддо, теория Нуаре и др., либо характеризовать комплекс идей, обсуждавшихся в связи с проблемой происхождения языка.

Для того чтобы оценить применимость различных исследований к решению проблемы глоттогенеза, необходимо четко осознать характер ответа на вопрос о том, как произошел язык. Какое содержание мы вкладываем в

⁵ См.: Révész G. The origins and prehistory of language. L., 1956.

этот вопрос? Анализ истории подходов к изучению происхождения языка заставляет нас различать три аспекта проблемы:

1) как возникает язык, т. е. определенная система знаков, дающая людям возможность сознательно общаться между собой;

2) как возникает языковая способность, т. е. некоторая специфическая особенность человека как вида *Homo sapiens*, позволяющая ему создать язык;

3) как организуется в сообществах предков человека определенная коммуникативная деятельность, заставляющая их творчески совершенствовать средства общения.

Невозможно ответить на эти вопросы, рассматривая их по отдельности. В то же время исследование каждой из них требует своих средств. Изучение становления языка как системы — прерогатива лингвистов; анализ языковой способности — дело психологов, психолингвистов, антропологов; коммуникативной деятельности — дело этологов, археологов. Так намечаются три предмета исследований, и деятельность в рамках одного из них не может служить основанием претензий на решение проблемы происхождения языка в целом. Следовательно, связь этих предметов между собой сама по себе становится предметом философского анализа.

Данное разделение может выступать в качестве критерия полноты предлагаемых теорий. Очевидно, только та из них, которая позволяет связать воедино три названных аспекта, может вполне считаться теорией происхождения языка. Из существующих только трудовая теория дает возможность это сделать. Не случайно к этой теории (в работах зарубежных авторов она называется теорией Нуаре — Энгельса) обращаются ученые, работающие в весьма далеких друг от друга областях, например биолог Дж. Холдейн и археолог Г. Исаак. В то же время следует заметить, что содержание этой теории далеко не очевидно. Не совпадают некоторые существенные положения теории Нуаре и марксистской теории происхождения языка. Да и различные авторы, излагая последнюю, далеко не во всех пунктах согласны между собой. Думается, это происходит отчасти из-за неосвещенности философских истоков этой теории. (В связи с последним интересно отметить, как менялось отношение к теории Л. Нуаре в отечественной литературе. Очень высоко ценил работы Нуа-

ре Г. В. Плеханов⁶. Переводчик книги «Орудие труда» И. Давидзон писал, что данная работа должна служить «необходимым дополнением к основам марксистской социологии»⁷. В таком же ключе рассматривалась теория Нуаре в книге «Введение в изучение марксизма»⁸. В современных же работах о ней едва упоминается как об одной из разновидностей междоветной теории.) Очевидно, необходимо четко определить роль Нуаре в разработке трудовой теории происхождения языка и указать то новое, что в историко-философском плане дал для исследования проблемы марксизм.

И наконец, еще один момент, характеризующий состояние разработанности философских оснований вопроса о глоттогенезе. В ряде случаев авторы трактуют проблему происхождения языка исходя из определенных соображений о существовании языка как такового. Это в первую очередь относится к тем, кто исследовал вопрос о произвольности-мотивированности языкового знака. Таким путем вышли на проблему глоттогенеза древнегреческие философы и философы Нового времени, подобная тенденция просматривается и в работах некоторых советских ученых⁹. Но в аспекте происхождения языка проблема произвольности языкового знака приобретает весьма специфическое содержание и требует более адекватного подхода.

Все сказанное и определило план настоящей работы.

Значительная доля анализируемого в монографии материала привлекается впервые в советской литературе, посвященной проблеме происхождения языка. Сквозное изучение истории разработки проблемы дало возможность переоценить ряд мнений, ставших общим местом при изложении как отдельных теорий происхождения языка, так и постановки проблемы в целом.

Автор выражает благодарность тем, кто принимал участие в обсуждении рукописи, — К. А. Тимофееву, И. С. Ладенко, М. И. Черемисной, В. М. Фигуровской, В. И. Супруну.

⁶ См.: Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. 3-е изд. М.—Пг., 1923, с. 44 и сл.

⁷ Предисловие к кн. Л. Нуаре «Орудие труда» (Киев, 1925, с. 3).

⁸ См.: Введение в изучение марксизма, вып. 2. Л., 1924.

⁹ См., например: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Быть может, прежде губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружились листья.

О. Мандельштам

Философские воззрения на язык уходят корнями в мир мифических образов и представлений. Следовательно, для понимания того, что было сделано античными философами в области исследования феномена языка и его происхождения, необходимо детально разобраться в существе мифологических взглядов на данный предмет. Настоящий раздел и посвящен этой задаче.

1.0. Сделаем одну оговорку, касающуюся методологических принципов анализа. Если вести его чисто ретроспективно, исходя из наличных тезисов античных авторов, то к любому тезису в мифах можно найти соответствующий сюжет. Но при таком рассмотрении существует опасность найти в мифических сказаниях то, что в них вряд ли подразумевалось, как, например, в «Махабхарате» — описание атомного взрыва. Словом, такой путь может дать картину, существенно искажающую реальное положение дел. Это обусловлено тем, что наряду с представлениями, осмысление которых легло в основу философских построений, в мифах существовали и другие, которые отсеялись при попытках создать цельное мировоззрение. Чтобы уловить это движение философской мысли, необходимо представить не только то, что было освоено ею, но и то, что осталось за бортом. Кроме того, философски переосмысленное содержание мифологических представлений может далеко не совпадать с источником. Эти соображения заставляют нас более внимательно относиться к мифологическим представлениям о языке.

2.0. Анализ мифов приводит нас к выделению четырех групп мотивов, в которых прослеживается первобытное понимание языка и речи:

1) речью, языком обладает практически все, что может быть названо;

2) речь возникает как один из атрибутов возникшего человека;

3) существует природная, изначальная связь имени и объекта;

4) имя может существовать независимо от объекта именованного и предшествовать ему.

Рассмотрим эти представления подробнее.

2.1.1. «Все сущее живет; лампа ходит, стены дома имеют свой голос, и даже урильник имеет собственную страну и шатер, жену и детей и бывает служебным духом. Шкуры, лежащие в мешках на запас для торговли, разговаривают по ночам»¹. Эта запись В. Г. Богораз-Тана ярко демонстрирует мифологическое миропонимание, когда многие неодушевленные предметы кажутся имеющими сходную с человеческой жизнью. А способность говорить, в свою очередь, оказывается принадлежностью любой жизни. Чукчи говорили о предметах как об «имеющих голос»².

Подобные представления существовали, разумеется, не только у чукчей. «Бананы на старых деревьях, оставшиеся без ухода, запричитали: „Отец, ты нас вырастил, а потом забыл о нас! Куда ты уходишь? Ты забросил нас и не укрываешь листьями от дождя!“ Человек услышал их плач, но подумал, то это плачет и зовет своего отца чей-то ребенок, и продолжал работать»³. В мифах бонтоков камень Монг-о, расколовшись, теряет дар речи⁴. Предметам, особенно имеющим важное значение в быту, даются личные имена, и они считаются как бы живыми существами⁵.

2.1.2. Множество сюжетов воплощают идею о том, что дар речи присущ животным. «Резкой грани, отделяющей человека от низших животных, — пишет Дж. Фрэнгер, — первобытный человек не знает; весьма многие из млекопитающих представляются ему равными и даже превосходящими человека — не только физической силою, но и умом»⁶. Однако, возвращаясь к приведенным примерам,

¹ Богораз В. Г. Чукчи, ч. II. Л., 1939, с. 4.

² Там же, с. 5.

³ Сказки и мифы папуасов-киваи. М., 1977, с. 268.

⁴ Сказки и мифы народов Филиппин. М., 1975, с. 60—61.

⁵ Тэйлор Э. Первобытная культура. 2-е изд., т. 1. СПб., 1896, с. 270—271.

⁶ Цит. по: Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — Сб. музея антропологии и этнографии, т. VIII, 1929, с. 10.

необходимо провести одно различие. Если бананы говорят на человеческом языке, то камень Монг-о имеет дар речи, но говорит ли он на своем или на человеческом языке, неясно. То же относится и к животным: они говорят в одних случаях на человеческом языке, в других — на своем. Массу примеров первого рода приводит Д. К. Зеленин, демонстрируя тезис, что «первобытный человек приписывает животным понимание человеческого языка и способность говорить на человеческом языке»⁷. В то же время легенда, например, о кольце царя Соломона (позволявшем владельцу понимать речь животных), как и множество других сюжетов, основана на представлении, что животные говорят на своем, недоступном человеку языке.

Отметим еще один момент: животные, как и вещи, могут не говорить на человеческом языке, но понимать его, во всяком случае понимание и способность говорить не всегда совпадают. На это указывают, в частности, некоторые данные Д. К. Зеленина⁸.

2.1.3. Итак, мы видим, что общая формула: для мифологического мышления все сущее обладает даром речи — может быть представлена набором более частных тезисов, каждый из которых будет отражать одну из сторон мифических представлений. Мы отвлекаемся от эволюции этих представлений и рассматриваем их как сосуществующие. Выделим следующие положения:

1) неодушевленные объекты:

- а) говорят на своем языке (и понимают его);
- б) говорят на человеческом языке (и (или) понимают его);

2) животные владеют речью:

- а) говорят на своем языке (и понимают его);
- б) говорят на человеческом языке (и (или) понимают его).

Из данного набора представлений в философской картине мира сохранилось то, что указано в 2а. Модификации этого представления мы находим у различных ученых — от Пифагора и Лукреция до Дарвина, Гарнера и некоторых современных этологов.

2.2.1. В большинстве антропологических мифов появление речи специально не оговаривается, так как подра-

⁷ Там же, с. 10—23.

⁸ Там же, с. 13—14.

зумевається, що речь так же естественно присуща человеку, как, например, дыхание и способность двигаться. Этот взгляд отражен, в частности, в книге «Шу цзин», где в разделе, посвященном способностям человека, находим: «Первая — внешний облик, вторая — речь, третья — зрение, четвертая — слух, пятая — мышление»⁹. Нет и малейшего намека на социальную обусловленность языковой коммуникации, что, впрочем, понятно, если вспомнить первую группу мотивов. В тех же случаях, когда возникновение речи отмечается, этот процесс описывается совсем просто:

1) «От жары бамбук потрескался и лучины разошлись в разные стороны. Так у первых людей появились руки и ноги, а на голове — глаза, уши и ноздри. Но вот раздался особенно громкий треск: «Вааах!» Это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи»¹⁰;

2) «Вначале людей на земле не было. Лумавиг спустился на землю и нарубил тростника. Срубленные тростинки он связал попарно и разнес по всем уголкам земли. Тростинки сразу превращались в людей, по одному мужчине и одной женщине в каждой паре. „Говорите“, — приказывал Лумавиг людям. И люди говорили, но речь одной пары была непохожа на речь другой. Прошло некоторое время, и людей на земле стало много. Дети говорили на том же языке, что и их родители — вот почему в каждой стране свой язык»¹¹. В мифах элси бог дарует речь людям при сотворении племен. Бог-творец говорит: «Я поселю [двух людей], относящихся друг к другу как муж и жена. Я собираюсь назвать имя этого места. Вы [готовы] идти сейчас? Как только я пошлю [людей], они обоюдно узнают свой язык»¹².

2.2.2. Дар речи по мысли, выраженной в мифах, определяется физиологией. У человека есть ноги — он ходит, есть рот — он разговаривает. «Люди выбрались из ямы. Нггиве взял бамбуковый нож, надрезал им те места, где сейчас у людей рот, и сказал: „Теперь вы сможете разговаривать“. И тогда люди издали свой первый крик»¹³.

⁹ Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 105.

¹⁰ Мифы и предания папуасов марианд-аним. М., 1981, с. 195—196.

¹¹ Сказки и мифы народов Филиппин. М., 1975, с. 59.

¹² Frachtenberg-L. Alsea texts and myths. Washington, 1920, p. 111.

¹³ Мифы и предания папуасов марианд-аним, с. 197.

Так же думали древние египтяне — «они были уверены что речь производится непосредственно языком и для того, чтобы научиться другому языку, следует просто изменить положение языка во рту, „перевернуть” его»¹⁴.

2.2.3. Более сложные и интересные схемы возникновения языка мы находим в мифах народа аси и индейцев киче¹⁵. Сказители аси так описывают процесс творения людей духами:

Но недвижны были люди —
Положили их под солнце,
Там семь дней они лежали
И тогда лишь научились
По земле ходить и бегать.
Как дышать — не знали люди, —
Духи людям рты раскрыли
И вдохнули в них дыхание.
Но хотя дышать умели,
Речь еще не знали люди —
Им кричали громко духи, —
Люди следом повторяли
Но и слов еще не знали —
Говорить им стали духи,
Обучать словам их стали.
Говорить умели люди,
Но, как петь, они не знали...¹⁶

Здесь последовательность освоения крика, речи и пения наводит на мысль об аналогии с развитием ребенка. Но в общем речь остается одним из природных признаков человека.

2.2.4. Довольно сложная схема возникновения людей, обладающих речью, отражена в сказании «Пополь-Вух» индейцев племени киче. «Тепеу и Кукумац (Великая мать и Великий отец) сотворили зверей и сказали им, чтобы каждый говорил согласно своему виду и способу, при этом они потребовали, чтобы звери звали и почитали своих творцов. Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны производить слова, и каждый пищал на свой лад»¹⁷. Поэтому «их плоть была принесена в жертву,

¹⁴ История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 8.

¹⁵ См. также: Allen W. S. Ancient Ideas of the Origin and Development of Language. — In: Transactions of the Philological Society. London, 1949, p. 37.

¹⁶ Эпические сказания народов Южного Китая. М. — Л., 1956, с. 278—294.

¹⁷ Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М. — Л., 1959, с. 13.

и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели»¹⁸. Тогда Тепеу и Кукумац решили сотворить «послушных, исполненных почтительности существ», которые бы кормили и поддерживали их¹⁹. Из глины была создана человеческая плоть, но она была мягкой и слабой. «В первый момент она могла говорить, но разума у нее не было»²⁰. Были созданы деревянные фигуры, но у них не было души. Они могли говорить, но ни о ком не заботились и жили бесцельно. Их потомки — обезьяны. Наконец, из кукурузного теста были созданы первые люди; «они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой»²¹. Но они обладали слишком большой мудростью, они преуспевали в знании «всего», они хвалили Созидательницу и Творца, но были слишком умны. Поэтому «...Сердце небес наваял туман на их глаза...»²², и они потеряли мудрость. Так были созданы праотцы народа киче.

2.2.5. В основу этого сказания вплетен важный мотив, имеющий, очевидно, более позднее происхождение, чем мотив возникновения речи вместе с человеком, — связь речи и разума, мудрости. Этот мотив распространен также довольно широко, характерен он и для позднейших мифологических систем. Его мы встречаем, например, в «Шатапатха-брахмане», в которой о жертвоприношении говорится: «Поистине риги и саман суть речь. Поистине яджус есть мысль. Там, где была речь, все совершалось. Далее: там, где была [лишь] мысль, ничего не совершалось, не познавалось. Поистине не понимают того, кто мыслит мыслью, [но не говорит] ... Именно мысль и речь подобно упряжке доставляют жертву богам»²³.

В «Мемфисском сказании» говорится: «Возникла в сердце [мысль] в образе Атума, возникла на языке [мысль] в образе Атума»²⁴, Египетский бог Тот — бог премудрости

¹⁸ Там же, с. 14.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 65.

²¹ Там же, с. 81.

²² Там же, с. 83.

²³ Древнеиндийская философия. Начальный период. 2-е изд. М., 1972, с. 52, 48. Нечто подобное встречается в «Упанишадах» (Упанишады. М., 1967, с. 61—62).

²⁴ Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, с. 84.

и «владыка словес бога»²⁵. То же в зороастризме: «После того, как они приняли очертания людей, Ормазд обратился к ним: «Вы человеческие существа, отец [и] мать мира. Совершайте свои дела в согласии с праведным законом и совершенным разумом. Думайте, говорите и делайте то, что хорошо»²⁶.

2.2.6. Развитие этого представления и соединение его с идеей о том, что мудрость присуща лишь человеку, составило антитезис положению о наличии языка у животных.

2.2.7. К этой же группе можно отнести сюжет, описывающий потерю речи животными вследствие проклятия богов: «...бог ...наказал животных — они утратили способность говорить, и превознес человека — он не только сохранил речь, но научился использовать в пищу мясо многих животных»²⁷ (ср. с соответствующим моментом в 2.2.4).

2.2.8. Итак, эта группа сюжетов позволяет нам сформулировать следующие положения:

1) речь изначально присуща человеку как особи, как виду и как народу (различие четко не проводится);

2) речь — божественный дар;

3) способность говорить напрямую определяется наличием речевого аппарата и совсем не связана с наличием говорящего окружения;

4) речь связана с разумом, со степенью мудрости;

5) животные утрачивают речь из-за недостатка разума.

2.3.1. Природная связь имени и именуемого, слова и объекта. Для мифологического мышления глубоко естественна вера в то, что неуместное употребление имени некоторого существа или названия определенного предмета может иметь трагические последствия. Эта вера лежит в основе столь распространенного обычая накладывать табу на использование определенных имен и слов²⁸. Дж. Фрэйзер и Э. Тэйлор приводят многочисленные примеры табу на имена людей живущих, умерших, царей, священных особ, божественные имена, а также обычаев, связанных с этим²⁹.

²⁵ Тураев Б. Бог Тот. Лейпциг, 1898, с. 73.

²⁶ Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 346.

²⁷ Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978, с. 22.

²⁸ См.: Зеленин Д. К. Табу слов..., т. VIII.

²⁹ Фрэйзер Дж. Золотая ветвь, вып. 2. М., 1928, с. 87—105; Тэйлор Э. Догисторический быт человечества и начало цивилизации. М., 1868, с. 162—166.

2.3.2. В Греции имена жрецов, которые пужно было хранить в тайне, вырезались на бронзовых или свинцовых табличках и опускались в море. Римские жрецы скрывали имя божества, покровительствовавшего Риму, чтобы этим именем не воспользовались враги. Считалось, что тот, кто узнает настоящее (тайное) имя, получит власть над его посетелем. Эта идея лежит в основе мифа об Исиде и потаенном имени Ра³⁰. Известен обычай хранить в тайне настоящее имя человека, используя его только в важные моменты жизни (например, при обряде инициации), тогда как в быту обходятся заменителем, «ненастоящим» именем. В тотемных сообществах существует запрет употреблять в пищу растения и животных, названия которых совпадают с названием сообщества³¹.

2.3.3. Известен и ряд других обычаев, свидетельствующих о вере в то, что имя обладает свойствами именуемого и может заменить его в определенной ситуации. «Китайский врач,— писал Э. Тэйлор,— если не мог достать лекарства, требующегося для его пациента, пишет рецепт на клочке бумаги и заставляет больного проглотить его пепел или настой его на воде»³². Аналогичный обычай бытовал и в средневековой Европе. Подобные представления лежат в основе магических действий: слово начинает само выступать в качестве объекта, обладающего вполне определенными материальными свойствами, и может воздействовать на другие материальные тела. Так, по якутским преданиям, слово может непосредственно влиять даже на неодушевленные предметы³³.

2.3.4. Упомянутые обычаи основаны на уверенности первобытного человека в том, что слово связано с сущностью обозначаемого, более того, слово оказывается важной частью предмета: «...имя, по египетским понятиям,— отмечает Б. Тураев,— наиболее существенная часть предмета; он без него немислим и не существует»³⁴. И. М. Дьяконов указывает, что шумерское «*šuma lā zakū*» (именем не названы) означает «не существует»³⁵. В «Упа-

³⁰ Мифологии древнего мира, с. 108.

³¹ Стратанович Г. Г. Народные верования..., с. 20.

³² Тэйлор Э. Догсторический быт..., с. 166.

³³ Зеленин Д. К. Табу слов...— Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IX, 1930, с. 5.

³⁴ Тураев Б. Бог Тот, с. 73.

³⁵ Дьяконов И. М. Введение в кн.: Мифологии древнего мира, с. 12.

нишадах» это представление выражено в образе реки, которая течет в море, где она теряет имя и образ³⁶.

2.3.5. Трактовка характера связи имени (слова, названия) и объекта не может быть однозначной, поскольку представление об этой связи реализуется в очень разных сюжетах и обычаях. Во всяком случае, для мифологического мышления очевидно, что:

- 1) у всего, что существует, от природы есть имя;
- 2) наличие определенного (единственного) имени существенно для того, что названо им;
- 3) имя обладает свойствами именуемого объекта, поэтому в определенной ситуации может быть его заместителем.

2.4.1. Имя может существовать независимо от объекта и предшествовать ему.

Дальнейшее развитие мотива воплощения в слове определенных качеств объекта и убежденности в том, что объект без слова не существует, приводит к идее отождествления слова с душой предмета: «...Особенности использования имен подтверждают распространенный в архаичных коллективах взгляд на имена как на внутреннюю сущность, душу его носителя, источник силы и процветания»³⁷. Слова представляются существующими отдельно от предметов, до них и после них. В «Упанишадах» описывается, как в человека перед смертью «входит речь со всеми именами, входит глаз со всеми образами, входит ухо со всеми звуками, входит разум со всеми мыслями»³⁸. Человек покидает свое тело, обладая совершенным знанием.

Слова можно собрать в рукавицу, а потом раздать тем, кто их произнес; можно потерять слово и искать его в реке³⁹.

2.4.2. Материальный мир становится воплощением имен подобно тому, как человек становится человеком, обретая душу. Мир творится в процессе называния. В египетских мифах мир создается языком и сердцем Птаха: «...Девятка же богов Птаха — это зубы и губы в этих устах, называвших имена всех вещей, из которых

³⁶ Упанишады, с. 185, 197.

³⁷ Мифы народов мира. Энциклопедия, т. I, ст. «Имена», с. 509.

³⁸ Упанишады, с. 59—60.

³⁹ Зеленин Д. К. Табу слов..., т. IX, с. 4.

вышли Шу и Тефнут»⁴⁰. В шумерских мифах бог Энки «называет по имени» болота и тростниковые заросли, наделяет их рыбой и тростником...⁴¹ Библейский бог Ягве также творит мир словами. Нечто подобное есть в «Ведах»⁴². Сходные сюжеты встречаются в мифах маори, индейцев хайда, догонов и др.⁴³ Индейцы из племени мохавов рассказывают, что старший сын неба-отца и матери-земли Матавилля жил в Ха'авулипо в доме, который построил следующим образом: «Он высказал дом, называя по имени сваи, перекладыны, все его части, темноту, и, говоря это, закончил строить его»⁴⁴. По мифу о Йеллаке — диком гусе (или по другим вариантам — дикой утке), птицы становятся живыми и самостоятельными после того, как Йеллак дает им имена⁴⁵.

2.4.3. На основании этих примеров можно сформулировать следующие характерные для мифологического сознания положения:

- 1) имя содержит (являет) в себе душу предмета;
- 2) оно может существовать отдельно от предмета, до именуемого предмета;
- 3) предмет оказывается воплощением своего имени.

Если объединить эти положения с положениями, сформулированными в результате анализа предшествующей группы мотивов, мы получаем очень широкий спектр сюжетов и обычаев, воплощающих идею произвольной связи имени и именуемого.

2.5. Отдельно отметим явление, известное под названием «этимологизирование». Суть его состоит в том, что из звуковой оболочки слова делается некоторое заключение об обозначаемом объекте. Возможно, истоки этого явления следует искать в «звуковых ребусах», характерных для предписьменных систем. Например, «у ... йоруба ефа «шесть» по звучанию совпадает с ефа «чувствовать симпатию». Если молодой человек посылает девушке шнур с шестью раковинами каури, то это значит, что он хочет сказать: «Я чувствую к тебе симпатию». А так как ефо

⁴⁰ Матье М. Э. Древнеегипетские мифы, с. 84.

⁴¹ Мифологии древнего мира, с. 126.

⁴² Древнеиндийская философия, с. 53—54.

⁴³ Мифы народов мира. Энциклопедия, т. I, II, ст. «Антропологические мифы» и «Космогонические мифы».

⁴⁴ More Mohave myths, by A. L. Kroeber. Los Angeles — London, 1972 (Anthrop. Records), v. 27, p. 44.

⁴⁵ Ibid., p. 60—63.

«восемь» по звучанию совпадает с его «согласен», девушка посылает в ответ восемь раковин каури, говоря тем самым: «Я согласна»⁴⁶. Разумеется, от частичной фонетизации предписанных систем еще далеко до классического этимологизирования, с каким мы встречаемся в библейских мифах или у древних греков, но налицо существенный шаг в этом направлении: установлена связь между двумя понятиями.

В Библии мы находим много примеров этимологизирования. Большинство из них относится, правда, к именам собственным, но встречаются объяснения и нарицательных имен: «...и не будешь ты больше называться Авраамом [мой отец высокого рода], но будет тебе имя Авраам [отец множества], ибо Я сделаю тебя отцом множества народов... и сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою, но да будет имя ей: Сарра [знатная госпожа]; Я благословлю ее и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее»⁴⁷. «И нарек Адам имя жене своей: Ева [жизнь], ибо она стала матерью всех живущих»⁴⁸; «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться *женою*, ибо взята от мужа [своего]»⁴⁹.

На этимологическом переосмыслении имени Крона — отца Зевса, превращении его в Хрона (от χρόνος — время), Ферекид основывал важные для своей мифологической системы заключения. Стоики считали, что бог «зывается Дием, потому что через него (dia) совершается все, и Зевсом, поскольку он — причина жизни (zen) и пронизывает всю жизнь; он зовется Афиной, поскольку ведущая часть его души простирается по эфиру; Герой, поскольку по воздуху (aer); Гефестом, поскольку по искусственному огню»⁵⁰. Число таких примеров можно увеличить.

Первоначально этимологизирование «стремилось посредством анализа слов прийти к познанию мира»⁵¹.

⁴⁶ Фридрих И. История письма. М., 1979, с. 34.

⁴⁷ Библия, Бытие, 17, 5, 15, 16 (Пг., 1916, с. 16). Здесь даны традиционные толкования имен, и научные этимологии принципиально с ними расходятся.

⁴⁸ Там же, с. 3, 20.

⁴⁹ Там же, 2, 23.

⁵⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 313.

⁵¹ История лингвистических учений. Древний мир, с. 111.

Позднее содержание его меняется. Этапы и существо этих изменений мы рассмотрим в соответствующих разделах. А сейчас отметим, что популярность этимологизирования сильно поддерживала убежденность в том, что «имя человеческое не пустой совсем звук»⁵².

АНТИЧНЫЕ ИДЕИ О ПРИРОДЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

Люди вначале, когда, как стада бессловесных животных,
Пресмыкались они по земле — то за темные норы,
То за горсть желудей — кулаками, ногтями дралися;
Билися палками, после оружием; выдумав слово,
Стали потом называть именами и вещи и чувства.
Тут уклонились они от войны; города укрепили...

Как листья на ветвях изменяются вместе с годами,
Прежние ж все отлетят — так слова в языке. Те, состарясь,
Гибнут, а новые, вновь нарождаясь, расцветут и окрепнут.

Гораций

3.0. Восприняв мифологическое наследие, античные, в особенности древнегреческие, авторы, во-первых, произвели переосмысление мифов, пытались выстроить их в систему (тем самым были сформулированы определенные тезисы о языке); во-вторых, развили эти тезисы до уровня теорий *φύσει* и *νόμῳ* (*θεσει*); в-третьих, связали взгляды на природу языка с его происхождением.

3.1.0. На протяжении всей античности постоянно ощущается присутствие двух моментов, составляющих в известной мере фон философских исканий, — идея божественного происхождения языка (в примитивном мифологическом варианте) и этимологизирование.

3.1.1. Уже в поэмах Гомера и Гесиода присутствует идея божественного происхождения некоторых имен. Греки — жители некоторых колоний — считали, что язык дан людям Гермесом. Очевидно, это представление было заимствовано у египтян, причем египетский бог Тот был отождествлен с греческим богом Гермесом (возможно, по тому признаку, что оба они были вестниками

⁵² Лесков Н. С. Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб, 1902, т. 2, с. 35.

богов). «Диодор,— писал Б. Тураев,— таким образом представляет деятельность египетского Ермы [Гермеса]: «у него (т. е. Осириса) наибольшим почетом пользовался Ерма, наделенный отменными способностями относительно того, что может быть полезно для общежития. Прежде всего им сделана членораздельная общая речь, многое из безымянного получило имена, изобретены буквы и заведен порядок богопочитания и жертв... И греков он научил красноречию, за что и назвали его Ермой. Одним словом, Осирис, у которого он был иерограмматом, обо всем сообщал ему и очень пользовался его советами»¹.

3.1.2. Поиск внутренней формы слова, составляющей основу этимологизирования, ведется большинством известных античных философов, причем независимо от того, придерживаются ли они теории φύσις или νόμος. Так, Гераклит утверждает: «Название лука (βίος) есть жизнь (βίος), а его действие смерть»². Поскольку для Гераклита в основе всего лежит противоречие, этот пример ему нужен, чтобы вскрыть сущность вещей, выражаемую словами. «Женщина (γυνή), говорит Демокрит, как восприимчива рождающего семени (γυνή), есть некое „рождение“»³. Нигде в тексте не встретятся и другие примеры. Особенно много занимались этимологизированием стоики, но для них это имеет специфическое значение, о чем речь пойдет особо.

3.2.0. Теоретическое осмысление идеи произвольности имени привело к появлению теории φύσις — «по природе». Под этим названием скрывается набор весьма разноречивых положений. Разноречивых, поскольку речь идет о характере связи имени и объекта, а мы видели, как по-разному проявляется представление об этой связи в мифологических сюжетах. Видимо, первым, кто теоретически осознал эту связь, был Пифагор. На это указывает Прокл⁴. Кроме того, к пифагорейской традиции восходит

¹ Тураев Б. Бог Тот. Лейпциг, 1898, с. 159. На то, что Гермеса считали учителем языка, есть указание у Диогена Эноандского (см.: Chilton C. W. The Epicurean theory of the origin of language. A study of Diogenes of Oenoanda, Fr. X and XI (W).— American Journal of Philosophy, v. LXXXIII, 2. Apr. 1962, p. 166).

² Цит. по приложению к кн.: Таниери П. Первые шаги древнегреческой науки. Спб., 1902, с. 62.

³ Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970, с. 354.

⁴ Лурье С. Я. Демокрит, с. 353.

употребление слова «ономатет» — установитель имен⁵. Очевидно, данное мнение разделял Гераклит, что нашло выражение в его учении о Логосе⁶. Во всяком случае, эти философы, как и ряд других, более поздних, следовали мифологической традиции.

3.2.1. Реальная работа по выявлению характера связи имени и именуемого началась после того, как были выдвинуты аргументы против существования этой связи. Сведение этих аргументов в единую систему, а возможно и авторство их принадлежит Демокриту. Платон в «Кратиле» обсуждает уже две четко отрефлексированные позиции⁷.

3.2.2. Иногда возникновение теории *ὄνομα* («по закону») возводят к Пармениду. Однако думается, что, поскольку он специально вопросом об отношении имени к объекту не занимался, такой вывод является сомнительным. При этом нужно, конечно, отметить, что Парменид, противопоставив язык, вместе со зрением и слухом (ср. 2.2.1), разуму, нанес удар мифологическим представлениям о божественной природе имен и о воплощении в них сущности вещей. «Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши. Разумом ты разреши труднейшую эту задачу, Данную мною тебе»⁸. «19. Так, по мнению смертных, произошло это и происходит и будет происходить, пока не найдет своего конца. Люди же каждому предмету дали особое имя»⁹. Здесь Парменид говорит о произволе в установлении имен. Но есть у него и высказывания противоположного характера: «V.1. Одно и то же есть мысль и бытие. VI.1. Слово и мысль бытием должны быть»¹⁰. Важно другое. Если считать, что противопоставление тео-

⁵ См.: Каракулаков В. В. Первые греческие философы о роли языка в познании. — Вопросы филологии, вып. 16. Душанбе, 1963, с. 75—77; Иванов В. В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 87.

⁶ История лингвистических учений. Древний мир, с. 117—118.

⁷ Подобное противопоставление двух пониманий природы языка можно отметить также в ведийской традиции. Греческим терминам *φῶς* и *ὄνομα* в санскрите соответствуют *nityatvāt* и *sāmauikāt*.

⁸ Антология мировой философии, т. 1, ч. 1, М., 1969, с. 294.

⁹ Цит. по прилож. к кн. П. Таннери (с. 75).

¹⁰ Антология мировой философии, с. 295.

рий φύσις — φύσις восходит к спору о соотношении единого и многого, на что указывает, в частности, Т. Гомперц¹¹, то, очевидно, мы должны истоки спора возводить к Пармениду, как бы противоречиво он сам по поводу природы слов ни высказывался.

3.2.3. Вернемся к теории φύσις. Уже сами древнегреческие философы понимали, что трактовки «по природе» у них разнятся. Аммоний в комментарии на книгу Аристотеля «Об истолковании» выделяет два таких значения. Первое: слова сотворены вместе с предметами и существуют вместе с ними, как тени. Второе: имена могут быть даны только в соответствии с природой объекта¹². Например, могущественного царя можно назвать «Архидам» — «начальник народа». Можно выделить еще два значения «по природе». Третье значение: слова по своей артикуляционной структуре (по природе своего звучания) соответствуют обозначаемому предмету. «Так вот этот звук г, как я говорю, показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью. Прежде всего в самом слове «течь» (ρεῖν) и «течение» (ροή) благодаря этой букве он подражает порыву... Я думаю, законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается ... А звуком *i* он воспользовался для выражения тонкого, что могло бы проходить через вещи...»¹³. Четвертое значение «по природе»: по природе человека. Он встречается у Эпикура и разрабатывается его учениками. Мы рассмотрим его несколько позже.

3.2.4. Соответственно различным пониманиям «по природе» намечаются различные подходы к проблеме происхождения языка. В первом случае считается, что язык возник вместе с природой (имена появились вместе с вещами), а людям оставалось только воспринять его (что они и сделали). Этот вариант статичен и не дает никакой положительной программы исследований. В Новое время эту точку зрения отстаивал Гаманн.

¹¹ Гомперц Т. Древнегреческие мыслители, т. 2. Спб., 1913, с. 132.

¹² Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, с. 74—75.

¹³ Платон. Соч., т. 1. М., 1968, с. 472—473.

Во втором и третьем случаях подразумевается, что имена вещам были даны законодателями — древними и более мудрыми, чем современные, — людьми или богами. Греки, как отмечено выше, называли их «ономатетами». Пифагорейцы же в свою очередь, возможно, заимствовали эту идею у индийцев через посредство персов (сходный термин встречается в «Упанишадах» и «Авесте»¹⁴). Во втором случае принято считать, что между словом и объектом отношение чисто содержательное. Такое понимание нацеливает исследователя на поиск содержательных этимологий. В третьем случае связь полагается внешней: слово в чем-то подобно предмету по своему звучанию. Этот вариант приводит нас к поискам звуко-символизма, образец которого был дан выше в отрывке из «Кратила».

Точка зрения Платона представляет собой известный компромисс между двумя позициями. Он считает, что внешняя форма слова, как и внутренняя, может выражать сущность обозначаемого предмета. Мы приводили (3.2.3) примеры связи между внешней формой слова и предметами. Платон дает и много содержательных этимологий. Например, имя Тантал произведено от «болтания» (*tap-taleia*) камня над его головой¹⁵. Таким образом, Платон, исследуя как этимологии, основанные на ономатопоэтическом принципе, так и этимологии, основанные на звуко-символизме и переносе идеи (метонимический принцип),

придерживается теории фобсы с известными оговорками. Указывая на многие неточные соответствия имен вещам, он вводит различие между первыми словами и производными от них. Первые являют собой точное соответствие идее вещи, тогда как производные — искаженное. Такое понимание совпадает с основной мыслью диалога «Кратил», которую А. Ф. Лосев формулирует как различие в степени присутствия «объективной сущности вещей в субъективном сознании человека»¹⁶.

3.2.5. Платоновское разведение первых и производных слов оказалось очень продуктивным. Подробно вопрос об образовании последних разрабатывали стойки. Они считали, что первые слова возникли «по природе» (под этим они понимали сходство слова с обозначаемым предметом

¹⁴ См.: Иванов В. В. Древнеиндийский миф...

¹⁵ Платон. Соч., т. 1, с. 432.

¹⁶ Лосев А. Ф. Послесловие к диалогу «Кратил». — В кн.: Платон. Соч., т. 1, с. 603.

по ощущению от обоих), тогда как все остальные производные слова произошли от первых («по установлению» (θεσει). Стоики классифицировали способы образования производных слов, им, кстати, принадлежит и термин «этимология» — «истинное слово». В отличие от этимологизирования мифологического целью стоиков было выяснение не сущности вещей, а поиск «истинных» слов, т. е. акцент существенно изменился. Исследованием этимологий занимались как сами стоики, так и их последователи. Множество примеров содержат работы Зенона, Хрисиппа, Клеанфа, Августина и др. (Справедливости ради отметим, что эта их деятельность вызывала скепсис и насмешки уже у современников.)

В качестве примера приведем отрывок из работы Аврелия Августина «О диалектике». «Стоики утверждают, что нет такого слова, для которого нельзя было бы указать определенное происхождение». Причем «продолжать... объяснение нужно лишь до тех пор, пока мы не придем к соответствию между звучанием слова и вещью в некотором сходстве между ними, как например, когда мы говорим о звоне (linnitus) меди, ржании (hinnitus) лошадей ... Но так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия... Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: mel (мед) — как сладостно действует на вкус сама вещь, так и именем она мягко действует на слух...»¹⁷.

Августин описывает и другие способы «приведения к соответствию», хотя делает в общем скептический вывод: «Бесчисленны слова, для которых доступное исследованию происхождение или не существует, как думаю я, или скрыто, как утверждают стоики»¹⁸.

Получается, что разделение слов на классы ведет к мысли о двух этапах языкового развития. Картина возникновения языка рисуется следующим образом: сначала возникают слова «по природе» (даются ономастами), а затем люди, используя эти слова и применяя их к новым предметам, увеличивают словарь и делают язык менее точным.

3.2.6. Один из вариантов такой теории дает Эпикур: «...названия первоначально были даны вещам (возникли)

¹⁷ Цит. по кн.: Античные теории языка и стиля, с. 72.

¹⁸ Там же, с. 73.

не по соглашению (уговору), но так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то сами человеческие природы выпускали каждая своим особым образом воздух, образовавшийся под влиянием каждого чувства и впечатления, причем влияет также разница между народами в зависимости от места их жительства. Впоследствии у каждого народа, с общего согласия, были даны вещам свои особые названия для того, чтобы сделать друг другу (словесные) обозначения менее двусмысленными и выражаемыми более коротко. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее не виданные, люди, знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них: в некоторых случаях они вынуждены были произнести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным»¹⁹.

Интересно отметить, что, по Эпикуру, природа человека играет роль не только в образовании слов, но и в употреблении их. Излагая его точку зрения, С. Я. Лурье пишет: «...уже в самую раннюю эпоху отдельные люди изобретали (под влиянием природных побуждений) различные слова — с того самого момента, как они перестали инстинктивно издавать не имеющие ясного смысла и нечленораздельные звуки ... научившись расчленять их на буквы ... но из этих выдуманных звуков выжили лишь те, которые отвечали *χρησται*. Против такого *φύσει* на первой стадии развития человека ... возражал Эпикур, относя его к гораздо более поздней стадии «общественного договора»²⁰.

Таким образом, Эпикур, придерживаясь для возникновения языка теории *φύσει*, для объяснения его дальнейшего развития привлекает теорию *θεσει*. Идеи Эпикура развивались его учениками, в частности Диогеном из Эноанды и Лукрецием.

3.2.7. Теории происхождения языка у стоиков и Эпикура имеют то громадное достоинство по сравнению с мифологическими представлениями, что они базируются на анализе природы языка и происхождение языка в них четко связано с сущностью последнего.

¹⁹ Эпикур. Письмо к Геродоту, 75, 76.— В кн.: Лукреций. О природе вещей, т. II. М., 1947, с. 557.

²⁰ Лурье С. Я. Демокрит, с. 550.

3.3.0. Рассмотрим теперь эволюцию теории $\nu\beta\omega\iota$.

Она развивалась оппонентами теории $\phi\beta\epsilon\iota$. Поскольку она не имеет мифологических корней, первые ее проявления — это не группы связанных положений, а отдельные утверждения, направленные против «природной» теории. Так, оспаривая мифическое творение мира словами, автор анонимного трактата «Об искусстве» пишет: «Я полагаю, что искусства восприняли имена благодаря образам (внешнего мира). Нелепо думать, что образы выросли из имен, и (это) невозможно: ибо имена — установление закона, а образы — не установления, а ростки, созданные природой»²¹. Мы уже отмечали, что Парменидом высказаны сходные соображения, причем связанные с определенной философской позицией.

3.3.1. Настоящим же творцом теории $\nu\beta\omega\iota$ является, по-видимому, Демокрит, который выдвинул глубоко

продуманную систему аргументов против теории $\phi\beta\epsilon\iota$. «Демокрит, напротив, говорил, что имена существуют по установлению, и доказывал это, приводя четыре довода: 1) одноименность — гомонимия, а именно то обстоятельство, что различные вещи обозначаются одним и тем же названием; 2) многоименность — полионимия: различные названия применяются к одному и тому же предмету, ... а это невозможно, если названия вещей существуют по природе; 3) переименования вещей: ведь если бы имена были от природы, то почему бы Аристокла переименовали в Платона, а Тиртама в Феофраста; 4) отсутствие соответствия в словообразовании: например, от слова «мысль» можно образовать глагол «мыслить», почему же от слова «справедливость» нельзя образовать глагол «справедлivity». Значит, имена действительно возникли случайно, а не присущи вещам по природе»²². Правда, есть и серьезные соображения, заставляющие считать, что Демокрит придерживался умеренного варианта теории $\nu\beta\omega\iota$ ²³. Система аргументов Демокрита органически связана с одним из основополагающих тезисов его философии: «Сладкое только считается ($\nu\beta\omega\iota$) таким, горькое только считается ($\nu\beta\omega\iota$) таким... в действительности же — атомы и пустота»²⁴.

²¹ Античные теории языка и стиля, с. 34.

²² Лурье С. Я. Демокрит, с. 353.

²³ История лингвистических учений. Древний мир, с. 119—122.

²⁴ Лурье С. Я. Демокрит, с. 220.

3.3.2. При всем остроумии такой позиции у нее есть один существенный недостаток. Непонятно, как же «случайно» возникает язык, а без этого теория неполна. Произвольное изобретение, когда каждый придумывает свои слова и обучает им других, очевидно, неприемлемо, и авторы вновь обращаются к мысли об ономотетах. Возможен и другой ход. Его делает Эпикур (см. 3.2.6). Не случайно Эпикур в некоторых текстах противопоставляется Демокриту, хотя он развивает взгляды последнего.

3.3.3. Основным аргументом против природной теории считалось наличие синонимии. Но этот аргумент отводили по крайней мере двумя способами: 1) Продик, указывая на тонкие различия в значениях слов, утверждал, что в языке синонимов вообще не существует; 2) Платон говорил, что одна и та же идея или образ могут быть по-разному представлены в материале, а наличие различных воплощений никак не опровергает сущности именовании по природе («Кратил», разд. 389—390). Эти аргументы также заставляли сторонников теории договора уточнять свою позицию.

3.3.4. Теории *ὄνομα*, видимо, придерживались софисты, с которыми так ожесточенно полемизирует Платон в «Кратиле». В целом позиция софистов не поддается однозначной оценке. Так, если бы Протагор считал, что слова абсолютно произвольны, он не стал бы обсуждать язык Гомера или стремиться к правильности употребления имен. Продик же отвергал тезис о наличии синонимии.

Есть указания на то, что этой теории придерживались Эмпедокл и Анаксагор. Эмпедокл, например, утверждал: «Из всех смертных вещей ни одна не имеет ни рождения, ни конца в губительной смерти, но есть только смешение и перемещение смеси, рождение же есть название у людей»²⁵ (т. е. слову «рождение» в реальности ничто не соответствует).

3.3.5. Наиболее видным сторонником теории *ὄνομα* считается Аристотель. У него мы находим две основополагающих идеи: 1) произвольное установление имен: «Имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, например у животных, но ни один из этих зву-

²⁵ Античные теории языка и стиля, с. 31.

ков не есть имя»²⁶. «Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а ... в силу соглашения»²⁷; 2) отличие человека от животных по языку; наиболее ярко эта идея высказана в «Политике»: «Один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос, которым можно выразить печаль и радость, свойствен и животным, потому что их природные свойства развиты все-таки до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать это ощущение друг другу. Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и несправедливо»²⁸.

Следует заметить, что Аристотель придерживается умеренного варианта теории λόγος, который практически смыкается с «природной» теорией. На это мы имеем, во-первых, прямое указание Аммония, что Аристотель, как и Платон, отрицает за именами существование от природы «в том смысле, как его отстаивали гераклитовцы, но он и сам не отказался бы назвать их существующими от природы в том смысле, какой предлагает божественный Платон»²⁹. А во-вторых, те следствия, к которым приводит крайний вариант теории λόγος — произвольное установление любых имен любым человеком, — вряд ли были приемлемы для Аристотеля. Он считал, что люди могут придумывать слова, но это касается терминов, да и придумываются они и вводятся по определенным правилам (см. «Об истолковании»).

3.3.6. В последующий период господствуют компромиссные варианты. Так, Варрон пишет: «...речь, по природе троечастна, и первая часть ее — как слова были установлены для вещей; вторая — каким образом они, отклонившись от этих последних, приобрели различия; третья — как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль»³⁰.

3.4.1. Теория λόγος уже в античности послужила основанием теории изобретения (или теории общественного договора), противопоставлявшейся теории божественного установления языка. Именно на этой основе рисуют свои картины происхождения языка Витрувий и Лукреций. Витрувий излагает, видимо, довольно рас-

²⁶ Аристотель. Об истолковании. — Соч., т. 2. М., 1978, с. 94.

²⁷ Там же, с. 95.

²⁸ Политика Аристотеля. М., 1911, кн. 1, ч. 1, 10, с. 7.

²⁹ Античные теории языка и стиля, с. 76.

³⁰ Там же, с. 80.

пространенный взгляд на предмет (поскольку он сам этим не занимался, а просто приводит эту точку зрения как известную в своем трактате об архитектуре): «Первобытные люди, подобно животным, рождались в лесах, пещерах и рощах и проводили свою жизнь, питаюсь полевой пищей. Тем временем в некоем месте часто растущие деревья, шатаемые бурями и ветром и трясь друг о друга ветвями, вспыхнули огнем, и находившиеся в окрестностях люди, перепуганные сильным его пламенем, разбежались. Затем, когда все успокоилось, они подошли ближе и, заметив, что тепло от огня очень приятно, стали подбрасывать в огонь дрова и, таким образом поддерживая его, привлекать других и показывать им знаками, какую можно извлечь из этого пользу. В этом сходбище людей, когда каждый по-разному испускал дыханием голоса, они, благодаря ежедневному навыку, установили, как случилось, слова, а затем, обозначая ими наиболее употребительные вещи, ненароком стали, наконец, говорить и таким образом положили начало взаимной речи»³¹. Нетрудно увидеть в этой картине некоторое родство с воззрениями Эпикура.

4.4.2. Более полно взгляды Эпикура на происхождение языка выражены в известной книге Лукреция «О природе вещей». Лукреций, развивая эпикурейское понимание фисес, сближает язык человека с языком животных, считая, что между ними нет существенной разницы:

Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных!³²

В данном отрывке Лукреций отдает, пожалуй, слишком большую дань мифологической традиции, хотя бы уже потому, что выражение чувств и обозначение предметов при помощи звуков — совсем разные вещи. В этом отношении Лукреций, очевидно, оказывается позади Аристотеля (ср. 3.3.5). Лукреций критикует тех, кто считал, что первые слова были установлены ониматетами:

... полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо раз мог он словами означить
Все и различные звуки издать языком, то зачем же

³¹ Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, с. 41—42.

³² Лукреций. О природе вещей. М., 1946, кн. 5, 1087—1090, с. 345.

Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношениях взаимных
Не применяли, откуда запало в нем представленье
Пользы от этого или возникла такая способность,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?³³

Тем же аргументом пользуется Диоген Эноандский: «Ибо смешно, более того — смешнее всего смешного, и помимо того невозможно было бы одному собрать такие множества ... а собравши обучать по образцу школьного учителя и, взяв в руки указку и прикасаясь к каждой вещи, приговаривать, что это де пусть называется *камень*, а это — *дерево*, а это — *человек*»³⁴. Очевидно, подобный аргумент был в ходу у эпикурейцев и шел он от основателя школы³⁵. Лукреций открывает собой ряд авторов, которые считали, что язык человека — это не качественно новое образование, а лишь определенная степень развития языка животных. В новейшей традиции это направление связывается с именем Дарвина.

3.4.3. Несмотря на то, что история языка приобретает у цитированных римских авторов некоторую естественно-историческую перспективу, язык в эту перспективу вписывается сразу появившимся, т. е. фактически считается, что люди изобретают его в течение одного поколения. Правда, следует отметить в картине Витрувия один мотив, получивший впоследствии большое развитие, — мотив перехода от жестов к звукам.

3.4.4. Думается, будет справедливо, хотя исторически не совсем точно, закончить изложение развития теории языка в ее эпикурейском варианте отрывком из Диодора Сицилийского, в котором картина происхождения языка приобретает едва ли не современный вид: «Что же касается перворожденных людей, то о них говорят, что они вели беспорядочный и звероподобный образ жизни ... Так как на них нападали звери, то они стали взаимно помогать друг другу благодаря пользе, [приносимой совместными действиями]. Собираясь же вместе вследствие страха, они мало-помалу стали познавать знаки, [подаваемые ими] друг другу. И тогда как [вначале] голос их был бессмысленным и нечленораздельным, постепенно они стали говорить членораздельно и в общении друг с другом стали устанавливать [словесные] символы относительно

³³ Лукреций. О природе вещей, с. 343.

³⁴ Античные теории языка и стиля, с. 65.

³⁵ Chilton C. W. The Epicurean theory..., p. 165.

каждой из вещей, [и таким образом] они создали самим себе привычную речь обо всем существующем. А поскольку такие объединения [людей] образовались по всей обитаемой земле, то не один язык возник у всех [людей], так как каждая [из групп] составляла слова как ей пришлось»³⁶.

Отметим в данном отрывке два существенных момента: 1) здесь рисуется четкая перспектива — люди вынуждены и устанавливать понятия, и совершенствовать свои языковые способности; 2) равноправие языков (и племен). (Для сравнения заметим, что у египтян глагол «говорить» относился только к самим египтянам, а чужеземцы «лопотали»; почти то же у греков.)

Итак, античная мысль, развиваясь в противоборстве двух взаимоисключающих тенденций — крайних вариантов теорий *φύσει* и *νόμῳ*, двигалась по пути создания компромиссных теорий происхождения языка. Эти теории явились преодолением мифологических представлений о глоттогенезе, что выразилось 1) в разделении слов на первые и производные, а это привело к идее двух этапов становления языка, 2) в идее изобретения языка людьми.

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩЕСТВЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

Просторен мир и многозвучен
И многоцветней радуг он,
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

С. Городецкий

4.0. Идеи античных авторов относительно происхождения языка отчасти были утрачены в последующее время. Господствующей в средние века стала теория божественного происхождения языка, которая у греков и римлян существовала на втором плане и даже третировалась (эпикурейцами).

³⁶ Антология мировой философии, т. 1, ч. 1. М., 1969, с. 343—344.

4.1. Кардинальные вопросы, которые обсуждались в связи с разработкой теорий фбса — воца (вопросы о том, могут ли имена правильно выражать именуемое, о соотношении синонимов, о характере связи имени и объекта и др.), решение которых существенно определяло подход к глоттогенезу, стали рассматриваться самостоятельно или в других аспектах. Стала обсуждаться проблема универсалий, возникло учение о божественных именах. В то же время вспышки интереса к проблеме происхождения языка можно наблюдать в школах, унаследовавших античные традиции, — например, в армянской философии, и особенно у арабов.

В настоящем разделе мы рассмотрим эволюцию отдельных идей в европейской средневековой философии и зарождение устойчивой традиции в подходе к сущности языка, выросшей из номинализма. Кроме того, будут освещены арабские дискуссии о происхождении языка.

4.2.1. В средние века, да и практически до середины XVIII в., все рассуждения, непосредственно касавшиеся происхождения языка, велись в рамках библейской схемы. В Библии есть два места, которые составляли основные пункты спекуляций: 1) «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...»¹; 2) «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот, что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»².

4.2.2. Рассуждения по этому поводу различаются в деталях, и небезынтересно привести некоторые из них. Исидор Севильский: «Различие языков восходит к постройке башни после потопа, ибо до постройки этой

¹ Библия. Бытие 2; 19, 20.

² Там же, 11; 5—9.

башни, вызванной гордостью, разделившей звуки человеческого общества, был один язык для всех народов, и назывался он еврейским, и употреблялся патриархами и пророками не только в их поучениях, но также и в священных книгах. С этого начала сделалось столько языков, сколько народов»³. Ослепительной простотой отличается позиция Эфраима Сирийского, который считал, что Адам за один час придумал тысячу имен⁴. Называние Адамом животных во всех работах понимается расширительно — Адам не просто дал имена, но придумал язык. Данте считал, что бог создал Адама и его язык — древнееврейский, но языки позже были смешаны в Вавилоне; первым словом, которое произнес Адам, было *EI* — «бог» в древнееврейском языке.

4.2.3. Мысль о том, что древнееврейский язык является древнейшим языком человечества, тлевшая в средневековье, в XVI—XVII вв. была раздута в большой костер, известный под названием «еврейской гипотезы». В Европе появляется масса исследований, авторы которых доказывают, что те или иные слова национальных языков могут быть возведены к древнееврейским оригиналам. По этому поводу прекрасно высказался Р. Раск: «...не приходится удивляться тому, что это так хорошо удавалось, так как уже с самого начала в этом были так уверены»⁵. Приведем некоторые образцы доказательств. Берется имя *Adam*. Указывается, что оно происходит от древнееврейского *adamah* «земля» («*Adam pulverem ex adamah*»). Поскольку такое происхождение человека согласуется с Библией, т. е. само слово «Адам» включает в себе существо дела — это правильный, неискаженный язык. (Шарль де Бросс считает этот аргумент одним из сильнейших и возражает на него, приводя этимологию, известную уже Исидору Севильскому: *Homo ex humus* — «человек из земли [почвы]». Таким образом, латынь с тем же основанием претендует на роль первого языка⁶.)

³ Migne. *Patrologie cursus completus. Ser. latinae, t. LXXXII. Parisiis, 1878, p. 329.*

⁴ Ephraim the Syrian. *Genesis commentarius.* — In: *Corpus scriptorum christianorum orientalium. (Syrian saints, 72), 1903, p. 23.*

⁵ Цит. по кн.: Томсен В. *История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 43.*

⁶ Бросс Ш. де. *Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии, ч. 1. Спб., 1821, с. 175—176.*

Берутся еврейские слова *āgār* (крыло) и *dābar* (говорить). «Итак, из сего слова *āgār* путем обратного чтения — *faga* и *facken* было образовано в немецком языке слово с тем же значением «крыло»; что англичане исказили в своем произношении этого перевернутого слова *faga* в *wing* — *wieske* у фламандцев. Немецкое же *Flügel* получается благодаря вставке *l* ... Отбрасывая первый согласный корня *d*, или же путем перестановки *varad* было образовано *worde* по-английски, *wort* по-немецки, может быть также латинское *fari* и *verbum*»⁷.

4.2.4. Очевидно, таким путем можно доказать, что праязыком человечества явился любой из существующих языков. Это и делалось.

Так, Иоганн Горопий Беканус в работах «*Origines antverpie*» и «*Hermathene*» (середина XVII в.) доказывает, что рай помещался в Голландии, а все языки производит от фламандского. Его этимологии настолько ошеломляющи, что Лейбниц юмористически предлагает различать этимологизирование и «горопизирование»⁸.

Появляются работы, в которых в качестве праязыков фигурируют китайский, баскский, арабский, армянский, готский, немецкий и др. В ряде случаев эти работы связаны с подъемом национального самосознания. В XVII же веке один шведский писатель выдвинул предположение, что в Эдеме Адам и Ева говорили на датском языке, Змей — на французском, а Бог — на шведском⁹.

Попутно отметим, что происхождение письменности также возводили к райским временам. Дж. Вико пишет по этому поводу: «...Существовало мнение Иоганна и Олафа Великих, что Готы сохранили буквы с начала мира, буквы, божественным образом изобретенные Адамом»¹⁰. Вико приводит и другие варианты этой идеи.

4.2.5. Этимологизированием ученые занимаются на протяжении всех средних веков, позаимствовав эту традицию у античности. Не случайно, например, большой труд

⁷ Томсен В. Цит. по кн.: История языковедения..., с. 43—44.

⁸ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1936, с. 245.

⁹ См.: *Introductory readings on language*. N. Y., 1975, p. 3. Уже в 1934 г. на встрече турецких ученых было торжественно объявлено, что «турецкий язык является тем языком, от которого другие ведут свое начало».

¹⁰ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940, с. 158.

Исидора Севильского, посвященный изложению общей системы знаний того времени, называется *Etymologiarum*. В XVI—XVII вв. в этом занятии появляется еще и момент поиска праязыка, т. е. несколько меняется направленность исследований. Таким образом, с идеей поиска истинного значения слов оказывается связанной еще одна идея: языки во время Вавилонского столпотворения были разделены по определенным законам. Следовательно, исходя из реально существующих языков, можно восстановить первоначальный язык человечества — *lingua adamica*. Ученые составляли огромные коллекции слов разных языков, чтобы выявить элементы «адамова языка». Эта идея сосуществовала с признанием древнееврейского первым языком человечества. На поиски языка Адама могли косвенно повлиять идеи Лютера. Последний считал, что истина скрывается в словах, в языке. Названия, которые Адам давал животным, гармонировали со всем мирозданием и в то же время являлись знаками человеческого контроля. Адам был величайшим из философов и остался таким даже после изгнания из рая¹¹.

Был предложен и один своеобразный — в духе времени — критерий проверки истинности выявленного *lingua adamica*. Этим критерием считалось откровение. «В моменты посещения божественного духа Беме объявил, что он получал прямой взгляд в природу вещей, и он понимал язык Адама; таким образом, слова стали в эти моменты прямым выражением сущности вещей; и, отсюда, язык стал подлинно натуральным, каким он был при Адаме. Каждое слово обнаруживало природу вещей, почти как для нас это делает химическая формула»¹². Я. Беме «немецкие и латинские слова ... разлагает на слоги, чтобы произвольно их истолковать и узнать смысл целого. *Taufel*, *Mer-cu-ri-us* — эти слова — термины из алхимических сочинений Парацельса»¹³. Кстати, Парацельс и Ян Амос Коменский — ученые, которые наряду с Беме писали о языке Адама. Но Парацельс в одном из

¹¹ Aarsleff H. Leibniz on Locke on language. — *American Philosophical Quarterly*, 1964, v. 1, N 3, p. 179.

¹² Aarsleff H. An outline of language origins theory since the Renaissance. — In: *Origins and evolution of language and speech*. N. Y., 1976, p. 6.

¹³ Виндельбанд В. История новой философии. 3-е изд., т. 1. Спб., 1913, с. 92.

сочинений высказал также мысль, что человек заимствовал язык у птиц ¹⁴.

4.3.0. Необходимо рассмотреть еще одно направление средневековой мысли, которое, исчезнув еще в эпоху Возрождения, оставило, однако, важные идеи, вошедшие в круг вопросов, обсуждавшихся в связи с происхождением языка.

4.3.1. В трудах каппадокийских отцов церкви (Василия Великого, Григория Назианзина, Григория Нисского) в ответ на определенные тезисы Аэция, и особенно его ученика Евномия, возникло учение о божественных именах. Несколько позже оно было развито в «Ареопагитиках». Ересиархи утверждали, что все имена, даваемые в писании богу, кроме имен «отец», «сын» и «дух святой», «должны трактоваться как простые метафоры»¹⁵. Их оппоненты не могли с этим согласиться и доказывали, что другие эпитеты также выражают существенные стороны божественного естества.

Не вдаваясь в тонкости дискуссии, заметим, что богословам пришлось исследовать способы обозначения. Было предложено деление слов на два класса: обобщающие и различающие или, в некоторых вариантах, положительные и отрицательные ¹⁶. (Последняя мысль предвосхищает в некотором отношении один момент в работах Гоббса и Локка, когда последние обсуждают последовательность появления положительных и отрицательных имен.)

В процессе обсуждения принципов именования богословам пришлось опять обратиться к проблеме связи слов с обозначаемыми объектами, хотя они и не формулировали проблему так четко, как античные философы. Соответственно и ответы не столь однозначны.

4.3.2. Например, в книге «Опровержение Евномия» Григорий Нисский склоняется к признанию условности связи имени и объекта: «Ибо именуемому у них рождением, по тому, что рожден, не естественно по сему самому называться произведением и тварью. Весьма большая разность в означаемом каждым из сих имен, и с рассуди-

¹⁴ Paracelsus von Hohenheim Theophrastus. Sämtliche Werke. München — Berlin. Bd 9.

¹⁵ The Cambridge history of later greek and early medieval philosophy. A. H. Armstrong ed. Cambridge, 1967, p. 434.

¹⁶ Ibid.; см. также: Антология мировой философии, т. 1, ч. 2, с. 612—613.

тельностью пользующемуся речениями надлежит употреблять слова, имея в виду подлежащее, чтобы не произошло у нас слитности понятий, когда одни речения изменять станем в другие, несвойственные их значению»¹⁷. Но «поелику Божество превосходнее и выше всякого означения именами, то научились мы молчанием чествовать превышающее и слово и разумение»¹⁸.

Отметим здесь такое движение мысли: божественное происхождение языка берется как факт, и этот факт следует совместить с идеей о том, что бога невозможно обозначить никаким именем, почему и следует чтить его молчанием.

Признавая условный характер связи имен с объектами, Григорий следует за Аристотелем, который считал, что имена произвольны, но могут правильно выражать истинное положение дел. В то же время у Григория есть высказывания, которые можно трактовать как признание единственности некоторого имени для определенного объекта: «Ибо все то, что не ложно, и не по злоупотреблению, но в собственном смысле представляется под одними и теми же именами, по всей необходимости должно признавать одним и тем же естеством, означаемым одними и теми же именами»¹⁹. Здесь, видимо, Григорий просто отдает дань традиции. Для сравнения приведем высказанный без всякого намека на дискуссию тезис Исидора Севильского: «Сказанное имя как бы знак, который называет нам вещи их именами. Если знаешь имя, обретишь познание вещей»²⁰.

4.3.3. Любопытно, что хотя о происхождении языка Григория Нисского прямо не говорится, Кондилляк и Монбоддо считают его приверженцем теории изобретения и ссылаются на «Опровержение Евномия» как на доказательство того, что эта теория разделялась отцами церкви. В принципе, в рамках простейшей схемы, условность именования и теория изобретения связываются очень легко: раз имена произвольны, значит человек дал их по своему усмотрению. Но затем ученые XVIII в. делают

¹⁷ Григорий Нисский. Опровержение Евномия. — Творения, ч. V. М., 1863, с. 430—431.

¹⁸ Там же, с. 416.

¹⁹ Там же, с. 357.

²⁰ Isidori Hispalensis. Etymologiarum. — In.: Migne. Patrologie..., p. 82.

еще один шаг, которого Григорий не делает: бог, следовательно, не играл в происхождении никакой роли. На самом деле вполне можно соотносить произвольность имен с гипотезой божественного происхождения языка. В позднем средневековье это было сделано весьма четко (а затем, к сожалению, основательно забыто). Соотношение проводилось на основе различения языковой способности и конкретных языков. Простейший вариант этой теории таков: бог вдохнул в Адама дар слова, а последний создал язык по своему произволу. Эту концепцию можно найти у армянских философов, у Яна Амоса Коменского; сходные мысли высказывал Ломоносов²¹. Приведем только разработку этой идеи Николаем Кузанским.

4.3.4. У него, при безусловной вере в сотворение человека богом, можно найти как учение об условной связи, так и высказывания об изобретении языка: «Имена налагаются сообразно нашему различению вещей движением рассудка, который много ниже интеллектуального понимания»²²; «...Я полагаю, что таящаяся в нас способность заключить в понятиях первообразы всех вещей, называемая мною умом, вообще не может получить соответствующего имени. Как человеческий рассудок не достигает сущности божиих творений, так не достигают ее и имена»²³; «Первый человек налагал имена вещам на основании человеческих представлений, и в названиях нет поэтому такой точности, чтобы уже нельзя было назвать вещь каким-то другим более точным словом»²⁴.

Здесь мы наблюдаем движение мысли к различению языковой способности и конкретного языка, который не является совершенным выражением этой способности.

4.3.5. Трудно сказать, кто впервые задал это противопоставление. Создается впечатление, что оно, не являясь традиционным, в разных модификациях появляется у разных авторов, пытавшихся совместить божественную теорию происхождения языка, аристотелевское положение о том, что дар речи отличает человека от животных и представление о несовершенстве и произвольности имен.

²¹ История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981, с. 10—11; Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. — Полн. собр. соч., т. VII, М. — Л., 1952, с. 91—92.

²² Николай Кузанский. Соч. в 2-х т., т. 1. М., 1979, с. 89.

²³ Там же, с. 389; ср. с цитатой из Григория Нисского (4.3.2).

²⁴ Там же, т. 2. М., 1980, с. 400—401.

4.4.0. В то время как в Европе вопрос о происхождении языка находился на периферии научных дискуссий, в арабском мире интерес к нему проявился в длительном научном споре, который велся с конца VIII до начала XI в., когда он довольно неожиданно заглох.

4.4.1. Мусульманские филологи в VIII в. широко обсуждали вопрос о сходстве между звуковыми оболочками слов и их значениями. Ибн Джинни считает, что первым, кто начал этим заниматься, был Халал ибн Ахмад. Последний, например, утверждал, что разница в звучании слов «кузнечик» (*ṣaḡṭa*) и «сверчок» (*ṣarsara*) отражает разницу в звуках, издаваемых самими насекомыми²⁵. В русле этой традиции возникает учение Аббада ибн Сулеймана, согласно которому происхождение языка коренится в природном сходстве между словами и обозначаемыми предметами. Язык, по этой теории, родился из естественной человеческой склонности подражать звукам природы, или на основе оноματοпоэтического принципа (для такого представления о языке в латинской традиции есть великолепное словосочетание — *vox percussa naturae* — «отраженный глас природы»). Нетрудно увидеть в этих представлениях продолжение, отчасти же повторение, традиции стоиков.

Сразу же после своего появления «натуральная теория» (как ее называли противники) встретила оппозицию в лице теории откровения. Создание последней в арабской литературе, как правило, связывается с именем ал-Ашари, однако есть указания на то, что она появляется раньше, в работах Абу Али ал-Джуббай — отца Абу Хашима — создателя теории общественного договора²⁶. В IX в. в каламе — традиционном арабском богословии, окончательно оформляется теория откровения, а в противовес ей — теория общественного договора, которой в мусульманской традиции придерживались мутазилиты.

Эти теории трактуются следующим образом.

Теория откровения: «1. Язык арабский (который, разумеется, был первым языком человечества) целиком создан Аллахом. Он всему богатству языка научил Адама. 2. Арабский язык является плодом божественного откровения».

²⁵ Weiss B. G. Medieval muslim discussions of the origin of language. — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, 1967, Bd 124, N 1, S. 37.

²⁶ Ibid., p. 38.

вения, но он не был создан сразу. Основы арабского языка с определенным количеством лексики были преподаны Адаму, далее — всем пророкам с соответствующим обогащением его, и лишь Мухаммаду было сообщено все богатство языка»²⁷. Отметим, что оба варианта, с небольшим отклонением в деталях, существовали и в европейской традиции.

Теория общественного договора (соглашения): «...язык — это общественный договор, продукт совместного «называния» вещей, при этом выбор имен в основном произволен»²⁸.

Обсуждение этих теорий привело к созданию двух компромиссных концепций. Суть первой состояла в том, что «бог дал часть языка, открывшую возможность сотрудничества и договора, остальной язык явился результатом соглашения»²⁹. Эта теория, как и «натуральная», несет отпечаток стоической традиции — деление слов на первые и производные. Вторая была сформулирована ал-Бакыллани, который объявил, что обе теории (откровения и общественного договора) правдоподобны и равноправны и нет критерия, который позволил бы предпочесть одну из них. Суннитская традиция последовала за ал-Бакыллани, и вскоре вопрос о происхождении языка сделался второстепенным и несущественным.

Для полноты картины следует упомянуть появление оригинального варианта теории общественного договора у ал-Хараси: «...язык возник в обществе из-за нужды указывать на предметы и понятия, дабы сообщить друг другу об этих предметах. В первое время язык состоял только из сигналов с одним согласным в сопровождении голоса, но в дальнейшем люди начали создавать сложные соединения из двух, трех, четырех и пяти согласных с соответствующими гласными и аффиксами, что в конце концов привело к созданию языка»³⁰. Здесь впервые появляется мотив постепенного формирования звуковой стороны языка.

4.5.0. В той греческой традиции, которая была воспринята средневековыми учеными, понятие связывалось с

²⁷ История лингвистических учений. Средневековый Восток, с. 64.

²⁸ Weiss B. I. Medieval muslim discussions..., p. 34.

²⁹ Ibid., p. 35.

³⁰ История лингвистических учений. Средневековый Восток, с. 64.

сущностью обозначаемого им (см., например, тезис Исихора Севильского в 4.3.2). Уверенность в существовании такой связи была подорвана учением о божественных именах, а затем разрушена во время знаменитого спора номиналистов и реалистов. (Поколебало эту уверенность, видимо, и еще одно движение мысли, связанное с возможностью различных трактовок одного и того же имени. Подобные идеи высказывал, например, Алкуин. В своих сочинениях он показывает, что имена можно понимать по-разному. Он исследует имена праотцев — Авраама, Исаака и других, рассматривая их буквально, аллегорически и морально. Одни и те же имена получают при этом разные интерпретации ³¹.)

4.5.1. Мы не будем касаться этого спора, поскольку он велся по поводу понятий, но обратим внимание на тот его аспект, который относится к словам. Необходимо отметить, что различение слов и понятий проводилось нечетко. Так, если Росцеллин называет понятия *flatus vocis* («дуновение голоса»), то речь, очевидно, идет о словах. В свою очередь, Абельяр тоже говорит о языке, а не о понятиях (под понятием мы разумеем мысль о существенных признаках предмета, что может ассоциироваться только со значением, но никак не с внешним выражением): *Sermo generatur ab intellectu et generat intellect* ³². Ансельм Кентерберийский различает три способа фиксации вещей: «Мы можем делать это знаками, выражаемыми в словах, которые мы слышим и видим, когда они произнесены или написаны, во-вторых, мы можем вызвать эти слова в нашем уме и отождествить объект с этим мысленным понятием (*concept*) или же, в-третьих, мы можем это делать без всяких посредствующих знаков, думая об объекте самом по себе; например, как конкретная форма „человек“, так и общая идея обозначают „животное разумное и смертное“. Действительные слова только в исключительных случаях идентичны определяемому объекту. Это происходит, когда мы произносим гласный „а“. Но такое тождество, независимое от любых различий языка, всегда достигается, когда мы думаем об объекте прямо, без посредства слов. Этот вид обозначения есть ближай-

³¹ B. Flacci Albinus seu Alcuini abbas et caroli magni imperatoris magister. Opera omnia, t. L.— Migne. Patrologie, t. 100. Paris, 1851, p. 725—734.

³² Цит. по кц.: Мюллер М. Наука о мысли. Спб., 1891, с. 33.

шее представление мира как он существует в уме создателя»³³. Хотя Ансельм является представителем умеренного реализма, слова для него оказываются простыми метками. Мы отмечаем этот момент, поскольку он, видимо, сыграл свою роль в становлении английского номинализма.

4.5.2. Через два века после Ансельма произошло возрождение номинализма в работах Дунса Скота и особенно У. Оккама. В учении последнего о знаках различаются естественные произвольные знаки и знаки как отпечатки данных внутреннего или внешнего опыта, которые, в свою очередь, делятся на естественные (дым как знак огня) и искусственные (слово «Тибр», служащее для обозначения реки, на которой расположен Рим ³⁴), т. е. слова оказываются искусственно установленными (произвольными) знаками.

Как показало время, английский номинализм явился тем достижением средневековой мысли, которое оказало наибольшее влияние на глоттогенетические концепции позднейшего времени.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА В ПОНИМАНИИ ФИЛОСОФОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

...Где меч силлогизма горел и сверкал,
Проверенный чистым рассудком.
И что же? Сражение он проиграл
Во славу иным прибауткам!

Н. Заболотский

5.0. Средневековые и возрожденческие представления явились фоном, на котором получил развитие номиналистский подход к языку. Круг обсуждавшихся в связи с ним вопросов и стал предметом настоящего раздела.

5.1. Представители данного направления начинают с сомнения в возможности найти истинные значения слов.

³³ The Cambridge history..., p. 624.

³⁴ Джохадзе Д., Стяжкин Н. И. Введение в историю западноевропейской средневековой философии. Тбилиси, 1981, с. 271.

Ф. Бэкон объявляет этимологизирование пустым занятием: «...конечно, такого рода предмет весьма изящен и похож на воск, который удобно мять и из которого можно лепить все, что угодно; а поскольку при этом исследовании стремятся, как видно, проникнуть в самые глубокие тайники древности, то тем самым оно начинает вызывать к себе какое-то особенное уважение, что тем не менее не мешает ему оставаться весьма малодостоверным и совершенно бесполезным»¹.

5.2.1. Наиболее ясные и резкие очертания английская номиналистическая традиция обретает у Гоббса. Основные положения его концепции зафиксированы в «Основах философии» и развиты в «Левиафане»:

1) бог по своему усмотрению избрал некоторые имена и научил им Адама. «Однако этого было достаточно, чтобы научить его прибавить еще имена... а также постепенно соединять эти имена таким образом, чтобы быть понятым. Таким образом, с течением времени могло накопиться столько слов, сколько Адаму необходимо было, хотя не в такой мере, как это необходимо оратору или философу»², т. е. у Адама сначала не было абстрактных слов, и многое ему было внушено без посредства языка сверхъестественным путем³;

2) затем этот язык был утрачен во время постройки Вавилонского столпа;

3) «И так как ...люди были при этом вынуждены расщепляться по разным частям света, то необходимым следствием этого было, что существующее ныне разнообразие языков было постепенно создано ими, по мере того, как их научила этому нужда (мать всех изобретений)»⁴.

Гоббс подразумевает, что развитие имен от конкретных к абстрактным повторилось, как и у Адама. Кроме того, введя различие между положительными и отрицательными именами, он говорит, что первые появились раньше последних⁵.

¹ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. — Соч. в 2-х т., т. 1. М., 1971, с. 334.

² Гоббс Т. Левиафан. Госсиздат, 1936, с. 51.

³ Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1964, с. 233.

⁴ Гоббс Т. Левиафан, с. 52.

⁵ Гоббс Т. Избр. произв., т. 1, с. 65.

5.2.2. Гоббс утверждает: «...я считаю возникновение имен результатом произвола, что является, по моему мнению, предположением, не подлежащим никакому сомнению»⁶. Этот тезис он подтверждает развернутой аргументацией: имена ежедневно возникают и исчезают; имена, данные богом (по его усмотрению), утратились и заменены людьми другими по их произволу; имена изобретаются философами и математиками, стремящимися как можно точнее выразить свои идеи; слово «камень» может явиться знаком камня только потому, что слушающий понимает, что говорящий имеет в виду камень; не необходимо, чтобы имя было именем вещи; имена относятся и к образам сновидений, и к таким понятиям, как «будущность» или «ничто», которые не являются вещами, т. е. к понятиям, существующим только в представлении⁷. Более того, Гоббс считает произвольность признаком именно человеческого языка, отличающим его от инстинктивных выкриков животных.

5.2.3. Обратим внимание еще на один момент: хотя Гоббс отмечал важность языка для функционирования общества, он, по-видимому, не думал, что именно общественное состояние привело к появлению речи. Он полагал, что если бы на земле был один человек, у него мог бы быть язык, но имена были бы лишь точками опоры для памяти, а не средствами сообщения⁸. Гоббс отдал пальму первенства не коммуникативной функции, а функции закрепления в памяти отдельных впечатлений. «...Имена по своему существу прежде всего суть метки для подкрепления памяти»⁹. Таким образом, он поставил проблему исследования характера связи языка и мышления.

5.3.1. Д. Локк, оставаясь на позициях произвольности языкового знака, в некоторых моментах своей концепции существенно расходится с Гоббсом. На первое место он ставит необходимость общения: «Создав человека существом общественным, бог не только создал его со склонностью к общению с другими подобными ему существами и сделал это общение необходимым для него, но и даровал ему язык, который должен был стать великим орудием

⁶ Там же, с. 63.

⁷ Там же, с. 63—64.

⁸ Там же, с. 62.

⁹ Там же.

и общей связью общества»¹⁰; «Слова — чувственные знаки, необходимые для общения»¹¹. Правда, он не совсем последовательно утверждает, что слова «обозначают только собственные идеи отдельных людей», что «очевидно из того, что слова часто не вызывают у других людей (даже говорящих на том же языке) тех идей, за знаки которых мы их принимаем»¹². (Впоследствии Беркли доводит до логического конца это рассуждение Локка, утверждая следующее: «...нет необходимости, чтобы (даже в самых строгих рассуждениях) имена, которые что-либо обозначают и которыми обозначаются идеи, возбуждали в уме каждый раз, как только они употребляются, те самые идеи, для обозначения которых они образованы...»¹³. Эта посылка для Беркли — одна из основных, когда он доказывает невозможность существования абстрактных идей.)

Такая непоследовательность Локка, видимо, объясняется тем, что он пытается соединить широко понимаемую идею произвольности (произвольна не только связь слова и обозначаемого им предмета, но произвольно и использование этих слов отдельными людьми) с фактом продуктивного общения людей при помощи языка.

5.3.2. Для нас наиболее важен тот факт, что, в отличие от Гоббса, Локк считает не вполне произвольным образование слов, если иметь в виду генетический план. «Природа, даже при наименовании вещей, бессознательно внушала людям источники и начала всего их познания. Когда давали названия, которые могли бы сделать известными другим всякие внутренние действия и всякие иные идеи, не относящиеся к области чувств, люди были принуждены заимствовать слова от узанных обычным путем идей ощущения и при их посредстве облегчать другим понимание испытываемых внутри действий, внешне не проявляющихся»¹⁴.

Здесь, правда в достаточно смутном виде, Локк высказывает идею междоиметного происхождения языка. Р. Бойль несколько ранее высказал по этому поводу мысль, повторенную Локком, что первые имена давались

¹⁰ Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1. М., 1960, с. 402.

¹¹ Там же, с. 404.

¹² Там же, с. 407.

¹³ Беркли Дж. Сочинения. М., 1978, с. 166.

¹⁴ Локк Д. Избр. филос. произв., т. 1, с. 403.

не философиями и, следовательно, давались без знания сути вещей, по внешним проявлениям¹⁵. Эту мысль Бойль, как и Гоббс, высказывает в противовес господствовавшему в протестантизме мнению об Адаме — величайшем из философов (ср. 4.2.5).

5.3.3. Локк считает, что развитие шло от единичных чувственных идей к абстрактным идеям. Слово стало обозначать множество предметов «только благодаря различию идей, знаками которых стали эти звуки: общими становятся те названия, которыми обозначаются общие идеи, а единичными названия остаются тогда, когда единичны идеи, для которых они употребляются»¹⁶, т. е. развитие идет от имен собственных к именам нарицательным.

5.3.4. Локк попутно затрагивает важный вопрос о возможности существования членораздельной речи у животных, но мнение его по этому поводу противоречиво. Он справедливо различает звуковую и содержательную стороны языка, утверждая, что простой способности издавать членораздельные звуки «...было еще недостаточно для возникновения языка, ибо довольно ясному произведению членораздельных звуков можно научить попугаев и разных других птиц, которые, однако, совершенно не обладают даром речи»¹⁷. А несколько ранее он сочувственно излагает рассказ дипломата В. Темпла о попугае, который был способен вести содержательную беседу. Это свидетельствует только о том, что звуковая сторона языка представлялась чем-то второстепенным. Дар речи как Гоббс, так и Локк видят в способности выражения абстрактных идей¹⁸.

5.4.0. Теория познания Локка вызвала серьезную критику со стороны Г. Лейбница, который наряду с другими вопросами исследовал и проблемы, связанные с пониманием существа и генезиса языка.

5.4.1. Лейбниц разделяет языки на естественные и искусственные. Искусственными он называет те, которые созданы произвольно отдельными людьми для специальных целей; к ним он относит вежеские жаргоны, воровское аргю и даже, видимо, китайский язык. Дело в том, что лей-

¹⁵ The workes of the honourable Robert Boyl. Th. Birch ed. L. 1772, v. III, p. 41.

¹⁶ Локк Д. Избр. филос. произв.; т. 1, с. 403.

¹⁷ Там же, с. 402.

¹⁸ Гоббс Т. Избр. произв., т. 1, с. 231 и сл.; Локк Д. Избр. филос. произв., т. 1, с. 402 и сл.

денский профессор-арабист Я. Голиус утверждал, что запас слов у китайцев невелик и они разнообразят его с помощью тонов. Следовательно, такой язык мог, по мнению Лейбница, быть придуман одним человеком. Естественный же язык — это *lingua adamica*, от которого произошли другие языки, причем — и это особо важный момент — Лейбниц считает, что *lingua adamica* — не один из существующих языков, а какой-то иной. Главное отличие этого языка от существующих заключается в том, что «если бы мы имели первичный язык во всей его чистоте или достаточно сохранившимся, то в нем должно было обнаружиться его основание, будь то физические связи, будь то произвольное установление, но во всяком случае мудрое и достойное первого творца»¹⁹.

Заметим, что «Новые опыты о человеческом разуме» были опубликованы только в 1765 г., т. е. уже после выхода в свет работ Кондильяка, Шарля де Бросса и др. Но ту же идею относительно праязыка Лейбниц проводит и в прижизненно опубликованных произведениях²⁰. (Эта мысль присутствует в поздних работах Лейбница. В ранних же он, видимо, разделяет «еврейскую гипотезу», но считает, что немецкий возникает не позднее древнееврейского и он не хуже древнегреческого и латинского языков. При этом, по мнению Лейбница, язык, который сохранил больше корневых слов со времени Вавилонского столпотворения и смешения языков, лучше согласуется с природой, с божественным разумом, с истиной²¹.) Лейбниц полагает, что немецкий и галльский восходят к кельтскому, а тот вместе с латинским и греческим — к какому-то неизвестному языку²².

Основной функцией языка Лейбниц, видимо, считает коммуникативную: «Я полагаю, что без желания заставить себя понять мы действительно никогда не создали бы языка»²³.

¹⁹ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.— Л., 1936, с. 245.

²⁰ См., например: *Leibnitii Brevis designatio meditationum de orinibus gentium ductis potissimum ex indicio linguarum. Miscellanea Berolinensia*, t. I, 1710.

²¹ Предисловие Лейбница к кн.: *Marius Nizolius. Anti-barbarus seu de veris principiis et vera ratione philosophandi contra Pseudo-philosophas*, 1670.

²² Мачавариани М. В. Воззрение Локка и Лейбница о языке. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1958, с. 17.

²³ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме, с. 239.

5.4.2. Лейбниц резко расходится с Локком в двух моментах (и оба эти момента имеют самое непосредственное отношение к постановке проблемы происхождения языка):

1) для общения необходимо, чтобы в наших идеях, выражаемых с помощью языка, было нечто сходное: «Если люди не согласны в значении слова, то разве это меняет самые вещи или их сходства? Если один применяет слово «скупость» к одному сходству, а другой — к другому, то это будут два различных вида, обозначенных одним и тем же словом»²⁴;

2) развитие значений слов не может идти от частного к общему, так как язык по самой своей природе является обобщающим: «Общие термины служат не только для усовершенствования языков, но они необходимы также по самому существу последних. Действительно, если под отдельными вещами понимать индивидуальные вещи, то невозможно было бы разговаривать, если бы существовали одни только имена собственные и не было бы никаких нарицательных имен, т. е. если бы существовали слова только для обозначения индивидов, так как каждую минуту возникают все новые слова, когда дело идет об индивидах, событиях и в особенности о действиях, представляющих то, что мы обозначаем чаще всего. Но если под отдельными вещами понимать низшие виды (*species infimas*), то помимо того, что очень часто трудно их определить, они, очевидно, являются уже универсалиями, основанными на сходстве»²⁵.

Наиболее сильный аргумент сторонников развития значений от частных к общим тот, что дети развивают свои понятия именно таким образом. Лейбниц возражает против этого: чтобы убедиться, что ребенок «...вовсе не имел точной идеи данного индивида, достаточно лишь учесть, что небольшое сходство способно легко его обмануть и заставить его принять за свою мать другую женщину»²⁶.

Таким образом, по Лейбницу, у детей изначально не существует индивидуальных понятий, а сразу видовые. Это особенность человеческого восприятия действительности. Кроме того, Лейбниц вообще считает, что собственные имена вначале были нарицательными, так как в противном случае они должны были бы существовать

²⁴ Там же, с. 255.

²⁵ Там же, с. 240.

²⁶ Там же, с. 253.

без всякой причины²⁷: «Известно, что первый Брут получил это имя вследствие своей кажущейся тупости, что Цезарем называли ребенка, извлеченного путем чревосечения из утробы матери...»²⁸.

5.4.3. Лейбниц, видимо, признает за животными наличие некоторой языковой способности. «Так, глубоко-мысленный Лейбниц ручается за факт, сообщенный им Королевской Академии в Париже, которая заявила, что усомнилась бы в нем, если б он не был засвидетельствован таким выдающимся лицом, именно, что он слышал, как собака одного крестьянина отчетливо и отдельно произносила тридцать различных слов, которым ее выучил сын ее хозяина»²⁹.

5.5.0. Заметим, что идет постепенное расширение круга идей, связываемых с проблемой происхождения языка, но, несмотря на изредка сверкающие догадки о развитии собственно языка, до начала XVIII в. цельной картины развития языка как системы, намеченной хотя бы отдельными штрихами, мы нигде не находим. Впервые такая картина, представленная крайне своеобразно, обнаруживается в книге Джамбатиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций».

5.5.1. Вико говорит о трех языках, соответствующих трем периодам исторического развития — периодам богов, героев и людей: «...первым был божественный умственный язык посредством немых религиозных движений... Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели еще артикулировать речь. Второй язык был языком героических знаков: на нем говорили посредством гербов»³⁰. Этот второй язык состоял наполовину из артикулированного (человеческого), наполовину из немого (религиозного)³¹. «Третий — это разговорный язык, ныне у всех наций артикулированный»³². Разговорный язык возник «от свободного народного соглашения, соответ-

²⁷ См.: Aarsleff H. Leibniz on Locke on language. — American Philosophical Quarterly, 1964, v. 1, N. 3, p. 170—171.

²⁸ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме, с. 251.

²⁹ Романэс Д. Духовная эволюция человека. М., 1905, с. 182, примеч.

³⁰ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940, с. 380—381.

³¹ Там же, с. 171.

³² Там же, с. 381.

венно тому вечному свойству, что существует у народов право говорить и писать по-народному»³³.

Заметим, кстати, что происхождение языка и письменности Вико относит к одному периоду. Очень резко Вико выступает против произвольности значений слов. Он считает, что языковеды верят в это «ради успокоения своего невежества»³⁴.

Последовательно проводимый Вико эволюционный принцип заставляет его говорить о возникновении системы языка. Он, собственно, говорит о происхождении грамматической системы, т. е. о последовательности появления частей речи. По его мнению, первыми частями речи были междометия, затем местоимения, потом члены (артиклы). Позднее стали образовываться частицы (к последним Вико в большинстве случаев относит предлоги). Затем только появляются имена. «Имена родились раньше глаголов; это доказывает нам то вечное свойство, что Речь не имеет смысла, если она не начинается с имени, выраженного или умолчанного»³⁵. Такой порядок возникновения слов задает естественные причины синтаксиса.

Содержательно развитие языка следовало порядку идей, а порядок идей таков: «...сначала были леса, потом хижины, затем деревни, после — города, наконец — Академии»³⁶. Этот порядок соответствует этапам развития человеческой цивилизации в понимании Вико. План выражения сначала состоял из односложных звуков, которые накапливались и образовывали потом различные комбинации.

6.5.2. Относительно праязыка Вико высказывает туманную идею, что если изучить все слова в совокупности с обычаями и т. п., то «эти слова расскажут нам о происхождении различных словесных Языков, сходящихся в одном общем Идеальном Языке»³⁷. Но остается неясным, каков этот идеальный язык, существовал ли он реально, и если существовал, то в какой форме.

Несмотря на то, что о языке Вико пишет немало и высказывает при этом глубокие интересные мысли, все же эта тема является для него побочной. В общем можно сказать, что «Новая наука» завершает определенный этап

³³ Вико Дж. Основания новой науки..., с. 165.

³⁴ Там же, с. 169.

³⁵ Там же, с. 174—175.

³⁶ Там же, с. 176.

³⁷ Там же, с. 178.

в развитии философских представлений о происхождении языка. Этот этап характеризуется тем, что хотя круг проблем, обсуждаемых в связи с усложнившимся представлением о происхождении языка расширился, сам развивающийся язык еще не стал предметом рассмотрения.

5.6.1. В Новое время развивается еще одна тенденция, имеющая отношение к постановке вопроса о происхождении языка, — попытки создания всеобщей грамматики. Идея создания такой грамматики была близка Лейбницу. В интересующем нас аспекте большую роль сыграла «Общая и рациональная грамматика» К. Лансло и А. Арно (Пор-Рояль, 1660 г.). Эта книга — развитие идей Декарта в приложении к языку. Основная мысль этой грамматики заключается в том, что категории языка соответствуют логике — категориям мышления, которые являются всеобщими. Она посвящена анализу частей речи и грамматических категорий. Язык трактуется как в основе своей неизменное образование, хотя высказывается, например, идея о вероятном появлении местоимений: последние были изобретены, так как казалось неудобным повторять одно и то же имя, когда оно возникало несколько раз в одном и том же контексте. Статичное представление о языке, характерное для универсальных грамматик (а их в конце XVII — начале XVIII в. появилось множество), существовало и разрабатывалось наряду с этимологизированием.

* * *

Итак, хотя обобщающей концепции не было, в Новое время обсуждается ряд проблем, без решения которых серьезное представление о глоттогенезе невысказуемо. Эти проблемы таковы.

1. Вопрос о функциях языка: либо он в первую очередь служит для закрепления в памяти впечатлений, либо для общения.

2. Слова обозначают собственные идеи отдельных людей, либо обладают объективным содержанием. Как Гоббс, так и Локк считают, что словами обозначаются и конкретные идеи, и абстрактные — наличие вторых отличает человека от животных. Беркли, доводя эту мысль до логического конца, доказывает, что язык не выражает никаких абстрактных идей; Лейбниц же, возражая Локку,

доказывает, что в значении одного слова, употребляемого разными людьми, есть нечто общее, объективное.

3. Произвольны ли знаки языка? Продолжается на новом уровне спор древнегреческих философов. Гоббс настаивает на генетической и на синхронной произвольности, Локк — на синхронной; Лейбниц и Вико отрицают произвольность в принципе.

4. Развивались ли значения слов от конкретных к абстрактным, от единичных — к общим, от имен собственных — к именам нарицательным? Либо наоборот — от общих к единичным? Английские философы разрабатывают первую линию, Лейбниц — вторую.

5. Кроме того, Вико начинает обсуждать следующий важный момент: язык как система последовательно формируется благодаря постепенному появлению различных частей речи, т. е. акцент переносится с обсуждения появления отдельных знаков, слов на появление языка как системы.

6. Было введено различие между естественным языком, о котором должна идти речь, когда ставится вопрос о происхождении, и искусственными, которые могли быть придуманы отдельными людьми. Этим различием снимается вопрос о возможности изобретения языка.

7. Была отброшена «еврейская гипотеза». Язык Адама стал рассматриваться не как один из существующих языков, а как гипотетический, предшествовавший существующим и даже древним языкам. И естественно вставала проблема, а каким же был этот гипотетический праязык?

8. Наряду с продолжающимся этимологизированием разрабатывается представление о языке как выражении логических категорий — исследования в области создания универсальной грамматики.

ТРАДИЦИЯ КОНДИЛЬЯКА И НОВЫЙ ИНТЕРЕС К ПРОБЛЕМЕ

Она еще не родилась,
Она — и музыка, и слово
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

О. Мандельштам

6.1.0. В 1746 г. выходит в свет трактат Этьена Бонно де Кондильяка «Опыт о происхождении человеческих знаний», где самый большой раздел посвящен происхождению языка.

Трудно сказать, насколько Кондильяк был знаком с работами своих предшественников. В первую очередь он опирается на работы Локка. Не случайно первое английское издание «Опыта» представляло собой сокращенный перевод, опубликованный в качестве приложения к очередному изданию главного труда Локка. Сам Кондильяк утверждает, что продолжил работу, которую Локк наметил, но не завершил¹. Кондильяк продолжает традицию разработки универсальной грамматики. В «Логике» он пишет: «...правильное понимание этимологии позволяет открыть правильное мышление и избежать всякой метафизики за исключением локковского ее варианта»². Кроме того, Кондильяк опирается на труд У. Уорбертона «Божественная миссия Моисея» (1737—1741 гг.), откуда он, видимо, заимствовал учение о языке жестов. В «Опыте» можно также проследить влияние философии Ньютона, известной Кондильяку по книге Вольтера. Трудно определить, знал ли Кондильяк «Новую науку» Вико. Сокращенный перевод ее был издан во Франции до написания «Опыта», но ссылок на эту книгу у Кондильяка нет.

6.1.1. Безусловно, главное, что сделал Кондильяк, — это четкая постановка проблемы. Он попытался понять, как язык мог «произойти естественным образом»³, т. е. он сделал предметом исследования язык, развивающийся от простейших выкриков до современных языков. Этот предмет исследования оказался настолько привлекатель-

¹ Кондильяк. Сочинения в трех томах, т. 1. М., 1980, с. 71.

² Цит. по кн.: Aarsleff H. The study of language in England. 1780—1860. Princeton, 1967, p. 25.

³ Кондильяк. Соч. в 3-х т., т. 1, с. 183, примеч.

ным, что во второй половине XVIII в. пишутся десятки работ на эту тему, происхождение языка становится центром широких дискуссий. (Наиболее известны работы Руссо, почему его чаще других и называют, описывая эти дискуссии. Это, пожалуй, больше связано не со значимостью его исследований в области происхождения языка, а вообще с его громадной популярностью. В действительности работы Руссо — лишь отклики на трактат Кондильяка⁴.)

В начале своей работы Кондильяк намечает исследование истории языка, которая «покажет обстоятельность, при которых знаки были придуманы; она позволит узнать их истинный смысл, научит не допускать злоупотребления ими и не оставит, я думаю, никакого сомнения относительно происхождения наших идей»⁵.

6.1.2. Кондильяк не оспаривает библейских версий происхождения языка. Но чтобы обойти их, он делает следующее гипотетическое предположение: «...После потопа двое детей того и другого пола заблудились в пустыне, прежде чем узнали, как пользоваться знаками... пусть мне будет дозволено высказать об этом предположение, каким образом этот нарождающийся народ создал себе язык»⁶. Такой подход по сравнению с предшествующими дает следующие преимущества:

1) развивающийся язык становится самостоятельным предметом исследования (для сравнения: Локк исследовал историю идей, Гоббс, Вико и Руссо — общества);

2) исключается вопрос о божественной природе и происхождении языка сверхъестественным образом, либо этот вопрос ставится иначе;

3) рассматривается одновременно эволюция как плана выражения, так и плана содержания; поскольку раньше речь шла в основном об идеях, во внимание брался только план содержания, а о звуковой стороне высказывались лишь случайные догадки;

4) в рамках изучения эволюции языка как системы начинает различаться становление лексики и синтаксиса.

⁴ Вопрос о том, почему Кондильяк оказался в тени, подробно исследован Г. Аарслифом (см.: Aarsleff H. The tradition of Condillac: The problem of the origin of language in the Eighteenth Century and the debate in the Berlin Academy before Herder. — Studies in the history of linguistics. D. Hymes ed. Bloomington. Indiana U. P., 1972).

⁵ Кондильяк. Соч. в 3-х т., т. 1, с. 70

⁶ Кондильяк. Соч. в 3-х т., т. 1, с. 182.

6.1.3. По Кондильяку, вначале возникает инстинктивный язык жестов. Развитие этого языка приводит к появлению языка возгласов. «Одинаковые обстоятельства не могли, однако, часто повторяться, не создавая... привычку связывать с возгласами, сопутствующими тем или иным страстям, и с различными телодвижениями восприятия, столь явным образом выражающие эти страсти. Чем больше люди привыкали к этим знакам, тем больше они были в состоянии вспоминать их по своей воле. Начиная понемногу упражняться их память; они стали способны по своему желанию располагать своим воображением и на основе размышления незаметно перешли к выполнению того, что они раньше делали только инстинктивно»⁷. Затем язык возгласов, развившийся до определенной степени, вытеснил жесты.

6.1.4. Первые названия живых существ и звучащих предметов Кондильяк считает звукоподражательными, но подробно он эту тему не разрабатывает. Кондильяк различает три вида знаков: «1. Случайные знаки, или предметы, которые какие-то особые обстоятельства связали с теми или иными нашими идеями таким образом, что эти предметы способны возбудить данные идеи. 2. Естественные знаки или возгласы, которые природа установила для чувств радости, страха, боли и т. д. 3. Институционные знаки, или те, которые мы сами выбрали и которые имеют лишь произвольную связь с нашими идеями»⁸. Затем доказывает, что первые и вторые не могли лечь в основание языка, т. е. не могли сами по себе превратиться в произвольные («институционные»). Но произвольные знаки не могли возникнуть из ничего. Для преодоления этой трудности Кондильяк и развивает идею языка жестов. И уже благодаря этому языку естественные знаки получают возможность стать произвольными.

Звуковой язык первоначально был весьма музыкальным. Эта идея была очень популярна, и в ряде исследований происхождение языка связывалось с происхождением музыки. Свои положения о языке жестов, музыкальности Кондильяк подкрепляет примерами, находя последние в Библии, у греческих и латинских авторов. Он исходит из предположения, что насколько современные языки удалены от латыни, настолько последняя удалена от пер-

⁷ Там же, с. 184.

⁸ Там же, с. 99.

вого языка. Следовательно, можно проспиритовать некоторые выводы, сделанные на основе сравнения французского и других живых европейских языков с латинским и греческим, на праязык человечества.

6.1.5. Большой интерес вызвал вопрос, поднятый впервые в работе Вико, но ставший центром внимания после «Опыта» Кондильяка, — вопрос о том, к какой части речи принадлежали первые слова. По Кондильяку, первые слова — это имена существительные: «В языке долгое время не было других слов, кроме названий, данных чувственно воспринимаемым предметам, таких слов, как «дерево», «плод», «вода», «огонь» и другие, произносить которые часто представлялся случай»⁹. Потом появились слова, выражающие качества предметов — прилагательные (сюда же Кондильяк относит почему-то и наречия). Затем возникают глаголы. Соответственно порядку появления частей речи выстраиваются первые предложения: «Так как глагол возник после его дополнения, то слово, которое им управляло, т. е. подлежащее, не могло быть помещено между ними, ибо трудно было при этом заметить связь между ними... Говорили «плод хотеть Пьер» вместо «Пьер хочет плод», и первый порядок слов был тогда не менее естественным, чем нам представляется теперь естественным второй. Об этом свидетельствует латинский язык, в котором допускается и тот и другой порядок»¹⁰.

6.1.6. В представлении Кондильяка, значения слов развивались от более общих к менее общим. В этом он следует Лейбницу, а не Локку: «Понятие золота, например, вначале было, вероятно, лишь понятием желтого и очень тяжелого тела; спустя некоторое время опыт побудил прибавить к нему ковкость; последующий опыт — тягучесть или огнестойкость; и так постепенно все качества, из которых самые искусные химики создали ту идею, какую они себе составили об этой субстанции»¹¹. Это положение соотносится с общей традицией классицизма, в котором господствовала идея об одинаковой логической основе всех языков. Сосдиняя эту идею с представлением о междометном характере первых слов и с идеей Локка о том, что люди одними и теми же словами обозначают разные индивидуальные идеи, Кондильяк высказывает мысль,

⁹ Там же, с. 229.

¹⁰ Там же, с. 231.

¹¹ Там же, с. 243.

что первые слова имели для людей значение более общее, чем нынешние, и им придавался смысл предложения. Это были так называемые идеи-архетипы¹². Правда, он не показывает, как из знаков, обозначающих идеи-архетипы, возникают имена существительные.

6.2.1. После опубликования «Опыта» начинается широкое обсуждение проблемы происхождения языка. Надо сказать, что наиболее продуктивный период изучения вопросов глоттогенеза приходится на три десятилетия — с конца 40-х и по 70-е годы: именно в 70-е годы вышли в свет работы Гердера и Монбоддо. Не было вообще в истории науки другого периода, «когда бы эта проблема обсуждалась с большей страстью, частотой, постоянством и глубиной»¹³. Начинается этот процесс во Франции, затем захватывает Германию, Англию и другие страны. Мы и рассмотрим, как шло обсуждение проблемы в рамках этих национальных традиций. Естественно, существовал некоторый обмен идеями. Во всяком случае, Гердер и Монбоддо знали работы французских авторов, в частности Кондильяка и Руссо¹⁴. Первая работа Мопертюи, опубликованная в 1748 г. в Париже, уже в 1752 г. издается в Дрездене на немецком языке (это, видимо, отчасти связано с тем, что в 1746 г. Мопертюи по приглашению Фридриха I стал президентом Берлинской академии). Уже говорилось о переводе Кондильяка на английский язык. В то же время в рамках каждой традиции на первом плане стояли несколько разные вопросы.

6.3.1. В 1748 г. появляется работа Мопертюи «Размышления о происхождении языков и значении слов». Идеи этой брошюры он развивает в своих следующих трудах. Мопертюи выдвигает механистическую теорию происхождения языка. При этом то, что Кондильяк говорит о гипотетической паре детей, Мопертюи переводит в план истории человечества: Он в духе Диодора Сицилийского пишет о «простых и грубых людях, сначала лишь формирующих небольшое количество знаков, которые им необ-

¹² Там же, с. 244.

¹³ Aarsleff H. The tradition of Condillac..., p. 94.

¹⁴ См.: Сигал Н. А. Взгляды Гердера на вопросы языка. — Уч. зап. ЛГУ, № 318, сер. филол. наук, вып. 65, 1962; Monboddo J. B. On the origin and progress of language. Edinburgh, 1773 (Предисловие). Справедливости ради отметим, что Монбоддо не признавал французского влияния на свой труд.

ходимы, чтобы выразить начальные идеи¹⁵. Следовательно, «в устройстве языков можно обнаружить следы первых шагов, которые сделал человеческий разум»¹⁶.

Основная идея труда Мопертюи такова: человек обозначает знаками (словами) свои восприятия. Если бы у людей память была достаточно сильной, чтобы запомнить каждое восприятие, обозначенное простым знаком, не смешивая его с другими, люди бы никогда не создали повествовательных или вопросительных предложений. Иначе говоря, язык понадобился для экономии усилий памяти. Возникали предложения, по Мопертюи, следующим образом: были, скажем, три идеи — «я вижу льва», «я вижу лошадь», «я вижу дерево». Они обозначались соответственно звуками *R*, *M*, *D*. В процессе использования этих звуков люди заметили, что можно первую часть трех идей обозначить одним знаком, например *C*. Тогда эти идеи предстанут как *CR*, *CM*, *CD*. Так дальше и идет членение идей на все более мелкие единицы. Именно за счет этого процесса происходит рост количества слов языка, первоначально бывшего простым и грубым. Следовательно, Мопертюи развивает концепцию слова-предложения, намеченную, но не доведенную до логического завершения Кондильяком (см. 6.1.6).

6.3.2. Мопертюи продолжает также и линию Беркли. Он доказывает, что отнюдь не обязательно, чтобы обозначались существенные качества предметов. Люди обобщают по разным основаниям. Например, мы считаем, что существенным признаком дерева является протяженность, а наличие сока — признак второстепенный. Но это не обусловлено объективными причинами: «Если говорят, что можно отнимать у дерева его сок, но нельзя лишать его протяженности, я возражаю, что это происходит оттого, что в сложившемся языке условлено называть деревом именно то, что имеет известную фигуру и независимо от наличия сока. Но если бы язык имел совершенно другое слово для выражения дерева без сока и без листьев, и если бы слово «дерево» было бы по необходимости привязано к слову «сок», то отнимать у него сок было бы так же невозможно, как и протяженность»¹⁷. Суть дела в том, что

¹⁵ Maupertuis P.-L.-M. de. Reflexions sur l'origine des langues et la signification des mots. P., 1748, p. IV.

¹⁶ Ibid., p. II.

¹⁷ Maupertuis P.-L.-M. de. Reflexions sur l'origine des langues..., p. XXVI—XXVII.

«ни ... образ, ни само дерево не похожи на то, что я воспринимаю»¹⁸. Значит, даже если бы все люди начали говорить на общем языке, они не смогли бы объясняться совершеннее.

В целом нужно заметить, что связь слов и идей Мопертюи представляет себе не вполне четко. У него то идеи сочетаются независимо от слов, то следуют за словами, то слов оказывается больше, чем идей, то наоборот.

6.3.3. Теория Мопертюи подверглась серьезной критике со стороны современников. Особенно полный критический разбор его работ принадлежит знаменитому экономисту и политику А. Р. Ж. Тюрго, который глубоко интересовался вопросами языка. В частности, именно он является автором известной статьи «Этимология» в «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро. Основные пункты критики таковы:

1) Мопертюи не считал необходимым общественное состояние человека для возникновения языка. Тюрго же пишет: «Одинокий человек, такой, как его предполагает ... Мопертюи, не пытался бы искать признаков, чтобы обозначить свои восприятия: только в присутствии других людей человек ищет такие признаки»¹⁹;

2) Тюрго более четко проводит идею связи языка и мышления; слова связаны с идеями, и их количество определяется друг с другом; особенно ясно Тюрго выражает эту мысль в «Размышлении о языках»: «Языки, являющиеся знаками и выражением наших мыслей, суть также точное мерило наших знаний. Изобретенные в силу потребности, всегда соразмерные с ее объемом, их границы суживаются и расширяются, как и границы идей»²⁰;

3) причину роста языка Тюрго видит не только в необходимости экономить усилия памяти, но и в особенностях общественной жизни. «Человек употребил звук для обозначения предмета. Тот, кто услышал этот звук, повторял его в подобных случаях, мало-помалу он связывался в их уме с идеей этого предмета. Их дети научались схватывать эту связь и ее использовать, как они теперь научаются своему материнскому языку. Это был язык семьи»²¹. За-

¹⁸ Ibid., p. XXVI.

¹⁹ Тюрго А. Р. Критические замечания о труде Мопертюи. — Избр. философ. произв. М., 1937, с. 46.

²⁰ Тюрго А. Р. Размышления о языках. — Там же, с. 147—148.

²¹ Там же, с. 154.

тем при столкновении семей побеждал язык большей семьи, а язык второй, побежденной, семьи оставался в качестве синонимов. «Вот два источника развития богатства языков — прогресс идей и смешение народов»²². При таком представлении получается, что количество языков на земном шаре постоянно уменьшается. Это выражение крайнего полигенеза, учения о том, что первоначально было много языков, возникших независимо друг от друга.

6.3.4. Тюрго очень своеобразно представлял себе первые слова. Он считал, что ими были существительные и глаголы вместе, причем существительные выражались словами, а глаголы — сопровождавшими их жестами: «Несколько слов для обрисования вещей и несколько жестов, соответствовавших нашим глаголам,— вот один из первых шагов»²³. Отсюда выводится и представление о характере первых предложений.

6.4.1. Обсуждение проблем глоттогенеза идет на фоне растущего числа исследований по всеобщей грамматике. Типична для середины XVIII в. серия статей Л. И. де Бьесобра «Размышления об изменениях живых языков через их отношение к орфографии и произношению» (1755—1757 гг.). Он считает, что наиболее совершенными были древние языки, и в первую очередь латынь. Из этого следует, что мы должны противодействовать изменениям языков. Орфография и становится таким стабилизирующим фактором. Но наш алфавит не в состоянии ограниченным числом букв обозначать все количество различающихся звуков. (Эта мысль была впоследствии повторена Гердером в пику тезису Зюссмильха.)

6.4.2. Под влиянием обсуждения подобных проблем и с учетом критики в свой адрес Мопертюи издает работу, в которой большее внимание уделяет вопросу о возможности существования универсального языка²⁴. Он считает, что разговорный универсальный язык невозможен, но есть смысл в попытках создать письменную систему общения, которая бы резко упростила перевод. Невозможность создания всеобщего устного языка Мопертюи доказывает аргументами в пользу теории полигенеза. Эти аргументы вполне совпадают с тезисами Тюрго. (Заметим,

²² Там же, с. 154—155.

²³ Там же, с. 26.

²⁴ Maupertuis P.-L.-M. de. Dissertation sur les différents moyens dont les hommes se sont servis pour exprimer leurs idées, 1756.

что сроки публикаций работ не обязательно совпадают с тем временем, когда они становились известными. Многие решалось при личных контактах.)

6.5.1. В 1755 г. в дискуссию включается Жан-Жак Руссо. Происхождению языка он посвящает ряд страниц в своем знаменитом сочинении «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Руссо представляет проблему глоттогенеза как ряд парадоксов:

1) язык и общество — «... я предоставляю всем желающим заниматься обсуждением сего трудного вопроса: что было нужнее — общество, уже сложившееся, — для введения языка, либо языки, уже изобретенные, — для установления общества»²⁵;

2) язык и мышление — «...если люди нуждались в речи, чтобы научиться мыслить, то они еще больше нуждались в умении мыслить, чтобы изобрести искусство речи...»²⁶;

3) парадокс общественного договора — «...необходимо было прежде обладать речью, чтобы потом ввести ее в употребление»²⁷;

4) и наконец, хотя и не в такой резкой форме, Руссо видит противоречие между индивидуальным характером употребления языка и общественно установленной формой этого употребления — язык, которым пользуется ребенок «должен быть в значительной степени его собственным созданием. Это плодит столько же языков, сколько существует индивидуумов, чтобы на них разговаривать»²⁸; в то же время мы можем приходить к согласию, следовательно, есть в наших языках нечто общее.

Эти парадоксы имеют глубокие корни в истории философской мысли, что можно видеть из предшествующего текста. Руссо не разрешает их. Он то подходит к идее Лейбница о наличии объективного основания для понимания, то рассуждает в русле локковской традиции. Так, Руссо не сомневается в том, что язык развивался от конкретных слов — имен собственных — к нарицательным именам, обозначающим абстрактные понятия. Он присоединяется к идее Кондилляка о том, что значения простых слов очень общи и неопределенны и могут совпадать со

²⁵ Руссо Жан-Жак. Трактаты. М., 1969, с. 62.

²⁶ Там же, с. 59.

²⁷ Там же, с. 60.

²⁸ Там же, с. 59.

значением предложения. И так же как Кондильяк, независимо от этого положения Руссо начинает рассуждать о первенстве имен существительных (с той разницей, что развитие значений он представляет как движение от более частных к более общим): «...Существительных вначале было столько же, сколько имен собственных, настоящее время инфинитива было единственным временем глаголов; а что до прилагательных, то понятие о них должно было развиваться лишь с большим трудом, потому что всякое прилагательное есть слово абстрактное, а абстракции суть операции трудные и малоестественные»²⁹. (Для сравнения отметим, что Мопертюи, которому эта тема казалась малосущественной, полагает, что первыми появились существительные, потом прилагательные как модификации первых, затем — отдельно — глаголы и т. д.³⁰)

6.5.2. Свои мысли о глоттогенезе Руссо развил в «Опыте о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании», написанном в то же время, что и трактат о неравенстве, но опубликованном лишь после его смерти. Эти работы в ряде пунктов не совпадают, и надо сказать, что в философском отношении первая, пожалуй, сильнее. Не останавливаясь на их сравнении, отметим те мысли, которые в трактате о неравенстве остались в тени.

Руссо говорит, что язык жестов и звуковой язык возникли из разных источников: первый был вызван к жизни потребностями, а второй — страстями (ср. со сказанным в 6.3.4). Звуковой язык, по Руссо, — это язык образов: «Речь первых людей нам представляют как язык геометров, а мы видим, что то был язык поэтов»³¹. Здесь Руссо противопоставляет свои взгляды концепции Мопертюи: язык изначально был образным, а не рассудочным. Сначала возникают фигуральные значения, а потом, в результате опыта, слова теряли образные значения, приобретая прямые. «Я несколько не сомневаюсь, что первый язык, существуй он поныне, сохранил бы независимо от словаря и синтаксиса свои исконные черты, отличающие его от всех других. Не только все обороты этого языка были бы образными, чувственными, фигуральными,

²⁹ Там же, с. 60.

³⁰ Maupertuis P.-L.-M. de. Dissertation...

³¹ Руссо Жак-Жак. Избранные сочинения, т. 1. М., 1964, с. 225.

но даже его внутреннее устройство отвечало бы первоначальной цели доносить до чувств и разума жаждущий отклика голос страсти»³². Первые слова наверняка были подражательными, и поэтому «непрестанно ощущалась бы ономотопея»³³.

Идея дикаря-поэта, в противоположность протестантской концепции первого философа, развивалась последующими авторами и свое наиболее совершенное воплощение получила в трактате Гердера.

6.5.3. Очень подробно обсуждает Руссо проблему возникновения языка под влиянием климата, географических условий и образа жизни народов. Он рассматривает, как образовались южные и северные языки, языки землешапцев, пастухов и т. д. Выводы соответствуют поставленной задаче. Так, южные языки — «дети удовольствия, а не потребности — долго носили на себе печать родителя; их соблазнительная интонация исчезла лишь вместе с породившими их чувствами, когда новые потребности заставили каждого думать только о себе и запрягать сердце поглубже»³⁴. Для северян же наиболее естественны «звуки гнева и угроз, а они всегда сопровождаются сильными артикуляциями, придающими им суровость и жестокость»³⁵.

Вопрос о влиянии климата и характера существования людей на язык народа широко обсуждался французскими философами. Об этом же пишут Тюрго, Шарль де Бросс и др.³⁶ Но заимствовать у Руссо эти мысли они не могли, так как упомянутая работа появилась после смерти автора, а сочинения Тюрго и Шарля де Бросса вышли в свет раньше.

6.6.1. В 1765 г. посмертно публикуется большой труд Шарля де Бросса «Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии». Основная цель книги — заложить научные основания этимологии, науки о происхождении языка. Главные вопросы этой науки, по мнению де Бросса, должны быть таковы:

1) как люди приспособили известные звуки к известным предметам?

³² Там же, с. 227.

³³ Там же, с. 228.

³⁴ Там же, с. 248.

³⁵ Там же, с. 250.

³⁶ См.: Тюрго А. Р. Критические замечания..., с. 26—27; Бросс Ш. де. Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии, т. 1. Спб., 1821, с. 55 и сл.

2) как люди, привыкнув рассматривать предметы, размышляя об отношении их к другим, установили новые ряды понятий и соответствующих им звуков?

3) как люди «...нашли средство выражать одним словом множество обстоятельств, вмещающихся в понятия их»?³⁷

4) как окончания, «единожды установленные для какой-нибудь вещи, стали служить правилом и для иных вещей на том же языке; и образцами на других языках; от чего взяли начало свое Грамматики»?³⁸

5) как люди научились обозначать невещественные предметы, составляя о них положительное понятие?

Естественно, большинство вопросов Ш. де Бросс решает в духе времени: люди изначально разобщены и постепенно соединяются в группы; звуковой состав и синтаксис находятся в прямой зависимости от климата и просвещенности и т. д.

6.6.2. Если другие авторы независимо рассматривают план выражения и план содержания, то де Бросс подводит под это теоретическую базу и утверждает, что план выражения и план содержания принципиально независимы и изменение одного практически не влияет на изменение другого. Например, вещественное изменение (изменение плана выражения) с сохранением неизменного содержания: *meare* (лат. «идти») — *commeatus* (лат. «отпуск, проход») — *commiato* (итал. «отпуск») — *congé* (фр. «отпуск»). Первое вещественно не имеет ничего общего с последним. Пример «умственного» изменения (изменение плана содержания): *stylus* (лат. «перо для писания на воске») — *stile* (итал. «кинжал») — *style* (фр. «стиль»)³⁹.

Четкость примеров, безусловно, делает честь де Броссу, хотя ситуация в действительности значительно сложнее. Во-первых, эти слова многозначны в данных языках. Так, итальянское слово *stile* — это и перо, и стилет, и стиль, и обычай и т. д. Почти то же во французском. Во-вторых, слова, производные от *commeatus*, существенно изменили и свои значения, поскольку в итальянском и французском языках соответствующие слова имеют основное значение «отпуск», тогда как в латыни основное значение — «хождение взад и вперед», не говоря уже о том, что сильно различается набор побочных значений.

³⁷ Брос Ш. де. Рассуждение..., с. 39.

³⁸ Там же, с. 40.

³⁹ Примеры даются в современной орфографии.

Но это не опровергает сути тезиса об относительной независимости законов изменения планов выражения и содержания.

6.6.3. Ш. де Бросс различает коренные и производные слова. Корень у него — это первоначальный (простейший и самый естественный) звук и смысл; остальные слова — производные. Уверенность в том, что такие смыслы есть, он подкрепляет ссылкой на авторитет Скалигера. Как и Лейбниц, Ш. де Бросс полагает, что истинные корни можно найти в повелительном наклонении глаголов. Они появились на основе звукоподражания и особенностей устройства артикуляторного аппарата.

6.6.4. Здесь необходимо сделать одно важное отступление. В учебной литературе, советской и зарубежной, установилась традиция — выделять наряду с другими две теории происхождения языка — междометную (рефлексную) и звукоподражательную. Первая видит источник слов в выражении чувств, а это есть уже у животных, вторая — в подражании звукам природы (*vox percussa naturae*). При этом перечисляются авторы, разделявшие ту или другую теорию. Но такое разделение совершенно не соответствует реальности. Во-первых, уже в XVIII в. не было ни одного серьезного ученого, который бы однозначно придерживался одной из этих теорий. Во-вторых, междометная и звукоподражательная теории не противоположные, а, напротив, взаимодополнительные теории. Идея их связи заключается в том, что единственным источником звуков, ставших словами языка, могли быть лишь звуки, естественно сопровождавшие чувства, т. е. междометия (конечно, «междометия» еще только в потенции, а не как часть речи, поскольку речи-то еще не было). А уже увеличение количества слов шло по принципу подражания действительности. Словом, эти теории объясняют различные этапы становления языка.

В работах XVIII в. междометия и звукоподражательные слова называются обычно в качестве параллельных источников пополнения словарного состава, но на определенных этапах предпочтение отдается тем или другим. Когда же авторов однозначно оценивают по приверженности к той или другой теории, начинается путаница. Так, Гердер или Шарль де Бросс попадают то в сторонники междометной, то в сторонники звукоподражательной теории.

6.6.5. Ш. де Бросс, полемизируя с английскими философами, утверждает, что корни слов не произвольны.

Так же как для обозначения солнца на письме китайцы рисовали его, человек в звуках пытался изобразить обозначаемый предмет. «Дикарь, если хочет назвать ружье, непременно назовет его «пу»; если хочет наименовать известную птицу, конечно, скажет «куку», потому что сия птица издает подобный звук. Вот первый механический и естественный способ составлять слова»⁴⁰. Здесь вроде бы де Бросс выдвигает звукоподражательную теорию. Но дальнейшее изложение показывает, что эти соображения высказывались как полемические, ибо если признать полную произвольность слов языка, этимология как наука (в понимании де Бросса) невозможна.

6.6.6. В работе называются и исследуются пять источников звуковой речи (для сравнения скажем, что Тюрго называет три источника: междометия, звукоподражание, лепетные звуки ⁴¹; Руссо говорит о междометиях и звукоподражании, не очень различая их ⁴²). Эти источники таковы:

1) междометия — «первые слова первобытного языка»⁴³, т. е. голоса печали, радости, омерзения, сомнения и т. п.;

2) слова, происходящие от устройства голосового аппарата, независимые от всякого соглашения, слова младенцев: баба, папа, мама, няня и т. п.;

3) «имена, данные органам по наклонению и действию каждого из них»⁴⁴, корневые звуки этих слов свойственны органам, которые обозначаются данными словами. Это такие слова, как *gorge* — горло, *langue* — язык, *dent* — зуб и др.;

4) имена, взятые из физических качеств предмета, — слова подобнозвучные: «Все слова, таким образом составленные, бесспорно должны быть самые коренные; ибо состав их есть точно механический, и тесно связан с сущностью вещей; здесь само произвольность не имеет ни малого участия, хотя люди и могут дать тем же самым вещам другие, по своему изобретению, имена»⁴⁵. Оноματοпея понимается очень широко. Это не только такие слова, как «шорох», «шелест», «грохот» и т. п., но и такие, которые

⁴⁰ Бросс Ш. де. Рассуждение о механическом составе языков..., т. 2. Сиб., 1821, с. 8.

⁴¹ Тюрго А. Р. Размышления о языках, с. 149.

⁴² Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, с. 227—228.

⁴³ Бросс Ш. де. Рассуждение..., т. 2, с. 185.

⁴⁴ Там же, с. 206.

⁴⁵ Там же, с. 210.

создают то же ощущение у души, что и при восприятии обозначаемых предметов — *horreur* («ужас»), *palpiter* («трепетать») и др. (ср. с 3.2.5);

5) слова, построенные по принципу звукосимволизма («природою определенные на означение некоторых положений существ»). Здесь очень трудно уловить непосредственную связь, но можно заметить некоторые закономерности. Например, *st* в сочетаниях означает неподвижность, *sc* — пустоту и провалы (*σκαδη*, *scutum*, *sculpere*), *n* — текучесть (*navis*, *naage*). Выделяя последнюю группу, де Бросс ссылается на античного грамматика Публия Нигидия.

6.6.7. В книге де Бросса все вопросы, касающиеся происхождения языка, освещены со всею полнотой, возможной в то время. Связь с поисками универсальной грамматики заключается у него в том, что в конце работы выдвигается идея словаря естественных (в терминах де Бросса — «механических») корней, так называемого «Археолога». Знание такого словаря позволяло бы, по мнению де Бросса, без всякого труда учить различные языки.

Исследуются все пункты, намеченные в начале работы. В ряде случаев он не идет дальше своих современников. Так, развитие языка он целиком относит на счет действия внеязыковых факторов — приращения знания, перехода народов из одних стран в другие и т. п. Общая характеристика процесса развития языка такова: слова искажаются, а словосочетания становятся правильнее. Под «искажением» он понимает удаление от первоисточника, а под «правильностью» — соответствие слов порядку мыслей.

Исходя из этимологических данных, Ш. де Бросс утверждает, что «имена существ нравственных» (слов с невещественным значением) и имена собственные происходят от слов с вещественными и нарицательными значениями. Этим он укрепляет концепцию Кондильяка и расходится с традицией Локка, поддержанной Руссо.

Таковы наиболее важные работы, посвященные происхождению языка, вышедшие во Франции в XVIII в.

7.0. В Германии в Новое время интерес к проблеме происхождения языка был стимулирован французскими работами. В то же время были живы традиции Лейбница. Пересечение этих во многом несовместимых взглядов определило своеобразие немецкой традиции в подходе к вопросу о происхождении языка.

7.1. В середине XVIII в. против божественной теории происхождения языка выступил Моисей Мейдельсон. В своем послании к Лессингу (1756 г.) он говорит о произвольности языка и общественном договоре, следуя при этом Руссо⁴⁶. (Именно в этом году был опубликован трактат Руссо о происхождении неравенства в переводе М. Мейдельсона.) Напомним, что ранее (в 1752 г.) вышел в свет перевод первой работы Мопертюа.

7.2. Как реакция на распространяющиеся из Франции «вредные» взгляды, сторонники которых появились в Германии, появляется работа одного из основателей статистических методов изучения демографических проблем — И. П. Зюссмильха, в которой доказывается божественное происхождение языка. Она читалась в Берлинской академии в 1756 г., а опубликована была через десять лет⁴⁷.

Зюссмильх рассуждает так: язык имеет либо божественную, либо человеческую природу. Предположим второе. Тогда язык является или естественным, или искусственным. Что мы понимаем под «естественным»? Когда говорим, что звуки, производимые животными, естественны, мы подразумеваем под этим, что одни и те же виды животных в разных концах земли характеризуются одними и теми же коммуникативными выкриками. Человеческий язык не может считаться естественным в этом смысле. Следовательно, язык — искусственное образование. Если так, то опять существуют две возможности: либо язык появился в результате абсолютной случайности, либо в результате чьего-то намерения, свободного выбора, упражнений ума. Мысль о случайном изобретении языка должна быть отброшена, так как случайность имеет следствием отсутствие упорядоченности, строгих правил, а это несовместимо с сущностью человеческого языка. Следовательно, человеческий язык мог возникнуть только как результат глубоких размышлений. Они же, в свою очередь, возможны только с использованием абстракции, рефлексии и т. п. А это немислимо без посредства знаков. Значит, люди не могли изобрести язык ни сразу, ни постепенно. Изобретение языка лежит за пределами человеческой природы.

⁴⁶ См.: Mendelsson M. Sendschreiben an den Herrn Magister Lessing. — Gessammelte Schriften. Berlin, 1931, Bd 2.

⁴⁷ Süßmilch I. P. Versuch eines Beweises, das die erste Sprache ihren Ursprung nicht vom Menschen, sondern allein vom Schöpfer erhalten habe. Berlin, 1766.

Божественный промысел Зюссмильх видит в том, что, во-первых, звуки всех языков можно изобразить с помощью двух десятков букв (ср. 6.4.1), а во-вторых, первоначально появились более общие слова, а уже из них развились более конкретные. Второй аргумент в немецкой традиции разработан наиболее подробно Лейбницем. Кстати, в близкое Зюссмильху время эту мысль высказывал Лессинг: «Дерево более древнего происхождения, чем «дуб», «ель», «липа»⁴⁸.

Идеи Зюссмильха поддержал своим авторитетом философ-идеалист И. Гаманн. В своей работе «Крестовые походы филолога» (1762 г.) он говорит о том, что поэзия изначально присуща человеку, что это его способ мировосприятия, данный ему богом.

7.3. В 1760 г. И. Д. Михаэлис публикует свою работу «Ответ на вопрос о влиянии мнений на язык и языка на мнения», разосланный Берлинской академией⁴⁹. Эта работа получила премию 1759 г. В ней Михаэлис высказывает ряд мыслей относительно происхождения языка, хотя последовательно проводимой теории у него нет. Основная идея работы — мысль о влиянии языка на мнения и вообще на дух народа. (Эта мысль проскальзывает в сочинениях Мопертюи, но в целом она явилась принципиальным новшеством по сравнению с французской традицией, где язык безоговорочно признается производным от внешних факторов. Характерно, что Ш. де Бросс, соглашаясь с доводами Михаэлиса, все же не рассматривает влияния языка на мышление.) В конце работы Михаэлис ставит вопрос о естественном происхождении языка. Мысли его были восприняты Гердером и позже В. Гумбольдтом.

7.4. В 1762 г. непреходящий секретарь Берлинской академии С. Формей читал в Академии свою работу, где развивались идеи Зюссмильха⁵⁰. Формей считал, что если бы люди были разбросаны по земной поверхности и не обладали бы ни языком, ни определенным минимальным набором знаний, ни способностями приобрести эти знания,

⁴⁸ Цит. по: Гулыга А. В. Учение Гердера о происхождении языка. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 5, с. 51.

⁴⁹ Michaelis I. D. Beantwortung der Frage von dem Einfluss der Meinungen in die Sprache und der Sprache in die Meinungen. Berlin, 1760.

⁵⁰ Formey S. Réunion des principaux moyens employés pour découvrir l'origine du langage, des idées et des connoissances des hommes.

чтобы удовлетворять свои первичные потребности, то они оказались бы самыми несовершенными из животных и вымерли бы в течение одного поколения. Бог должен был дать эти способности.

В качестве аргумента Формей предлагает провести эксперимент — вариант «царского эксперимента» (эта идея была ранее попутно высказана Мопертюи в одном из сочинений⁵¹). Эксперимент должен проводиться в течение двух поколений. Пужно взять дюжину детей одного возраста, снабдить их всем необходимым и обеспечить им возможность существования. Но при этом они не должны слышать ни одного человеческого слова, не должны увидеть ни единого намека на что-то искусственное. Какими они станут, когда подрастут? Безусловно, они будут жить страстями, у них появятся дети. Но откуда матери узнают, как о них заботиться? Дети даже не будут знать, что необходимо кормиться материнским молоком, а матери им ничем не смогут помочь. А поскольку такие семьи не будут иметь самых насущных средств к существованию, то, очевидно, излишне ставить вопрос об изобретении языка. Если у таких семей появятся хоть самые слабые следы языка, Формей согласен признать себя неправым.

7.5. Представителям божественной теории попытался ответить И. Г. Зульцер⁵². Его доклад, прочитанный в конце 1767 или начале 1768 года⁵³ в Берлинской академии, был опубликован позже (в 1769 г.). Работа создана под влиянием французской традиции, в ней очевидно влияние Кондильяка, Руссо и др.

Цель Зульцера, как он сам ее формулирует, — не решать проблему, а поразмышлять о ней. Поскольку аргументы Зюссмильха и Формей основываются на послышке, что разум обязательно предшествует языку, Зульцер критикует именно этот пункт. Он доказывает, что становление языка и развитие мышления — параллельные процессы. Причем изобретение начатков языка вполне под силу дикарям. Можно наметить две стадии этого процесса: 1) определенный анализ собственных восприятий; 2) объекты получают названия, соответствующие их звучаниям

⁵¹ Maupertuis P.-L.-M. de. *Experiences metaphysiques*. Berlin, 1752.

⁵² Sulzer I. G. *Observations sur l'influence reciproque de la raison sur le langage et du langage sur la raison*. Berlin, 1769.

⁵³ См.: Aarsleff H. *The tradition of Condillac*, p. 137.

(ономатопозитический принцип). Дальнейшее увеличение словаря шло, во-первых, за счет небольших изменений «старых» слов, которым придавались новые значения, и, во-вторых, за счет метафор, поскольку ассоциации идей у всех людей одинаковы.

В целом работа Зульцера не сыграла той роли, для которой задумывалась, так как концепция, представленная в ней, оказалась несильной. Критику божественной теории и создание мощной альтернативной концепции осуществил Гердер.

7.6.0. В 1769 г. Берлинская академия разослала вопрос: «Если бы люди были оставлены при их врожденных способностях, то были ли бы они в состоянии изобрести язык? И какими способами они могли бы сами собою дойти до такого изобретения?»⁵⁴ Срок конкурса истекал 1 января 1771 г. Было прислано 30 сочинений на эту тему. Победу присудили работе И. Г. Гердера «Трактат о происхождении языка», которая и была удостоена золотой медали.

7.6.1. Гердеру было известно многое из того, что было написано о глоттогенезе как во Франции, так и в Германии, в частности книга Зюссмильха, против которой направлен полемический пафос сочинения. (Кстати, заметим, что в литературе существует тенденция недооценивать работу Зюссмильха, что не вполне правомерно. Об этой книге весьма одобрительно отзывался, например, Я. Грим.)

Основные тезисы Гердера таковы:

1) «Уже как животное человек обладает языком»⁵⁵, это язык чувств, общий для человека и животных;

2) так как звуки, которыми человек выражает свои чувства, «предназначены для выражения страстей, то... они становятся основой всякого воздействия на чувства»⁵⁶; эти звуки являются материалом для языка, но от них нельзя производить язык в целом;

3) человеку присуще состояние сознательности. Если представить «эту сознательность (рефлексию) действующей свободно», то человек «уже создал язык»⁵⁷. «Человек как существо, наделенное слухом и вниманием, самой природой создан для языка»⁵⁸;

⁵⁴ Цит. по кн.: Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения, т. 1. М., 1888, с. 460.

⁵⁵ Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, с. 133.

⁵⁶ Там же, с. 137.

⁵⁷ Там же с. 141.

⁵⁸ Там же, с. 144.

4) язык появляется, когда человек соединяет звуковой материал с определенными понятиями. Называние производится по признаку предмета. Человек доводит в себе идею предмета до полной ясности, затем соединяет ее с определенным звуком. Слово является естественной реакцией организма на предмет. Человек узнает, например, овцу по бляению. Независимо то того, собирается ли он кому-нибудь сообщить об этой овце или нет, увидев ее вновь, «в глубине души он повторил это бляение, когда выбрал звук его как памятный знак, и снова повторял его при узнавании»⁵⁹. Затем он начинает произвольно подражать всем звучащим предметам — шелестящему дереву, журчащему ручью и т. п. Незвучащие предметы он называет по ощущению от осязания их (которое, по Гердеру, из всех чувств ближе всего к зрению), но также произвольно;

5) «...глаголы являются первоосновами языка»⁶⁰, сначала появляются звукоподражательные глаголы, а затем уже и имена;

6) развитие языка идет от образности (язык поэта, а не философа) к строгости, философичности.

Исходя из такой картины возникновения языка, нарисованной Гердером в первой части его трактата, некоторые советские исследователи склонны были считать, что Гердер представляет возникновение языка как индивидуальный волевой акт. Но как хорошо показал А. В. Гулыга, это неверно⁶¹. Гердер подчеркивает наличие человеческой способности к созданию языка в противовес тем работам, в которых возникновение языка оказывается обязанным лишь внеязыковым факторам. Гердер называет четыре естественных закона, с необходимостью определивших появление языка:

1) «Человек — свободно мыслящее деятельное существо, силы которого непрерывно растут; именно поэтому он говорящее создание»⁶²;

2) «Человек по своему назначению есть создание стада, общества; развитие языка поэтому для него естественно, существенно необходимо»⁶³;

⁵⁹ Гердер И. Г. Избр. соч., с. 143.

⁶⁰ Там же, с. 146.

⁶¹ См.: Гулыга А. В. Учение Гердера о происхождении языка.

⁶² Цит. по: Гулыга А. В. Учение Гердера..., с. 51.

⁶³ Там же.

3) «...так как весь человеческий род не мог оставаться одним стадом, он не мог сохранить один язык; поэтому стало необходимостью образование различных национальных языков»⁶⁴;

4) языки развиваются в тесной связи друг с другом, взаимно обогащаясь.

При таком представлении глоттогенического процесса нельзя, конечно, говорить о том, что Гердер описывает процесс индивидуального творения языка. И не случайно Гердер сочувственно отнесся к книге Монбоддо (см. 8.3.1), где в основу концепции положена идея длительного существования общества до появления первых намеков на язык.

7.6.2. Основное, что отличает трактат Гердера от работ, которые мы рассматривали ранее, заключается в том, что у него в центре внимания оказалась активная личность, творящая язык под воздействием окружающей природы. В результате этого процесса язык становится наделенным силой, способной оказывать обратное влияние на самих творцов. Язык рассматривается как творческая способность, а не только как сумма или система слов. Слово является не в акте рассудочного называния, как это представлено во французских работах, и значение этого слова также находится в процессе развития. Динамизм гердеровской концепции хорошо показан в статье Н. А. Сигала⁶⁵.

7.7.1. Вокруг «Трактата» разгорелась полемика. Положительные отзывы о работе дали Николай и Зульцер, отрицательный — Гаманн. В конце жизни Гаманн изложил свои взгляды на происхождение языка в сочинении «Последние предсмертные мысли кавалера Розенкрейца о божественном и человеческом происхождении языка». Вкратце мнение Гаманна сводится к следующему: бог даровал людям язык, но не путем сверхъестественного внушения (о котором идет речь в ортодоксальном учении и которое доказывали Зюссмильх и Формей), а через посредство естественных физических качеств самого человеческого существа. Человек во всем слышал слово божие, во всем видел бога и т. п. Таким образом, божественная природа языка проявляется в его чувственной наглядности. Гаманн считал, что только благодаря языку развивается ра-

⁶⁴ Там же, с. 52.

⁶⁵ Сигал Н. А. Взгляды Гердера на вопросы языка.

зум и появляется возможность распространять разумные понятия ⁶⁶.

Под воздействием мыслей Гаманна (многое обсуждалось в частной переписке) Гердер в конце жизни старался согласовать идею развития языка как некоторого традиционного образования с представлением о вложенном свыше стремлении человека к созданию языка.

Влияние Гердера сказалось на работах Ф. Шлегеля, Я. Гримма, В. Гумбольдта.

7.8.1. В том же году, что и работа Гердера, была опубликована статья Д. Тидеманна о происхождении языка ⁶⁷. По Тидеманну, в животном состоянии люди жили счастливо. Постепенно они стали жаждать единства, и это стремление выросло в необходимость коммуникации. Работа эта уступает гердеровской, но в ней также подчеркивается мощный внутренний стимул, благодаря которому человек создавал язык.

8.1. В Англии исследования в области глоттогенеза на основе гипотезы изобретения начинаются под воздействием работ французских авторов. На это указывает хотя бы то, что уже в 1749 г. (через три года после опубликования «Опыта» Кондильяка и через год после выхода в свет первой работы Мопертюи по вопросам глоттогенеза) известный английский врач, философ-материалист Д. Гартли в книге «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях», обращаясь к теме происхождения языка, рассматривает ее в русле божественной гипотезы. Он продолжает в этом смысле традицию Гоббса, пытаясь рационально истолковать библейские сказания. Соответственно проблемы, рассматриваемые им, таковы: на каком языке говорили до потопа? Был ли до потопа алфавит или люди обходились иероглифическим письмом? Как толковать вавилонское смешение языков? и т. п. Он считает, что до потопа человечество практически обходилось тем языком, который был внушен Адаму богом, с определенными лексическими добавлениями, внесенными после грехопадения. Собственно развитие языков началось, по Гартли, после Вавилонского столпотворения и протекало следующим образом:

⁶⁶ См.: Гайм Р. Гердер..., т. 2, с. 234.

⁶⁷ Tiedemann D. Versuch einer Erklärung des Ursprungs der Sprache, 1772.

«Во-первых, первоначальные односложные слова языка, существовавшего до потопа, были включены в состав каждого нового языка.

Во-вторых, так как эти слова включали только немногие из членораздельных звуков, на которые способен человеческий голос, нескольким семьям было внушено создание новых артикуляций: некоторым — один комплекс, некоторым — другой, сообщенный им.

В-третьих, каждая семья получила новый запас слов, состоящий частично из старых, частично из новых артикуляций; и этот новый запас слов значительно превосходил старый по количеству и разнообразию слов.

В-четвертых, новая, отличная [от старой] этимология и синтаксис были также сообщены каждой семье.

В-пятых, было дано столько языков, сколько было глав семейств, упомянутых в Книге бытия»⁶⁸.

Как видно из приведенного отрывка, схема становления языка, даже рационализированная, оказывается совершенно ненаучной. Этот пример позволяет еще раз подчеркнуть принципиальную роль нового подхода к глоттогенезу, заложенного Кондильяком.

8.2.0. В 1756 г. как приложение к очередному изданию «Опыта о человеческом разуме» Локка был опубликован сокращенный перевод книги Кондильяка «Опыт о происхождении человеческих знаний». В 1762 г. Дж. Пристли напечатал свои лекции об универсальной грамматике. Примерно в это же время Пристли пишет исследование по теории мышления, выдвинутой в книге Гартли.

8.2.1. Первой работой, написанной в новом ключе, заданном французской традицией, стала диссертация Адама Смита (1767 г.)⁶⁹. Эта диссертация не содержит принципиально новых идей по сравнению с тем, что мы видим в работах французских ученых. По Смиуту, первый шаг в формировании языка — создание знаков для обозначения определенных объектов. Вначале появляются имена существительные собственные. А. Смит подробно исследует процесс переноса их значений на множество аналогичных объектов. Затем появляются прилагательные для отличия конкретных объектов, потом — предлоги и т. д. Раз-

⁶⁸ Английские материалы XVIII века, т. 2. М., 1967, с. 348.

⁶⁹ Smith A. A dissertation on the origin of language or considerations, concerning the first formation of languages and the different genius of original and composed languages. Tübingen, 1970.

витие лексики идет от конкретных слов к абстрактным.

8.3.0. Наиболее значительной работой в области изучения глоттогенеза явилась шеститомная книга лорда Монбоддо «О происхождении и прогрессе языка», опубликованная в Шотландии, в Эдинбурге, в 1773 г. Судьба этой книги была несчастливой. Монбоддо в своем исследовании сближает человека с «оранг-утангом» (понимая под этим названием не тот вид человекообразных обезьян, который мы обозначаем этим словом, а скорее шимпанзе, хотя последнее также не вполне достоверно). Факт, в определенном смысле предвосхитивший дарвиновскую теорию происхождения человека, оказался роковым для сочинения. Кроме того, для подкрепления своей концепции Монбоддо ссылается на свидетельство путешественника, некоего Кепинга, который вблизи одного из Никобарских островов встретил людей «с хвостами, как у кошек, и которые двигались таким же образом»⁷⁰. Эти хвостатые люди подплывали на каноэ к кораблю для торговли с голландцами.

Современники посмеялись над лордом, его оранг-утангами и хвостатыми людьми, не входя в рассмотрение существа концепции. Знаменитый английский писатель и филолог С. Джонсон отозвался о книге так: «Монбоддо не знает, что говорит ерунду... Все его предположения о предмете бесполезны, даже если бы они соответствовали действительности»⁷¹. Кроме того, современников оттолкнула резкая антиклерикальная направленность книги. На словах, правда, Монбоддо отзывался о божественной теории происхождения языка с уважением, но содержательно его концепция не только исключала божественное вмешательство, но и сближала человека с животными. А, к примеру, в то же приблизительно время публикует свою теорию происхождения языка Дж. Битти, доказывая, что язык был дан человеку путем внушения. Книга Битти имела большой успех. Значительно более сочувственно к труду Монбоддо отнеслись в Германии, где был издан перевод трех томов книги с предисловием Гердера. Все же надо сказать, что, несмотря на скептическое отношение современников, ряд положений книги был воспринят в английской традиции.

⁷⁰ Monboddo J. B. Of the origin and progress of language, v. 1. Sec. ed., Edinburgh, 1774, p. 258.

⁷¹ Aarsleff H. The study of language in England. 1780—1860. Princeton, New Jersey. Univ. Press, 1967, p. 41.

8.3.1. Труд Монбоддо не только по объему, но и по существу является самым полным по набору исследуемых проблем из всех работ, написанных о происхождении языка в XVIII в.

«Язык,— по Монбоддо,— это выражение идей с помощью артикулированных звуков»⁷². Появлению языка предшествовало следующее:

1) сформированные и достаточно развитые общественные отношения;

2) наличие соответствующих органов произношения;

3) достаточно длительное время жизни в общественном состоянии;

4) «...люди должны были предварительно сформировать идеи, чтобы выразить их в языке»⁷³;

5) должна была существовать чрезвычайно высокая степень развития ума, сообразительности.

Материалом для праязыка служили неартикулируемые крики, такие же, как у животных. Монбоддо подробно рассматривает возможную последовательность появления гласных, а затем согласных звуков. Развитие звуковой стороны языка базируется, по его мнению, на «способности к раздражительной артикуляции»⁷⁴. Содержание первых слов носило неопределенный характер, в них люди выражали свои склонности и желания. Это не были глаголы или имена, но диффузные комплексы, из которых постепенно начали выделяться части речи.

Монбоддо является последователем Локка, поэтому он считает, что «первые имена объектов были именами собственными и лишь позже, прилагаясь по сходству к объектам такого же рода, они становятся общими именами»⁷⁵. По трактовка этого вопроса усложняется двумя моментами: во-первых, Монбоддо не считает, что первые слова были именами как таковыми: «Какие слова были изобретены первыми?— Мой ответ: если под словами понимать части речи, то первых слов вообще не было; а первые артикулированные звуки обозначали целые предложения»⁷⁶. Во-вторых, он уверен, что язык возник на базе развитых

⁷² Monboddo J. B. Of the origin and progress of language, v. I, p. 5.

⁷³ Ibid., p. 458.

⁷⁴ Ibid., p. 498.

⁷⁵ Ibid., p. 577.

⁷⁶ Ibid., p. 575.

идей, и полагает в то же время, что нет идей без абстракции. Отсюда следует, что первые слова, обозначавшие предметы, могли носить только общий характер. Более того, Монбоддо считает, что первобытные люди вначале различали относительно общие моменты и лишь позже начали различать более частные. Налицо явное противоречие. Анализ материала заставляет Монбоддо признавать общий характер даже первых слов (что сближает взгляды Монбоддо с традицией рационализма и классицизма; возможно, в этом сказалось влияние работ, посвященных созданию универсальной грамматики, которые были в Англии чрезвычайно популярны), а следование Локку вынуждает его утверждать, что первые слова — имена собственные.

8.3.2. Синтаксические отношения выражались, по Монбоддо, отдельными словами, что делало первоначальный синтаксис очень несовершенным. Относительно первого языка он считал, что в нашем распоряжении нет средств, чтобы решить, был ли это один язык или было несколько праязыков в разных концах земли. Монбоддо первый четко формулирует проблему моно- полигенеза, причем делает это не менее четко, чем лингвисты в начале XX в. Для него полигенез связан не с языками отдельных семей или родов, как для французских философов, а с языками отдельных народов и соответственно количество праязыков близко к числу языковых семей, выделяемых современным языкознанием.

Сравнивая европейские и азиатские языки и анализируя письменную историю человечества, Монбоддо приходит к выводу, что праязыком (parent language) всех азиатских, европейских и северных африканских языков был египетский язык. Для того чтобы характеризовать предполагаемые черты первоначального языка, Монбоддо обращается не только к европейским языкам, но и к языкам других стран света — к семитским, китайскому и, особенно часто, к языкам американских индейцев.

8.3.3. Таким образом, Монбоддо разрешает по крайней мере два парадокса Руссо: во-первых, на вопрос, предшествует ли общество языку или язык обществу, он отвечает однозначно: развитое общественное состояние предшествует появлению языка; во-вторых, Монбоддо, безусловно, уверен, что развитое общественное состояние невозможно без определенного количества идей, а значит, идеи, мышление предшествуют языку. Монбоддо после-

довательно исходит из представления о языке как о настолько сложном феномене, что просто невысказимо было бы его изобрести разобщенным людям, чтобы начать совместное существование. В подобном случае они могли бы создать язык только с помощью сверхъестественного внушения. Причины, заставившие людей объединиться, вполне реальны — это необходимость защиты от диких животных, друг от друга, от иноземцев. Причем людей объединяет не только политическая организация, регулирующая извне человеческие отношения, но и общее дело (*common business*), которое осуществлялось стадами диких предков человека еще до изобретения языка. Это общее дело требовало использования орудий. Монбоддо считает, что употребление орудий, к которым он в первую очередь относит палки, базировалось на вполне четких абстрактных идеях и предшествовало языку. Он утверждает, что использование орудий — отличительный признак человеческого общества, так как всякое использование орудий — искусственно, а не инстинктивно⁷⁷. В книге доказывается, что инстинктивное употребление орудий невозможно.

Как мы видим, концепция Монбоддо, в ряде пунктов превосходящая современное понимание данного предмета, оказывается значительно более последовательной, чем у французских авторов. Последние вынуждены были приписывать способность и потребность в изобретении языка людям, находящимся в разобщенном состоянии. Даже Руссо, отметивший это противоречие, не разрешает его.

8.3.4. Поскольку Монбоддо последовательно проводит идею развития, он применяет ее и к формам жизни первобытных людей. Поэтому он отвергает идею парной семьи для первых ступеней развития общества. А ведь именно это представление лежало в основе идеи крайнего полигенеза, с чем мы сталкивались у де Бросса и др. Монбоддо говорит, что люди, начинающие свои рассуждения с признания первой ячейки организации в виде парной семьи, не видят разницы между дикарем и современным европейцем. Они исходят из того, что человеческая природа всегда была одна и та же и что социальные институты существуют с момента возникновения человека в неизменном виде⁷⁸. Сам Монбоддо считает, что первоначально люди жили го-

⁷⁷ См.: Monboddo J. B. Of the origin..., p. 409.

⁷⁸ Ibid., p. 442—443.

раздо большими сообществами, и в них господствовал промискуитет. Поэтому Монбоддо начисто отвергает популярную идею о развитии языка из смешения семейных языков.

В отличие от всех предшествующих, да и многих последующих авторов Монбоддо последовательно проводит идею эволюции: он рассматривает в развитии не только движение идей — от простых к сложным и наоборот, и звуковых комплексов — от односложных выкриков к цепочкам артикулированных звуков, но и сами формы жизни и способности человека.

8.4.1. Английская традиция последовала не за Монбоддо, а за французскими авторами. Показательна в этом отношении книга Горн Тука «ЕПЕА ПТЕРОЕНТА, или развлечения Парли», оказавшая колоссальное влияние на все развитие английской филологии. Вопрос о происхождении языка специально рассматривался Г. Туком в третьем томе книги, который автор предал огню во время предсмертной болезни⁷⁹. Но и в первых двух томах есть ряд интересных, хотя и противоречивых, соображений о происхождении языка.

Г. Тук отвергает междометную теорию, считая, что междометия подходят только для выражения чувств, но не мыслей о внешних объектах. Он воспринял от Локка две аксиомы о природе языка: первая цель языка — передавать наши мысли, вторая — делать это как можно быстрее, чтобы приблизить скорость речи к скорости мысли. На основе этих идей Тук объединил в рамках одной концепции факт «ухудшения» языка (который заключается в потере языком образности) и «улучшения» его (язык развивается в сторону соответствия порядка слов порядку мыслей). Утерянное языком в ясности выражения компенсировалось быстротой передачи. В этом его взгляды близки к взглядам де Бросса. Но Тук интереснее трактует «ухудшение» языка. Он утверждает, что благодаря этому процессу появляются определенные части речи. Если изначально все слова произносились раздельно и выразительно, то постепенно эти качества терялись и часть слов приобрела служебный характер. Так появились, например, предлоги и союзы⁸⁰.

⁷⁹ См.: Aarsleff H. The study of language in England. 1780—1860, p. 68—69.

⁸⁰ См.: Tooke H. Diversions of Purley, sec. ed, 1798, v. I, p. 399.

8.5.1. Отметим еще одну работу, опубликованную в 1823 г. (написана она, правда, была раньше — в 1808—1812 гг.), которая по идеям примыкает к работам XVIII в. Это книга Мэррея по истории европейских языков⁸¹. А. Мэррей развивает в ней точку зрения, что уже до появления речи человек обладает такими естественными способностями, как восприятие, память, абстракция и суждение (здесь, возможно, Мэррей следует Монбоддо). Он трактует человека метафизически. Именно метафизический подход к трактовке человеческих способностей приводит Мэррея к крайнему варианту механистической концепции. Он считает, что речь началась с девяти слогов — *эг, бэг, двэг, звэг, лэг, мэг, нэг, рэг, свэг*. Эти слоги обладали глагольным содержанием. Например, *эг* — «ударить или двигаться с быстротой, производя равномерное проникновение или резкое изменение»⁸². Некоторое время существовали только эти слова. Второй этап развития языка — появление комбинаций первых слогов. Постепенно формируются и закрепляются все новые и новые сочетания и т. д. Этот процесс непонятным образом сочетается у Мэррея с ухудшением языка — идеей, которая пережила довольно яркий, но короткий рецидив в начале XIX в.

*

*

*

Подведем итоги философской разработки проблемы глоттогенеза в XVIII в.

1. Был поставлен вопрос о естественном возникновении языка, причем его постановка оказалась существенно отличной от учения древнегреческих философов о природном характере первых слов. Во-первых, потому что изменился философский и филологический фон: шла большая работа с этимологиями, зарождались основы сравнительно-исторического метода; разрабатывались универсальные грамматики; изменилось представление о древности языка — она стала измеряться не двумя-тремя поколениями, а многими десятками их. Во-вторых, встал

⁸¹ Murray A. A History of European languages..., v. 1, 2, 1823.

⁸² Цит. по кн.: Aarsleff H. The study of language..., p. 83.

вопрос о возникновении языка именно как системы, а не отдельных слов. И хотя сам Кондильяк изучал проблему происхождения языка, обсуждая искусственную ситуацию, другие исследователи (уже Мопертюи) начали рассматривать ее в естественно-научной перспективе. Особенно ярко это прослеживается у Монбоддо.

2. Оказался снятым либо перемещенным в другую плоскость вопрос о произвольности языковых знаков. А ведь именно решение этого вопроса приводило философов XVII в. к анализу проблемы происхождения языка. Произвольность-непроизвольность знаков практически очень мало затрагивается в работах, специально посвященных глоттогенезу. В XVIII в. широко обсуждается другой вопрос — характер их первоначальной мотивированности.

В рамках изучения проблемы возникновения языка дело не может обстоять иначе: если мы утверждаем полную произвольность первоначальных языковых единиц (на чем, собственно, настаивал, как мы видели, только Гоббс), то проблема возникновения их бесконечно упрощается. Но при этом она решается за счет введения в схему происхождения языка двух случайных факторов: 1) случайно соединились определенные звуки с определенными идеями; 2) случайно сохранились некоторые из случайно возникших знаков. Следовательно, существующие языки — результат действия двух этих факторов. Если же мы указываем закономерности 1) соединения звуков с идеями; 2) отбора их в последующей эволюции, то снимается тезис о произвольности, т. е. как только мы указываем закономерность появления произвольных знаков, они перестают быть таковыми. Но без установления закономерностей невозможна наука.

Как противоположность произвольности обычно берется мотивированность. Но на самом деле отсюда еще не следует, что всякое исследование, посвященное мотивированности языкового знака, имеет отношение к происхождению языка, поскольку произвольность и мотивированность могут рассматриваться в двух (и более) разных плоскостях. Мы отдельно обсудим этот вопрос ниже, так как он является одним из принципиальнейших в рамках философской постановки проблемы глоттогенеза.

3. Было зафиксировано, что язык возник в обществе, т. е. проблема, что нужнее — язык для рождения общества или наоборот — в плане возникновения языка была решена однозначно в немецкой и английской традиции

(а именно, они определили дальнейшее движение в данном направлении). Это было связано для Монбоддо с убежденностью, что язык — слишком сложный феномен, чтобы он мог возникнуть у разрозненных человеческих индивидов; для Гердера — с идеей о том, что языковая способность, которая присутствует у каждого человека, может развиваться только в коллективе; по Тидеманну же, именно стремление к единству стало стимулом к созданию языка. Но в то же время было четко понято, что человеческое общество — это не сообщество животных. Если бы это было так, то проблема связи языка и общества осталась бы такой же далекой от разрешения, как и до ясного осознания этого тезиса. Есть общественные животные, но «языка» (в том смысле, что и у человека) у них нет. Значит, человеческое общество, в котором возникает язык, обладает каким-то новым качеством, отличающим его от животных сообществ. Но поскольку в аспекте проблемы происхождения языка это качество нельзя искать в самом языке (он появляется в обществе по условию), встала задача — найти его в чем-то другом.

4. Несколько изменилось понимание функций языка. Это определяется 1) позитивным решением вопроса о примате общества, 2) вводом в рассмотрение дополнительно к функциям закрепления в памяти представлений и коммуникативной (см. с. 53) экспрессивной, или функции выражения чувств. Особенно много внимания уделили ей немецкие философы. Так, Гердер делает упор на изучение вопроса о том, как экспрессивные выкрики развиваются в языковую систему, выполняя коммуникативную функцию. Правда, для Гердера экспрессивная функция звуков остается основной, так как именно она определяет существо языковой способности индивида. А в целом вопрос о функциях языка в аспекте его происхождения не исследовался должным образом. Высказывания по этому поводу носят по большей части случайный характер. Объяснить эту ситуацию можно тем, что для философов XVIII в. решение данного вопроса представляется чем-то очевидным, т. е. слишком очевидна необходимость языка в современном обществе, чтобы можно было представить другую ситуацию у древних. Это замечание можно отнести и к последующим работам, где затрагивается вопрос о функциях языка.

5. В целом однозначно решился вопрос о развитии значений слов от общих к единичным. Практически лишь

Руссо отстаивал противоположный взгляд. Даже Монбоддо, безусловно, стоявший на позиции Локка, в данном вопросе отходит от концепции последнего. Это, очевидно, связано с тем, что практически невысказано представление о языке, в течение какого-то времени состоящем только из имен собственных. В немецкой философской традиции это тем более невозможно, поскольку она базируется на концепции Лейбница. Примат экспрессивной функции задает такую ситуацию, что в основе названия лежит ощущение субъекта, вызываемое определенными обстоятельствами. Сходные ощущения вызываются сходными обстоятельствами. Следовательно, определенный выкрик относится сразу к классу объектов.

Такое решение вопроса о движении значений привело к идее ограниченного количества первых общих значений, следы которых можно отыскать, исследуя корни наиболее употребительных слов («Археолог» Ш. де Бросса). Эта идея была впоследствии развита филологами сравнительно-исторического направления.

6. Был исследован вопрос о возможном характере первых слов. Практически все упомянутые авторы пришли к необходимости признать за первыми словами функции предложения (наиболее последовательно развил эту мысль Мопертюг). Но признавая эту функцию, они тем не менее перебирали разные части речи, называя их в качестве первых.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ К ИСТОКАМ ЯЗЫКА

Нет меры нашему познанию,
Вещественный не вечен храм.
Когда мы воздвигали здание,
Его паденье снилось нам.

А. Блок

9.0. В конце XVIII — начале XIX в. в философских исследованиях глоттогенеза наметился определенный кризис идей. Это было вызвано тем, что практически были исчерпаны возможности умозрительного подхода к проблеме. Предлагаемые концепции оказывались неверифици-

руемыми. Необходимо было выходить за рамки спекулятивных построений по поводу происхождения языка и при этом обращаться к фактам естественных наук, а не только оперировать языковыми данными.

9.1. Наиболее смелая в этом отношении попытка Монбоддо была оценена как бесполезная именно потому, что, во-первых, он работал, как представлялось, вне предмета, вышел за рамки привычного круга идей, и, во-вторых, некоторые факты, привлеченные им, поскольку это шло вне традиции, выглядели абсурдно даже на том уровне развития науки. Интересно, что за 70 лет до книги Монбоддо была написана работа, которая могла бы служить для эдинбургского ученого более сильным аргументом, чем сведения о хвостатых не говорящих, но торгующих людях. Монбоддо, очевидно, ее не знал. Это книга Э. Тайсона «Orang Outang, sive homo silvestris, or the anatomy of a Pigmie, compared with that of Monkey, Ape and a Man», вышедшая в 1699 г.

Чуть раньше, 1 июня 1698 г., Тайсон сделал доклад Королевскому обществу о результатах изучения «пигмея». Этим словом Тайсон называл один из видов человекообразных обезьян. Он представил 48 признаков сходства «пигмея» с человеком и 34 признака отличия, роднивших его с другими обезьянами. «Впервые с полным научным обоснованием натуралист рассказывал об анатомической связи обезьяны с человеком и остальным животным миром»¹. В своей книге Тайсон, в частности, сравнил речевые способности обезьяны и человека и сделал вывод о том, что «у обезьян анатомически есть все, чтобы говорить. Они не говорят, так как господь не вдохнул в них этой способности»².

В трудах того же общества Петер Кампер, известный голландский анатом, опубликовал в 1779 г. статью (возможно, в ответ на книгу Монбоддо), где доказывал, что оранг-утанги, которых он относит к низшим обезьянам (monkeys), и другие обезьяны абсолютно неспособны к речи по устройству своего артикуляционного аппарата³.

¹ Фридман Э. П. Приматы. М., 1979, с. 23.

² Aarsleff H. An outline of language origins theory since the Renaissance.— In: Origins and evolution of language and speech. N. Y., 1976, p. 7.

³ Camper P. Account of the organs of speech of the orang outang.— Philosophical Transactions of the Royal Society, LXIX, 1779, p. 139—159.

Но антропологические исследования шли отдельно от исследований в области глоттогенеза, поскольку не существовало обобщающей концепции, позволявшей бы объединить данные, получаемые разными учеными.

9.2.1. Невозможность верификации результатов привела к известному скептицизму по отношению к изысканиям в этой области. Как результат этого скептицизма в начале XIX в. растет число работ, в которых «доказываются» божественная природа и божественное происхождение языка. Надо отметить, что некоторые из этих работ появились и как реакция на идеи Французской революции, поскольку постановка проблемы естественного происхождения языка справедливо связывалась с французской просветительской традицией.

9.2.2. Наиболее известной из работ данного направления стала книга знаменитого скептика, филолога Э. Ренана. Основной пафос работы заключается в доказательстве того, что язык «образовался вдруг, и одновременно произошел из гения каждой расы»⁴. Ренан считает, что авторы, реанимировавшие концепцию божественного происхождения языка (де Бональд, де Местр, де Ламеннэ, Джиоберти), доказали «неспособность разума человеческого изобрести дар слова»⁵. По Ренану, истинный создатель языка — это «Высшая Причина природы», действующая в каждом индивидуе как дух народный: «Языки вышли совершенно готовыми из формы человеческого духа, как Минерва из головы Юпитера. Они, как сказал Ф. Шлегель, — «живое произведение всего внутреннего естества человека»⁶. Отметим, что полноту первоначального языка Ренан видит не в количестве слов, а в завершенности языка как системы.

9.2.3. Идея божественного дара естественно соединяется с мыслью о постепенном ухудшении языка «по грехам нашим». Мысль о порче языка совсем не случайно возродилась в начале XIX в. Это было отчасти связано с успехами сравнительно-исторического метода, с помощью которого открылось богатство форм языков-предков. Данное обстоятельство породило мысль о продуктивном периоде, когда активно создавался язык, сменившем-

⁴ Ренан Э. О происхождении языка. Воронеж, 1866, с. 7.

⁵ Там же, с. 38.

⁶ Там же, с. 48.

ся периодом постепенного затухания творческой способности людей. «Изобилие форм, неопределенность, чрезвычайное разнообразие, бесконтрольная свобода — все это характеристические черты, тесно соединенные между собою и составляющие (если мы сумеем понять их должным образом) отличительные признаки языка первых людей»⁷. С одним из вариантов идеи постепенного ухудшения языка спорил еще Ш. де Бросс, который доказывал, что язык, теряя в выразительности, приобретает в правильности словосочетаний, в логичности (см. 6.6.7). Л. Гейгер, современник Ренана, критикует идею существовавшего некогда продуктивного периода, исходя из методологических соображений: «Если допустить специфическую, не существующую теперь способность к созданию языка и наряду с этой способностью совершенное первобытное состояние человека — это становится уловкой, к которой прибегают, чтобы укрыться в область необъяснимого, и практически означает признание, что по самой природе вещей мы никогда не сможем объяснить истинное значение древнейших корней и процесса возникновения речи»⁸.

Возрождение божественной теории оказалось не слишком долговечным и вполне потеряло свое значение к концу XIX в. Позитивные его результаты заключаются только в том, что было дополнительно сфокусировано внимание на роли и сущности языковой способности человека.

9.3.0. Таким образом, в начале XIX в. создалась ситуация, при которой решение проблемы можно и нужно было искать на путях пересмотра философских оснований прежних теорий и создания новой глобальной концепции. Развитие же по большей части пошло по руслу изучения вопросов, относящихся к глоттогенезу, в рамках отдельных научных дисциплин, особенно лингвистики. Представлялось, что именно это направление обладает достоинством конкретно-научной убедительности. (Заметим, что рассматривая основания лингвистических и биологических теорий, мы вынуждены будем отказаться от хро-

⁷ Ренан Э. О происхождении языка, с. 85. Приведем мнение Гегеля относительно данного вопроса. В «Философии истории» он пишет: «...является фактом, что с прогрессом цивилизации в обществе и в государстве... систематическое выражение ума отшлифовывается и язык становится при этом более бедным и менее расчлененным» (Гегель. Сочинения, т. VIII. М.—Л., 1935, с. 60).

⁸ Geiger L. Ursprung der Sprache. Berlin, 1867, S. 24.

пологического принципа и исследовать соответствующие вопросы типологически, учитывая и более современные работы.)

9.3.1. Я. Гримм писал, что сравнительно-исторические исследования позволили выявить родство большой группы языков: «Таким образом, были найдены если не все, то по крайней мере большинство звеньев великой, почти необозримой цепи языков с общими корнями и общей системой флексий. Эта цепь простирается от Азии до наших стран, заполняет почти всю Европу и уже сейчас может быть названа могущественной семьей языков на всем земном шаре... Этот индогерманский язык должен в то же время дать самые исчерпывающие разъяснения относительно путей развития человеческого языка вообще, может быть, и относительно его происхождения. Они могут быть получены в результате изучения внутреннего строя этого языка, который может быть отчетливо прослежен в своих бесчисленных видоизменениях, принимаемых им в каждом отдельном случае. Я имею право говорить о возможности выполнения исследования о происхождении языка, как о проблеме, в удачном решении которой многие еще сомневаются»⁹.

9.3.2. Программа исследований в области восстановления индоевропейского (индогерманского) праязыка была, казалось, завершена в 1861—1862 гг., когда вышла в свет работа Августа Шлейхера «Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков». Шлейхер восстановил праязык и написал на нем несколько басен, но вопрос о происхождении языка остался вопросом в той же мере, что и был до выхода данной работы. Сам Шлейхер писал: «Невозможно установить один праязык для всех языков, скорее всего существовало множество праязыков. Это с очевидностью явствует из сравнительного рассмотрения ныне еще живущих языков. Так как языки все более и более исчезают и новые при этом не возникают, то следует предположить, что первоначально было больше языков, чем ныне. В соответствии с этим и количество праязыков было, по-видимому, несравненно большим, чем это можно полагать на основе еще живущих

⁹ Гримм Я. О происхождении языка (прочитано в Академии наук 9 января 1851 года). — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960, с. 56.

языков»¹⁰. Словом, оказалось, что даже если считать праязык восстановленным, его происхождение необходимо объяснять так же, как и происхождение любого другого из существующих языков, а это проблема совсем другого рода, чем проблема происхождения человеческого языка вообще.

Фактически основная проблема, ответ на которую, казалось, могут дать исследования в области сравнительно-исторического языкознания, — это проблема поли-моногогенеза: существовал ли один праязык для всех языков человечества или этих праязыков было множество? Но выяснилось, что не только в XIX, но и в XX в. лингвисты не могут однозначно ответить на этот вопрос.

9.3.3. Пересмотр теории праязыка начался уже в работах ученика А. Шлейхера И. Шмидта, предложившего теорию языковых волн. «Праязык, рассматриваемый как единое целое, остается пока что научной фикцией, — считал Шмидт. — Конечно, эта фикция существенно облегчает исследование, однако то, что мы называем сегодня праязыком, не соответствует никакой исторической реальности»¹¹. Скептически относился к возможности ответа на вопрос о поли-моногогенезе другой ученик Шлейхера Г. Шухардт. Критикуя мнение ярого сторонника моногогенеза А. Тромбетти¹², он пишет: «Допустим, что я смотрю на уходящую в прошлое конвергенцию языков глазами Тромбетти; разве отсюда с необходимостью вытекает, что вначале существовал один-единственный праязык? Или разве мы знаем, заканчивается ли окутанная туманом вершина пирамиды острием или более или менее плоской поверхностью? ... Я признаю, что все языки мира родственны, однако они родственны не в силу своей родословной, но лишь потому, что это родство образовалось при ближайшем, весьма широком участии смешения и уподобления»¹³.

Основная идея сравнительно-исторического метода заключается в том, что близость форм ряда языков может объясняться только их родством, т. е. тем, что эти языки в разное время отделились от языка-предка. Следовательно-

¹⁰ Цит по кн.: Звегинцев В. А. История языкознания..., с. 90.

¹¹ Цит. по: Пизани В. К палеоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания, 1966, № 4, с. 8.

¹² Trombetti A. L'unita d'origine del linguaggio. Roma, 1905.

¹³ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 73—74.

но, когда восстанавливается общая форма, это форма какого-то реально существовавшего языка. Поэтому Дж. В. Марчанд писал: «Мы должны предположить существование единого протоиндоевропейского языка, иначе будет разрушено само основание нашей науки»¹⁴.

9.3.4. Наиболее крупным достижением сравнительно-исторических исследований в интересующем нас аспекте является постратическая (бореальная) теория. Она сводит к общему праязыку ряд языковых семей. Так, в работе «Опыт сравнения ностратических языков (сравнительный словарь)» В. М. Иллича-Свитыча обосновывается генетическое родство индоевропейской, картвельской, уральской, алтайской, дравидийской, семитохамитской семей языков. В. А. Дыбо в предисловии к этому словарю пишет, что характер соответствий, обнаруженных в этих семьях языков, требует введения словаря-посредника. При этом он склоняется к выводу, что «данная система-посредник является реконструкцией праязыка, из которого естественно развились все шесть сравниваемых праязыков»¹⁵. В то же время, анализируя данные того же словаря, М. Л. Палмайтис приходит к выводу, что сходство форм может быть объяснено длительными контактами языков¹⁶.

9.3.5. Аргументы противников теории языка-предка следующие. Н. С. Трубецкой, например, считает, что «нет собственно никакого основания, заставляющего предположить единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать обратную картину развития, т. е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом»¹⁷. В. Пизани уверен, что мы вообще не можем говорить о каких-то восстанавливаемых языках, поскольку «...различные языковые семьи — германская, славянская, балтийская, кельская и т. д. — не яв-

¹⁴ Цит. по: Пизани В. К индоевропейской проблеме, с. 5.

¹⁵ Дыбо В. А. Предисловие к кн. В. М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков» (М., 1974, с. XXXV).

¹⁶ Палмайтис М. Л. Праязык — генетическая или контактная общность? — Вопросы языкознания, 1978, № 1, с. 51—56.

¹⁷ Трубецкой П. С. Мысли об индоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания, 1958, № 1, с. 67.

ляются независимыми и монолитными группами, возникшими благодаря расщеплению столь же монолитного индоевропейского праязыка, а представляют собой результат распространения из одного или более центров отдельных явлений, которые по политическим или каким-либо иным причинам, охватив определенную территорию, в различной степени проникли в индоевропейские и отчасти неиндоевропейские языки, на которых говорило население данной области»¹⁸.

Таким образом, во-первых, четкого ответа на вопрос о существовании единого праязыка, даже для одной языковой семьи, на данном уровне развития науки дать невозможно. Тем более его невозможно дать в отношении праязыка человечества. Во-вторых, даже если считать, что индоевропейский и ностратический праязыки — реальные языковые общности, есть два серьезных момента, не позволяющих использовать результаты сравнительного анализа для изучения происхождения языка: 1) сами по себе восстанавливаемые явления настолько сложны, что объяснить их происхождение так же трудно, как и объяснить происхождение аналогичных явлений в современных языках; 2) временной предел, к которому относится восстанавливаемые явления, — десять тысяч лет или около того.

9.3.6. Об этом свидетельствует, например, образ жизни людей — носителей праиндоевропейского языка, реконструированного (на основе изучения восстановленной лексики праязыка) известным лингвистом У. Уитни: «Первобытное племя, говорившее на материнском языке, от которого произошла вся семья индоевропейских языков, вело не исключительно кочевую жизнь, но имело также оседлые поселения, даже города и укрепления, и занималось частью разведением скота, частью возделыванием земли. У этого племени были уже главнейшие из наших домашних животных: лошадь, бык, коза, свинья, не считая собаки, так как медведь и волк опустошали его стада; мыши и мухи уже и тогда были домашними бичами. Для еды сеяли ячмень, а, может быть, и пшеницу, и стряпали из них кушанье. Из меду приготавливали веселящий и опьяняющий напиток. Употребление некоторых металлов уже было известно, но нельзя сказать наверно, принадлежало ли к числу их железо. Ткать уже умели, поль-

¹⁸ Пизани В. К индоевропейской проблеме, с. 4.

зуюсь для этого шерстью, пенькой, а может быть, и льном... Наступательное и оборонительное оружие было такое же, какое обыкновенно распространено между первобытными племенами: меч, копьё, лук и щит. Лодки умели делать и приводить в движение веслами... Счисление было известно, по крайней мере, до сотни, так как нет общего индоевропейского слова для обозначения тысячи. Некоторые звезды были замечены и получили названия; луна служила главным мерилем времени. Религия была политеистическая и состояла в обоготворении сил природы¹⁹.

Как видим, по многим признакам такой образ жизни не может отстоять от нас больше чем на несколько тысяч лет, на что указывает уже употребление металлов и весельных лодок. Косвенным подтверждением того, что компаративистика оперирует лишь относительно поздними данными, могут служить также результаты, полученные методом М. Сводеша²⁰. Сводеш разработал глоттохронологический метод датировки времени распада праязыков. Метод основан на предположении, что основной словарь меняется с постоянной скоростью. Процент сохранения его фонда за тысячелетие равен 84. Подсчеты, произведенные по этому методу, дают хорошие соответствия по времени с цифрами, полученными другими методами. Однако в любом случае с помощью этого метода невозможно получить достоверные цифры, относящиеся к периоду, отстоящему от нас более чем на десять тысяч лет. Кстати, подсчеты по этому методу подтверждают мнение М. Л. Палмайтиса о праязыке как о контактной общности, потому что они показывают, что «период распада общекартвельского оказывается совпадающим с эпохой распада общиндоевропейского». С другой стороны, общеафразийский образуется раньше. Короче, «шесть борзальных семей восходят к равноправным шести праязыкам-диалектам общебореального»²¹.

Мы так подробно рассмотрели этот вопрос, потому что именно сравнительно-исторические исследования давали основание их авторам считать, что они двигаются к истокам языка.

¹⁹ Цит по кн.: Романс Д. Духовная эволюция человека. М., 1905, с. 387—388.

²⁰ Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts.— Proceedings of the American philosophical Society, 1952, v. 96.

²¹ Палмайтис М. Л. Праязык..., с. 53.

9.3.7 Дело еще и в том, что исследователи, опирающиеся на языковые данные, как правило, писали не о происхождении языка, а о некоторых свойствах примитивного, первоначального языка (как они это себе представляли). Например, Э. Тэйлор доказывает, опираясь на данные языка ирокезов, что полнозначные слова вполне могли образоваться из междометий: *io* — звук восхищения в ирокезском — вошел в название реки *Oh—io* — «прекрасная река»²². Значит, исходным пунктом исследования является язык, уже имеющий определенный набор слов и начала грамматики.

9.4: Почти в то же время, когда зародилась надежда с помощью сравнительно-исторического метода осветить путь к истокам языка, происходит и осознание того, что проблема происхождения языка выходит далеко за рамки лингвистики. Это привело к тому, что в 1866 г. Парижское лингвистическое общество внесло в свой устав пункт, где указывалось, что общество не принимает к рассмотрению работ о происхождении языка. А в 1873 г. президент Лондонского филологического общества Александр Эллис в своем ежегодном послании писал по поводу исследований о возникновении языка следующее: «Я считаю, что подобные вопросы не относятся к собственно филологическим. Мы должны изучать то, что есть, мы должны открывать, если возможно, неизменные безусловные отношения, в которых язык, как мы видим его, формируется, развивается, меняется, или по крайней мере выводить (*to construct*) эмпирические положения об определенных языковых отношениях и определять, насколько эти положения применимы в отдельных случаях»²³.

Такая тенденция в языкознании возобладала. Не случайно в опубликованной в 1880 г. книге одного из лидеров младограмматизма — Г. Пауля «Принципы истории языка» о происхождении языка говорится: «...как возник язык? Вопрос этот можно считать удовлетворительно решенным, если нам удастся вывести происхождение языка из действия тех только факторов, действие которых мы и теперь еще наблюдаем в дальнейшем развитии языка»²⁴.

²² Taylor E. On the origin of language. — The fortnightly review, L., 1866, v. IV, p. 550.

²³ Цит по кн.: Aarsleff H. The study of language in England, p. 230.

²⁴ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 56. Отметим, что сам Пауль в главе «Первотворчество» отступает от провозглашенного принципа.

Это замечание направлено, очевидно, против учения о двух периодах в развитии языка (9.2). Ученых именно этого направления критиковал Н. Я. Марр, говоря, что буржуазное языкознание не занимается решением такой важной проблемы, как проблема глоттогенеза.

9.5.1. Во второй половине XIX в. решение проблемы глоттогенеза взяла на себя биология. Определенные попытки в этом направлении делались и раньше (см. 9.1), но систематическая разработка вопросов, относящихся к происхождению языка, началась с трудов Ч. Дарвина. В его работах мы находим две естественно связанные между собой идеи, которые и сейчас лежат в основании биологического подхода: 1) не существует качественной разницы между языком человека и коммуникативными системами животных (Дарвин приводит мнение архиепископа Уэтли, который писал, что человек «не единственное животное, которое пользуется языком для выражения того, что происходит в его уме, и которое способно более или менее понимать мысли, выраженные другими»²⁵); 2) языковая способность человека — это результат эволюции.

Дарвин пишет: «Человека отличает от низших животных не то, что он способен различать членораздельные звуки, ибо собаки, как известно всем, понимают многие слова и предложения... Способность издавать звуки членораздельно тоже не является отличительной нашей чертой, ибо ею обладают попугаи и другие птицы. То же следует сказать и о способности связывать определенные звуки с известными понятиями, ибо достоверно известно, что некоторые попугаи, которых выучили говорить, безошибочно связывали известные слова с определенными предметами, а лица с событиями... Человек отличается от низших животных только тем, что он обладает бесконечно большей способностью ассоциировать в своем уме самые разнообразные звуки и представления; этим он обязан, конечно, высокому развитию своих умственных способностей»²⁶.

Дарвин возражает М. Мюллеру, писавшему, что употребление языка предполагает способность создавать общие представления, а ни одно животное этой способностью не обладает и что такая способность развивается именно

²⁵ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. — Сочинения, т. 5. М., 1953, с. 203.

²⁶ Там же, с. 203—204.

благодаря употреблению языка: «Мне кажется невероятным, чтобы дети в возрасте от 10 до 11 месяцев, а также глухонемые были способны связывать в уме известные звуки с определенными общими представлениями с той быстротой, с какой они это делают, если бы эти представления уже не были сформированы в их уме»²⁷.

Дарвин высказывает эти мысли с определенными оговорками, он, например, признает, что «умственные способности у отдаленных прародителей человека должны были быть несравненно выше, чем у какой-либо из существующих обезьян, прежде чем даже самая несовершенная форма речи могла войти в употребление»²⁸.

9.5.2. В рамках дарвинистского направления развитие исследований проблемы происхождения языка пошло по следующему пути:

1) появились работы, где доказывалось наличие достаточно развитых языков у животных;

2) доказывалась возможность эволюции от «языков» животных к языку человека. Была воспринята идея сравнительно-исторического языкознания о наличии ограниченного числа корней, лежащих в основе любого языка, любой семьи языков (так, А. Потт считал, что любой язык имеет в среднем тысячу корней; Э. Ренаи насчитывал для семитских языков 500 корней; М. Мюллер, для санскрита — 121 корень, и т. д.). Эта идея трактовалась так: раз десятки тысяч слов могут быть сведены к сотням корней, то почему бы не продолжить этот процесс? Очевидно, можно свести эти сотни корней к десяткам. Но у животных в их языках насчитываются десятки различных вокализаций. Следовательно, найдено общее звено, позволяющее связать язык человека и животных. Остается, во-первых, изучить функции животных «слов» и, во-вторых, указать причины и пути их развития. Подобная логика лежит в основании многих исследований²⁹.

Однако и среди биологов было немало ученых, которые считали, что языки животных и человеческий язык — качественно разные образования, даже если и принять идею эволюции. Во всяком случае дело не исчерпывается

²⁷ Там же, с. 206—207.

²⁸ Там же, с. 205.

²⁹ См., например: Романэс Д. Духовная эволюция человека; Pumphrey R. I. The origin of language. An inaugural lecture. Liverpool, 1951.

количеством употребляемых знаков. Так, Л. Морган писал: «Слово становится элементом языка, настоящим словом, только тогда, когда исполняет обязанности части речи, иначе говоря, является составным элементом одного связанного целого. Животное «слово», если можно употребить этот термин, представляет собой отдельный кирпич; дюжина таких кирпичей, даже целая куча в несколько сотен их все еще не составляет здания»³⁰.

9.5.3. Об этом направлении особо следует сказать, что, как правило, авторы, исследуя проблему глоттогенеза, нечетко фиксируют методологические основания своей деятельности. Это связано с тем, что подобные работы идут вне философской традиции (имея тем не менее предшественников в лице эпикурийцев), а в рамках частных наук решать такую проблему невозможно (в принципе это замечание относится и к другим направлениям, но все-таки в меньшей мере). Отметим некоторые существенные особенности работ этого направления³¹.

Во-первых, как правило, не определяется само понятие языка. То говорится вообще обо всем комплексе средств человеческого общения и доказывается, что животные используют такие же средства коммуникации. То говорится о человеческом языке как все-таки о специфическом образовании, причем критерии отличия его от других коммуникативных систем выдвигаются самые разные и часто случайные.

Во-вторых, человеческий язык сравнивается все время не с одной какой-либо коммуникативной системой, но сразу со всеми (это можно отметить и в цитировавшемся отрывке из Дарвина: 9.5.1). Логика этого сравнения может быть представлена следующим образом: язык человека имеет пять признаков, из которых первый мы наблюдаем у пчел, второй — у сусликов, третий — у приматов, четвертый — у кузнечиков, пятый — у дельфинов. Следовательно, человеческий язык не имеет ни одного оригинального признака. Такой подход неверен уже потому, что язык произошел от какой-то одной системы общения, во всяком случае невозможно представить себе, что он брал по черточке у разных.

³⁰ Morgan L. *Animal behaviour*. L., 1900, p. 204—205.

³¹ Имеются в виду работы Гарнера, Памфри, Холдейна, Дарлингтона и др.

В-третьих, резко сужается вопрос о генетических основах языка. Обычно указывается на то, что врождена лишь звуковая сторона. Но практически это сводится к статическому отличию (звуки, издаваемые людьми, говорящими на разных языках, очень разнообразны): человеческое дитя производит больше звуков, чем дитя шимпанзе. На самом деле это, очевидно, не принципиальный момент. Этот признак «не работает» уже в конкретных науках, не говоря о философской уязвимости такой позиции. (Как показывает Э. Леннеберг, значительно более важен способ организации звукового поведения, являющегося частью сложного поведенческого комплекса. При этом сам способ организации генетически отличается у человека от других приматов³².)

В-четвертых, нет четкого разграничения причин возникновения языка, происходит смешение первостепенного и второстепенного. В одном ряду причин оказывается приручение собак, трудовая деятельность и обращение к прошлому и пр.

9.5.4. В то же время в этих работах не случайно упоминаются авторы трудовой теории происхождения языка. Именно эта теория, зародившись в середине XIX в., позволила наметить пути преодоления кризиса в философском обсуждении проблемы глоттогенеза, отмеченного нами для начала XIX в. Трудовая теория указала направление, которое позволяет довести некоторые общие взгляды до уровня верифицируемости и, следовательно, может послужить базой конкретно-научных разысканий. Не случайно трудовой теории придавал такое значение М. Мюллер, самый известный из авторов, писавших о происхождении языка во второй половине XIX в.

³² См.: Lenneberg E. H. The Natural history of language. — In: The genesis of language. F. Smith and G. Miller eds. Cambridge Mass London, 1966.

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

И вновь сомненье душу мне тревожит,
Но свет блеснул, — и выход вижу я:
В деянии начало бытия.

Гете

10.0. Движение научной мысли к трудовой теории происхождения языка осуществлялось двумя путями. Первый путь определялся работами филологов сравнительно-исторического направления; второй — философский, основывающийся на пересмотре прежних теорий, развитие которых в начале XIX в., как мы видели, зашло в тупик. Вершиной первого направления явились работы Л. Нуаре, второго — марксистская теория происхождения языка. Движение в рамках обоих направлений совершалось не вполне независимо друг от друга, тем не менее расхождение между теорией Нуаре и марксистской концепцией определилось исходными посылками.

Прежде чем перейти к рассмотрению существа теорий, необходимо отметить следующий важный пункт: в работах конца XVIII в. мы зафиксировали противоречие (см. с. 85): все авторы сошлись на том, что общество необходимо предшествует языку, но тогда вне языка следует искать отличительный признак человеческого общества, а этот признак еще со времен Аристотеля (3.3.5) видели именно в языке. Но такая постановка вопроса обрекала исследователей на хождение по кругу. Для того чтобы указанное противоречие преодолеть, требовалось найти другую точку отсчета. Этой точкой отсчета и стал труд, совместная созидательная деятельность. Постулирование решающей роли труда в процессе становления человека, а значит, и языка, открыло новые горизонты для поиска. (Конечно, общество, обладающее языком, и общество доязыковое — не тождественны. Под приматом общества понимается лишь тот факт, что язык не мог предшествовать возникновению коллектива. Это подтверждается и последними исследованиями в области социогенеза¹.)

¹ См., например: Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М., 1980.

10.1.1. Ряд положений трудовой теории сформулировал известный немецкий филолог Л. Гейгер². Изучая индоевропейские корни, он сделал вывод, что первичные слова человеческой речи родились из глагольных основ, из обозначения действий (нетрудно увидеть в этом развитие взглядов Гердера). Основной тезис Гейгера: то, что мы обозначаем словами, первоначально должно было оформиться во внешней деятельности человека. Иначе понятия не получили бы необходимой определенности.

10.1.2. Таким образом, язык рождается в деятельности, но не в деятельности животной, а в истинно человеческой. Эта деятельность связана с производством: 1) орудий труда, 2) утвари и 3) оружия. Гейгер сформулировал закон, согласно которому орудия труда называются по характеру действий, которые они производят (пила — то, что пилит, бритва — то, что бреет и т. п.); утварь называется пассивным способом, т. е. по материалу, из которого она изготавливается («мех» для вина) или по той работе, которая необходима для их производства («долбленка»); оружие, в зависимости от способа применения (нападения или защиты) называется и активным путем, и пассивным. Особый интерес представляют названия орудий труда, так как однозначность их происхождения позволяет с их помощью восстановить историю духовной жизни человечества.

Гейгер приходит к мысли, которая становится впоследствии краеугольным камнем теории Нуаре: работа, по характеру которой названо орудие труда, появилась раньше, чем это орудие. Определенное действие, например копанье, совершалось с помощью рук. Случайно (Гейгер настаивает на случайности) в руке человека оказалось орудие (палка), с помощью которого процесс ускорился. Палка начинает со временем использоваться регулярно, название же она получает по действию, имевшему место раньше, т. е. непосредственная деятельность предшествует опосредованной. Самым первым орудием была мысль, она заменяла человеку те естественные орудия, которые есть у животных. Но до возникновения орудий труда она непосредственно всплеталась в деятельность человека, поэтому не могла оформиться в понятиях. В этом пункте Гейгер отходит от идей, высказанных ранее, и утверждает

² Geiger L. Ursprung und Entwicklung der menschlicher Sprache und Vernunft, Bd 1, 2. Berlin; Idem. Ursprung der Sprache. Berlin, 1867.

ет, что при первых проблесках разума и языка в первую очередь воспринималась субъективная деятельность, которая прежде всего обозначалась звуками сочувствия. Отсюда вытекает представление о субъективности первых значений языка. А это входит в противоречие с последующим тезисом Гейгера о том, что язык и мышление развиваются только в обществе, причем понятия появляются только вместе с возникновением языка.

Отличительной чертой человеческого языка становится описательность: объект обозначается звуком, напоминающим сам этот объект. Гейгер пишет: «...Язык помогает различать видимый предмет не по тому чувству, которое он возбуждает в нас, не поскольку видимый предмет внушает страх или манит, причиняет боль или удовольствие, а исключительно по его видимым признакам: поэтому слово не оказывает непосредственно влияния на волю, а допускает спокойное, вдумчивое воспоминание»³.

Теория Гейгера была принята рядом видных ученых. Лацарус канонизировал ее основные положения, изложив их в статье «Язык» энциклопедии Шмидта. Но дальнейшее развитие мысли Гейгера получили в первую очередь в работах Л. Нуаре.

10.2.1. Нуаре осмыслил эти идеи в контексте философской традиции и создал свою философскую систему. Она дуалистична: Нуаре признает наличие в мире двух субстанций, за которые он принимает движение и ощущение. Из этих понятий он выводит все остальные. Мы обратимся только к тем аспектам его теории, которые касаются происхождения языка.

10.2.2. Во-первых, Нуаре пришел к выводу, что индоевропейские корни могут быть произведены не просто из глагольных основ, а именно из звуков, сопровождавших коллективные действия. Во-вторых, наличие орудий труда изначально определило объективность первых понятий. Именно эти пункты обусловили отличие теории Нуаре от гейгеровской концепции, позволили ему преодолеть непоследовательность Гейгера, характеризовавшего содержание первых понятий как субъективное.

«Влияние орудий труда на мышление, — констатирует Л. Нуаре, — проявляется преимущественно в двух на-

³ Цит. по кн.: Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Киев, 1925, с. 75—76.

правлениях: во-первых, благодаря разрешению и разъединению элементов каузального соотношения, отчетливому сепаратному выступлению причины и следствия, средства и цели, эта каузальность приобретает все большую, все возрастающую ясность в человеческом сознании. Во-вторых, это влияние проявляется в объективации и проекции собственных органов человека, до того действующих лишь при наличии смутного сознания индивидуумом своих инстинктивных функций»⁴. Конечно, определенное представление о причинности существовало и раньше, но только благодаря орудийной деятельности оно «выступает перед наблюдателем в своей простейшей осязательной, воплощенной форме»⁵.

Душой теории Нуаре является учение об объективации. Он показывает, как благодаря проекции человеческих органов в мир первые понятия наполняются объективным содержанием. Под проекцией понимается «переложение или начертание строения внутреннего механизма во внешнем мире, где этот механизм становится видимым, феноменальным, и где он, усовершенствованный со стороны чистомеханического действия, может стать средством для непрерывного проявления сознания и для усиления мощи человека»⁶. Человек, чтобы осознать нечто, должен увидеть это как внешнее по отношению к себе. Осознание такого феномена, как язык, произошло благодаря появлению письменности, понимание внутренней конструкции уха стало возможным лишь после изобретения рояля и т. п. Нуаре здесь конкретизирует идею классической немецкой философии о постижении абсолютным духом себя через природу, являющуюся его воплощением: «...только от соприкосновения с объективным миром зажигается светоч самосознания. Однако здесь действует не объективный мир как таковой, не объективный мир, поскольку он со всех сторон окружает нас, всюду торчит перед нами, а объективный мир, поскольку он сам воздействием человеческой воли и человеческого труда, т. е. воздействием субъективного фактора, меняется, модифицируется и преобразовывается»⁷.

Орудия труда оказываются объективированным воплощением определенных человеческих функций, причем

⁴ Нуаре Л. Орудие труда..., с. 69.

⁵ Там же, с. 70.

⁶ Там же, с. 89.

⁷ Там же, с. 96.

коллективных, поскольку труд носил общественный характер. Благодаря этому возможно появление понятий о функциях («понятие резать делается возможным лишь благодаря ножу»⁸). Но понятие, в свою очередь, не существует без своего материального воплощения, которое оно находит в языке, «где понятие переходит в нечто такое, что не есть понятие, ибо никогда никакая вещь не объясняется из одинаковой с ней вещи, но всегда из иной, которая снова требует объяснения еще из иной вещи, и так далее, без конца»⁹. Нуаре подчеркивает, что «трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путем эти звуки приобретают определенное значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все известные нам языки»¹⁰.

10.2.3. Работы Нуаре приобрели сторонников, наиболее известным из которых был М. Мюллер. В своей книге он показывает, как теория Нуаре объясняет происхождение названий цветов. Цвета в этом отношении особенно показательны, так как они не являются актами деятельности. «Название цвета по санскритски — VARNA, очевидно происходящее от VAR, покрывать. Поэтому цвет был понят сначала как результат акта покрытия, или мазания, и пока искусство рисования в своей самой примитивной форме не было открыто и названо, не могло явиться и названия для цвета»¹¹.

10.2.4. К. Маркс и Ф. Энгельс были знакомы с теорией Нуаре. Более того, постановка Энгельсом проблемы происхождения языка явилась, видимо, реакцией на нее¹². Мысль Нуаре о том, что язык и разум вытекли из совместной работы наших предков, высоко ценил Г. В. Плеханов¹³.

Есть по крайней мере два существенных пункта, которые отличают теорию Нуаре от марксистской концепции происхождения языка. Первый: по Нуаре, орудие труда возникает позже, чем разум и язык. Это обуслов-

⁸ Там же, с. 57.

⁹ Там же, с. 12.

¹⁰ Там же, с. 41.

¹¹ Мюллер М. Наука о мысли. Спб., 1891, с. 229.

¹² См.: Petr J. Filozofie jazyka v díle K. Marxe a V. Engelse. Praha, 1980.

¹³ См.: Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. 3-е изд. М.— Пг., 1923, с. 44.

лено предшествованием названий видов деятельности возникновению орудий (дань филологическим истокам теории, о которой мы говорили в 10.0). По Энгельсу, напротив, именно труд с использованием орудий труда является той предпосылкой, которая привела к возникновению языка и языка.

Второй пункт: если, по Нуаре, самосознание человека возникает в его отношении к орудию, к своей проекции во внешнем мире, то, как показал К. Маркс, оно может возникнуть только в отношении к другому человеку. Именно в этом пункте ярче всего раскрывается общественная природа человеческого сознания.

10.2.5. Для настоящего времени характерно упрощенное понимание теории Нуаре, ее часто включают (называя теорией *jo-he-ho*) в один ряд с такими облегченными образцами человеческой мысли, как теория *bow-wow* («гав-гав») и т. п. Неадекватность такого подхода вытекает уже из простого рассмотрения основных идей ученого. Теория Нуаре является вершиной буржуазной мысли в разрешении проблемы глоттогенеза. Только марксистская философия позволила вскрыть ее недостатки и указать пути их преодоления, продолжив традицию трудовой теории, заложенную еще Монбоддо.

10.2.6. Чтобы в полной мере выявить и оценить сущность сделанного Марксом, необходимо рассмотреть то понимание языка, которое сложилось в немецкой классической философии. Кант и Гердер со всей определенностью связывают мышление с языком. Кант: «Каждый язык есть обозначение мыслей и, наоборот, самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка, этого величайшего средства понять себя и других. Мыслить — значит говорить с самим собой»¹⁴.

Гердер: «...Всякий разум, всякое искусство человека начинается с языка: ибо лишь благодаря языку человек царит и над самим собою и властен раздумывать и выбирать...»¹⁵. Известную свою работу о происхождении языка Гердер посвятил доказательству теснейшей связи мышления и языка, вытекающей из природы человека. Однако Гердер считает, что возникновение языка — результат деятельности чистого духа, результат реализации некоторой

¹⁴ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. — Сочинения, в 6-ти т., т. 6. М., 1966, с. 430.

¹⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 98.

изначальной способности, заключенной в каждом человеке. Язык потенциально может быть создан отдельными людьми, но раскрывается эта их способность только в общении с себе подобными (см. 7.6.1). Таким образом, предпочтение отдается экспрессивной функции языка, т. е. функции выражения мысли, тогда как коммуникативная функция оказывается второстепенной.

Гаманн, критикуя Канта за то, что последний резко отделял рассудок от чувственности, требует, чтобы язык рассматривался как единство обоих указанных моментов. Гегель специально отмечает этот факт в своей работе о трудах Гаманна.

В немецкой философской традиции важное место занимает также идея о тесной связи языка с мышлением народа, говорящего на данном языке. Эта идея ведет свое начало от работ Михаэлиса (см. 7.3), но наибольшее развитие получает в трудах В. Гумбольдта: «...различие языков основывается на их форме, а эта последняя находится в тесной связи с мировоззрением народа и с той силой, которая создает и преобразует ее»¹⁶. Гегель не был знаком с цитированной работой, но ему были известны работы Гумбольдта «О двойственном числе», статья о «Бхавадгите», в которых также прослеживается эта мысль.

Итак, в догегелевской традиции мы находим следующие положения: 1) язык и мышление взаимно определяют друг друга, 2) основной функцией языка является экспрессивная, 3) язык по природе представляет собой двойственное чувственно-рассудочное образование, 4) пользование определенным языком накладывает отпечаток на мировоззрение данного народа.

10.2.7. Гегель, в основном разделяя эти идеи, вписывает их в свою систему довольно сложным образом. Д. Кук вообще считает, что «как первое выражение человеческого разума язык будет играть для Гегеля главную роль в развитии различных форм выражения и человеческих институтов. Рефлексивная упорядоченная артикуляция и институционализация человеческого опыта — это движение к объективации... — это именно то, что Гегель пытается

¹⁶ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960, с. 77.

систематизировать»¹⁷. Гегель считает, что язык не является только идеальным выражением индивидуальной картины мира, но становится внутренним посредствующим звеном общения индивидов, членов подлинной общности.

Гегель различает знак, символ и имя, язык и речь, материал и форму языка. Руководящей идеей для него является идея деятельности. Язык предстает у Гегеля как момент деятельности субъективного духа. Эту деятельность он связывает с «продуктивной памятью» и изучает последнюю в курсе логики. Язык для Гегеля — это и «именующая сила», и «сила, полагающая внутреннее как сущее», и «продукт интеллигенции», и «система речи». Он пишет, например: «Язык рассматривается здесь только со стороны своей своеобразной определенности как продукт интеллигенции, состоящий в том, чтобы ее представления проявлять в некоторой внешней стихии»¹⁸. Гегель особенно подчеркивает три положения, относящиеся к природе языка:

1) принцип произвольности знаков языка: «Произвольное соединение какого-нибудь внешнего существования с некоторым не соответствующим ему и по содержанию отличным от него представлением, выражающееся в том, что это внешнее существование отождествляют с данным представлением или, лучше сказать, с его значением, превращает это существование в знак»¹⁹;

2) Гегель доводит до определенного логического предела идею о связи языка и мышления, высказывая твердую уверенность в том, что люди мыслят словами: «При произнесении имени льва мы не нуждаемся ни в созерцании такого животного, ни даже в его образе, но имя его, поскольку мы его понимаем, есть безобразное простое представление. Мы мыслим посредством имен»²⁰; «О наших мыслях мы знаем только тогда, когда имеем определенные, действительные мысли, когда мы даем им форму предметности, различности от нашего внутреннего существа... Таким внутренним внешним является единственно только членораздельный звук, слово... Слово сооб-

¹⁷ Daniel J. Cook. Language and consciousness in Hegel's Jena writings.— Journal of the history of philosophy, 1972, v. X, N 2, p. 201

¹⁸ Гегель. Философия духа.— Сочинения, т. III. М., 1956, с. 267.

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2. М., 1971, с. 191.,

²⁰ Гегель. Философия духа, с. 272.

щает...мыслям их достойнейшее и самое истинное наличное бытие»²¹;

3) язык дает человеку возможность преодолеть созерцательность, присущую животному, включить вещный мир в свою духовную сознательную деятельность: «Собственно, лишь в имени созерцание, животное, пространство и время преодолено»²².

Опираясь на данные положения, Гегель, казалось бы, должен был уделить больше места анализу языка, но этого нет в его работах.

11.1. Нетрудно увидеть, что многие из очерченного здесь круга идей были освоены диалектическим материализмом, разумеется с соответствующими поправками. Это и идея, что язык является моментом деятельности (конечно, не деятельности субъективного духа, а деятельности людей в процессе совместного производства), и идея о том, что сознание неразрывно связано с языком (марксизм не только утверждает тождество сознания и языка, но и говорит об их относительной самостоятельности, иначе бы логика и языкознание занимались бы одним и тем же). Но все эти идеи осмысливаются с позиции примата трудовой деятельности по отношению к мышлению и языку.

11.2. Приведем наиболее полную цитату о происхождении языка из работ К. Маркса. Говоря о действиях с определенными предметами, Маркс пишет: «Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами, и вскоре начинают вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представ-

²¹ Гегель. Философия духа, с. 273.

²² Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1. М., 1970, с. 293.

ления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи {это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи}, определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей»²³.

Анализ этого фрагмента показывает, что, во-первых, Маркс видит действительную причину возникновения языка в развитии трудовой производственной деятельности. Во-вторых (и это вытекает из предшествующего), принципиально новым моментом является осознание коммуникативной функции языка как важнейшей. В связи с этим необходимо вспомнить известное место из «Немецкой идеологии»: «...Язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»²⁴. Как отмечено выше, именно в последовательном проведении этого принципа заключается преодоление нечеткости концепции Нуаре, вытекающей из дуалистической посылки его теории. Маркс подчеркивает, что истинный материализм и реальная наука основываются на утверждении общественного отношения «человека к человеку»²⁵, а не человека к природе, как это имеет место у Нуаре.

Маркс в цитированном сочинении намечает подход к языку как к индивидуальному явлению, когда говорит о том, что язык закрепляет «теоретическое» отличие внешнего предмета отдельным субъектом. Но этот подход неразрывно связан с пониманием сущности языка как общественного явления (является обратной стороной этого понимания): «...язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...»²⁶. Можно назвать эти взаимоопределяющие подходы онтогенетическим и филогенетическим (при безусловном примате второго). При этом намечается филогенетическое тождество языка и сознания: «На «духе» с самого начала лежит проклятие—быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание...»²⁷.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 377.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 623.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

²⁷ Там же.

Различение двух подходов приводит нас к выделению двух объектов исследования в рамках постановки проблемы происхождения языка. В филогенетическом плане этим объектом будет язык как система знаков, воспроизводящаяся в процессе жизни определенных этнических общностей, в онтогенетическом плане — это языковая способность человека как его видовой признак. Она не только определяет возможность производства и восприятия языковых знаков, но и возможность их содержательного формирования и понимания. В терминах Нуаре ее можно определить как способность обратного присвоения проекции. Эта способность ни в коем случае не может трактоваться как способность производства и восприятия звуков. Ряд данных, полученных современными исследователями, указывает на то, что первоначально язык мог реализовываться в жестах, а звуки были сопровождением последних, т. е. она относится не к форме, а к сущности языка. Это некоторая способность созидания знаковых систем.

Язык как система знаков и языковая способность возникают в процессе практической деятельности. Но если эта деятельность предшествовала их появлению, необходимо найти тот момент ее, который непосредственно предшествовал и возникновению языка как системы знаков, и возникновению языковой способности. Этим моментом является коммуникативная деятельность, включающая в себя определенные сигнальные средства и способность их использовать. Коммуникативная деятельность оказывается тем мостиком, который связывает человека с животным миром. Эволюция ее в процессе производственной деятельности становится третьим объектом исследования при изучении происхождения языка.

Выделение указанных объектов позволяет сформулировать важное методологическое положение: только то исследование проблемы происхождения языка, которое включает изучение трех взаимоопределяющих моментов — коммуникативной деятельности, языковой способности и языка как системы знаков, — может привести к ответу на поставленный вопрос.

11.3. Теперь рассмотрим вторую основополагающую мысль, зафиксированную в работах Маркса и Энгельса — акцентирование важнейшей роли коммуникативной функции языка, проявляющейся через наличие общественной потребности в языке. Что же понимается под «потреб-

ностью»? В работах классиков выделяются два положения, относящиеся к потребности общества в языке: 1) язык возникает из потребности общения с другими людьми (филогенетический план); 2) через язык индивидуальное «теоретическое» отличие предмета внешнего мира становится достоянием и потребностью общества (онтогенетический план). В первом случае потребность выступает как нечто внешнее по отношению к языку, во втором — индивид становится творцом потребности.

Для прояснения диалектики понятия потребности обратимся к следующему тезису Маркса: «...Бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и предпосылкой человек является только как свой собственный продукт и результат»²⁸.

В плане онтогенетическом ситуация достаточно ясна: если один человек делает некоторый опыт достоянием общества, то по отношению к другим людям этот опыт может выступать как внешняя потребность, задаваемая обществом. В филогенетическом же плане налицо противоречие: язык возникает из потребности, а потребность в языке формируется в процессе жизнедеятельности людей, не обладающих языком. Нельзя ощущать потребности в том, чего никогда не существовало. Ссылкой на то, что эта потребность создается в процессе труда, мы этого противоречия не преодолеваем, так как процесс труда лежит вообще в основе жизнедеятельности человека, и необходимо объяснить, как он привел к потребности в том, чего не существовало.

Это противоречие можно преодолеть только указанием на существование коммуникативной деятельности до возникновения языка как знаковой системы. Этим вносится новое противоречие, но его можно разрешить введением понятия «замыкание». До определенного условного момента появления языка как системы его существенные элементы уже функционируют в рамках коммуникативной деятельности, вплетенной в общественную трудовую деятельность. Благодаря этому элементы будущего языка постоянно возобновляют потребность в себе. На опре-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 516.

деленном этапе, когда эти элементы уже достаточно развиты и когда уже появилась языковая способность, происходит качественный скачок, выражающийся в замыкании этих элементов в рамках единой системы. Это, в свою очередь, ведет к тому, что функциональные представления о предметах окружающего мира начинают заменяться морфологическими — создается база для появления описательного языка. И кроме того, возникает экспрессивная функция языка. Здесь имеется в виду экспрессивная функция не в смысле выражения эмоций, что есть и в «речи» животных, а как основная функция языка, которую выделяли немецкие философы домарксовского периода. Генетически эта функция оказывается производной от коммуникативной.

Необходимо обратить внимание на трактовку понятия коммуникативной деятельности. Очевидно, что в период, предшествующий замыканию, язык как система знаков не мог воспроизводиться в процессе коммуникативной деятельности. В то же время ясно, что определенные отношения воспроизводились. Это, видимо, некоторые символизующие отношения, которые характеризовали скорее внутренние состояния субъектов коммуникативной деятельности, нежели внешнюю природу. Замыкание этих элементов происходит индивидуально и основывается на языковой способности, которая, в свою очередь, является продуктом как коммуникативной деятельности, так и общественной производственной деятельности в целом.

ПРИНЦИП ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ЗНАКА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

А. Ахматова

12.1. Понятие произвольности знака в умах исследователей как-то очень естественно связывается с проблемой происхождения языка. Во всяком случае, начиная с древнегреческих философов, почти все, кто тем или иным способом решал вопрос о природе языковых знаков, применяли свою концепцию к трактовке глоттогенеза. При этом можно выделить два разнонаправленных течения.

Во-первых, «произвольность» знака понимается очень абстрактно, на уровне констатации неопределенной связи между словом и референтом (или отсутствия какой-то связи). На этом же уровне утверждается изначальная непроизвольность или произвольность знаков языка. Такой подход характерен для философских работ до середины XVIII в., но можно обнаружить его и в более поздних работах. Когда утверждается, что «...языковой знак ни в каком отношении не является произвольным»¹ или когда Б. Ф. Поршнев говорит об изначальной произвольности языковых знаков², — это даже не противоположные позиции, так как «произвольность» трактуется совершенно по-разному. В одном случае автор идет от мотивированности, которая выступает в качестве синонима непроизвольности. Причем мотивированность, в свою очередь, постулируется в рамках отношения знаковой системы языка и системы элементов общественного сознания. При этом система элементов общественного сознания не задается, хотя содержание термина совершенно не очевидно³. Б. Ф. Поршнев же понимает произвольность более традиционно — как характеристику отношения знака к референту.

¹ Зильберт Б. А. Мотивированность языковых знаков: опыт типологии. — В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 27.

² Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

³ Зильберт Б. А. Мотивированность языковых знаков..., с. 27—

Во-вторых, мысль движется противоположным образом: задается спектр возможных мотивов создания слов — звукоподражание, инстинктивные выкрики и другое — и утверждается, что тем самым мотивировано формирование всего словарного состава. В этом случае авторы концепций естественно трактуют мотивированность как антоним произвольности. Сразу отметим, что последнее далеко не обязательно. Например, В. З. Панфилов убедительно показывает, что мотивированность и произвольность можно задать так, что они будут лежать в разных плоскостях и при этом не будут взаимоисключающими⁴. В отдельных же работах эти подходы совмещаются (в частности, в цитированной работе Б. А. Зильберта).

12.2. Различие этих подходов обусловлено тем, что язык трактуется с разных позиций. В первом случае мы имеем дело с точкой зрения внешнего наблюдателя (лингвиста, философа), во втором — с точкой зрения носителя языка. Дело в том, что формулировка принципа произвольности вообще связана с выходом за рамки определенной знаковой системы и осознанием самой этой системы как феномена, требующего изучения. Не случайно вопрос о соответствии названий вещам возник у древних греков, когда впервые (во всяком случае в европейской традиции) сам язык стал предметом исследования. Для говорящего на данном языке совершенно естественно, что камень, например, называется «камнем», а вода — «водой». Ощущение этой естественности прекрасно выразил Платон в «Кратиле».

Более того, все другие языковые обозначения (иноязычные) представляются варварскими.

Позиция же внешнего наблюдателя направляет его к фиксации закона перехода от звуков к объектам и наоборот. А поскольку уже факт существования разных языков, признанных равноправными, разрушает представление о наличии жестких закономерностей, рефлексия по поводу этой позиции ведет к признанию произвольности.

Продуктивность такого различения видна в двух аспектах — историческом и методологическом.

В применении к истории предмета выделение двух позиций позволяет четко разграничить философский и эмпи-

⁴ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 85—86.

рический подходы к проблеме. Очевидно, что мифологический подход, например,— это рефлексия по поводу эмпирической позиции. Естественность связи слова и объекта представляется заданной извне. У греческих философов появляется рефлексия по поводу второй позиции (внешнего наблюдателя; особенно ясно ее выразил Демокрит), возникает теория *vóçwç* и начинается борьба с мифологической традицией. И т. д.

В методологическом плане это различие выступает как требование четкого осознания исследовательской позиции. Можно одновременно утверждать и отрицать наличие произвольности в отношении одного и того же знака к его референту, если рассматривать это отношение с позиций внешнего наблюдателя и говорящего.

Теперь собственно об определении понятия произвольности.

12.3.1. Принцип произвольности в современном понимании был сформулирован Фердинандом де Соссюром в знаменитом курсе общего языкознания: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым»⁵.

Разница по сравнению с подходом греческих философов заключается в том, что от отношения «звук — вещь» Соссюр переходит к отношению «образ звука (означающее) — понятие о вещи (означаемое)». Главная сложность трактовки этого принципа обусловлена тем, что в структуре отношения «означающее — означаемое» в скрытом виде присутствует отношение человека — носителя языка — к обозначаемой им объективной действительности. Таким образом, происходит не только переход от одного отношения к другому, но и изменение количества объектов, на котором задается отношение произвольности. Ниже мы подробнее рассмотрим вопрос о количестве объектов. Если ограничиться тремя элементами отношения и применить к трактовке произвольности различие позиций, то «произвольность», по Соссюру, будет означать, что отношение «означающее — означаемое» для носителя языка задано извне, а не формируется в рамках системы «означающее — носитель языка — означаемое». Это четко осознанная позиция лингвиста.

⁵ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 100.

12.3.2. Различные исследователи определяют отношение произвольности на разном количестве объектов. Это теснейшим образом связано с теми предпосылками, которые они кладут в основу своего подхода к рассматриваемому принципу. Покажем это на примере двух интересных подходов.

Ф. М. Березин и Б. Н. Головин в результате анализа концепции Соссюра (и развивая мнение Э. Бенвениста) приходят к выводу о том, что знак «а) по отношению к реальным вещам... не мотивирован свойствами этих вещей, но мотивирован создавшей его системой; б) звуковая сторона знака по отношению к смысловой не мотивирована ее, смысловой стороны, свойствами, но мотивирована системой»⁶. Таким образом, в дополнение к рассматриваемому Соссюром отношению между означающим и означаемым вводится, во-первых, отношение между звуком и денотатом и, во-вторых, отношение между знаком и системой, в которую он входит.

Вторая концепция произвольности, которую мы рассмотрим, принадлежит Т. В. Гамкрелидзе. Он вводит различие между «горизонтальными» и «вертикальными» отношениями, где первые — это отношения либо между означающими, либо между означаемыми, а вторые — те, которые рассматривал Соссюр. Т. В. Гамкрелидзе пишет: «Спецификой „горизонтальных“ отношений является их двуплановость, предполагающая наличие как бы параллельных зависимостей: отношений на уровне означаемых и, соответственно, на уровне означающих. Между этими двумя рядами «горизонтальных» отношений существует определенная корреляция, выражающаяся в том, что первые (отношения между означаемыми) отражаются в характере отношений между соответствующими означающими»⁷. Здесь не берется в явном виде в расчет отношение между звуковой стороной языка и объективной реальностью, но зато изучаются, во-первых, «горизонтальные» отношения, т. е. отношения типа «означающее — означающее» и «означаемое — означаемое», а, во-вторых, отношения между сочетаниями означаемых и соответствующих означающих.

⁶ Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979, с. 117.

⁷ Гамкрелидзе Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака. — Вопросы языкознания, 1972, № 6, с. 36—37.

12.3.3. Как видим, трактуя принцип произвольности, все названные авторы подразумевают разные вещи (кстати, это относится и к другим авторам и сильно затрудняет сопоставление исторически существовавших концепций). Для прояснения вопроса в первую очередь необходимо определить те отношения, которые имеет смысл рассматривать в аспекте произвольности — непроизвольности. Следовательно, возникают две задачи: 1) уточнить количество элементов, которые могут вступать в эти отношения; 2) определить, в рамках каких общих разграничений работает принцип произвольности.

Соссюр, говоря о произвольности, указывал на два вида отношений: 1) отношение между означающим и означаемым и 2) отношение между человеком — носителем языка и знаком этого языка. Второе отношение явственно проступает, когда Соссюр пишет о том, что в качестве опровержения принципа произвольности неудачно приводятся междометия⁸. В этом случае под произвольностью подразумевается неинстинктивность. Кстати, этот момент подчеркивает в своем определении языка Э. Сепир: «Язык есть чисто человеческий и неинстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы произвольно производимых символов»⁹. Неинстинктивность подразумевается Соссюром и тогда, когда он, разъясняя понятие произвольности, указывает на отсутствие между означающим и означаемым естественной связи¹⁰. Такое разъяснение, безусловно, подразумевает человека, т. е. того, для кого эта связь может быть естественной или нет. Хотя сам Соссюр не указывает на это, выделение двух значений произвольности (и соответственно указание на два вида отношений) связано с разграничением языка и речи.

Когда говорят о языке как о системе чистых отношений, рассматривают первое проявление произвольности, т. е. произвольность отношения означающего к означаемому. При обращении к речи переходят к индивидуальному акту говорения, а значит, к отношению между индивидуальным знаком и тем, кто его произвел.

Таким образом, уже Соссюр в рамках проблемы произвольности знака рассматривает четыре объекта — означающее, означаемое, знак в целом, человека — носителя язы-

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Сепир Э. Язык. 1934, с. 8—9.

¹⁰ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию, с. 101.

ка. Цитируемые авторы расширяют количество этих объектов, добавляя денотат, знаковую систему в целом, систему элементов общественного сознания, другие отдельные знаки со своими означающими и означаемыми.

Четыре объекта, введенные в рассмотрение Соссюром, являются, видимо, минимально необходимыми. Исключение любого из них ведет к тому, что понятие произвольности оказывается пустым. Например, если оставить только отношение означающего к означаемому и утверждать, что оно произвольно в том смысле, что определенная звуковая оболочка непохожа на свой сигнификат, на определенное понятие, принцип произвольности теряет всякий смысл. Он просто будет несущественным следствием второго принципа Соссюра — принципа линейности означающего, так как означаемое как таковое нелинейно.

12.3.4. Попробуем определить, насколько необходимо расширение области определения принципа произвольности за счет дополнительных объектов. Сразу отбросим элементы общественного сознания, так как непонятно, что это такое. Привлечение других знаков, т. е. исследование отношения между двумя знаками, приводит к выводу, что какая бы то ни было произвольность отсутствует и тем самым вопрос вообще снимается или приводится к абсурду. «Наблюдая функционирование отдельных единиц языка, анализируя их, — пишет И. Р. Гальперин, — приходишь к заключению, что, в отличие от других знаков, знаки языка имеют то отличительное свойство, что они не полностью условны. Длительное употребление закрепило за ними некоторую долю содержания, и оно оказалось, в конечном итоге, имманентным для этой единицы. Отрицание этого онтологического момента в раскрытии специфики языкового знака приводит к абсурдному утверждению о полной произвольности языковых единиц и, следовательно, к универсальной возможности замены одного знака другим»¹¹.

Здесь автор включает в отдельный знак те отношения (фактически рассматривает только их) к другим отдельным знакам, в которые он вступает в рамках определенной знаковой системы, а поскольку система определяет, мотивирует эти отношения, то вопрос о произвольности знака теряет смысл. Зато возникают вопросы об исторической мо-

¹¹ Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974, с. 7—8.

тивированности и о внутренней форме слова¹². Почти то же самое можно сказать и о ряде других объектов. Денотат, видимо, единственный объект, который требует включения в предложенную систему. Если мы не можем, обращаясь к принципу произвольности, обойтись без носителя языка, то необходим и тот объект, который обозначен с помощью языкового знака, поскольку именно с ним человек соотносит производимый звук.

12.4.1. Имея систему из пяти объектов — означающего, означаемого, знака в целом, носителя языка, денотата, мы можем задать на ней десять бинарных отношений. Однако не все из этих отношений имеют смысл с позиций принципа произвольности. Прежде всего следует исключить отношения «знак — означающее» и «знак — означаемое», так как это отношение части и целого; целое без этой части невозможно, поэтому о произвольности говорить бессмысленно. Исключаются также отношения денотата к знаку и его частям, поскольку невозможно рассматривать без опосредования человеком отношений реального объекта к идеальным (знак в данном случае понимается строго как единство означающего и означаемого).

Остаются пять отношений, которые дают нам пять возможных значений произвольности:

1. *Неинформативность*. Проявляется в рамках отношения «означающее — означаемое». Имеется в виду, что оболочка знака не несет информации о его содержании.

2. *Неинстинктивность*. Проявляется в рамках отношения «носитель языка — знак». Это значение произвольности является тем, которое в принципе отличает генетически заданный «язык» животных от естественного человеческого языка. Как подчеркивает Л. А. Фирсов, «обезьяна, издающая тот или иной звуковой сигнал в определенной ситуации, не может не делать этого, таковы физиологические закономерности коммуникативной системы как одного из биологических механизмов стадных форм поведения приматов и, вероятно, других животных»¹³.

3. *Несвязанность с ситуацией*. Проявляется в рамках отношения «носитель языка — денотат». «Слово, — пишут Дж. Хаксли и Л. Кох, — является условным обозначени-

¹² См., например: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1977, с. 129—144.

¹³ Фирсов Л. А. Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977, с. 54.

ем предмета и надо учиться его применению. Звуки, которыми даже самые высокоорганизованные животные пользуются для выражения эмоционального состояния, являются врожденными (хотя и могут изменяться с приобретением жизненного опыта) и автоматически издаются в ответ на соответствующую ситуацию»¹⁴.

4. *Произвольность содержания.* Проявляется в рамках отношения «носитель языка — означаемое». Человек может обозначать огромное количество разнообразных вещей. Это количество по богатству несопоставимо с содержанием любой другой коммуникативной системы.

5. *Произвольность обозначения.* Проявляется в рамках отношения «носитель языка — означающее». Человек не связан выбором определенного звука для обозначения определенного предмета. Более того, обозначающим не обязательно должен быть звук, это может быть рисунок, вещь и т. п.

12.4.2. На понимание выделенных значений произвольности накладывает ограничения необходимость различать язык и речь, индивидуальное и общее, производство и восприятие знака. В то же время, в рамках решаемых задач наиболее важным является введенное выше разграничение позиций носителя языка и внешнего наблюдателя. Необходимость различения этих позиций определяется здесь тем, что любое из заданных выше отношений можно представить как произвольное и как непроизвольное, переходя с одной точки зрения на другую.

Рассмотрим отношение «носитель языка — означаемое». В некоторой ситуации носитель языка *A* обозначает предмет *B* словом *C*. Здесь означаемым является способ представления *B* в определенной языковой системе. Этот способ представления задан *A* языковым обществом, которое его окружает. Если мы утверждаем, что «человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый языковым коллективом»¹⁵, то мы должны утверждать также, что он не может изменить способа представления этого предмета. Может ли, например, говорящий изменить количество цветов, принятых в определенном языке, и тем самым изменить способ представления радуги? Если он хочет оставаться членом языкового коллектива —

¹⁴ Хаксли Дж., Кох Л. Язык животных. М., 1968, с. 20.

¹⁵ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию..., с. 101.

Типы отношений и их восприятие

Тип отношения	Восприятие носителя языка	Восприятие внешнего наблюдателя
1	Непроизвольно	Произвольно
2	Произвольно	»
3	Непроизвольно	»
4	»	»
5	Произвольно	»

нет. Таким образом, для *A* означаемое не произвольно. Для внешнего же наблюдателя, если он тем более знает гипотезу Сецира — Уорфа, количество способов представления радуги сопоставимо с количеством языков, а в принципе неограниченно велико. Следовательно, для него отношение *A* (носителя языка) к *B* (способу представления, означаемому) произвольно.

Различение этих подходов важно еще и потому, что содержание отношения, даже произвольного, и с той и с другой точки зрения будет неодинаковым. Например, осознание громадной важности синтаксической синонимии предполагает возможность для говорящего описать определенную ситуацию практически неограниченным числом способов. В этом смысле отношение «носитель языка — означаемое» произвольно для *A*. Для внешнего наблюдателя, знающего кроме языка, которым владеет *A*, еще ряд языков, произвольность этого отношения будет на порядок выше. Хотя сразу отметим, что в принципе вопрос о различии в степенях произвольности, очевидно, далеко не прост и требует отдельного рассмотрения.

Если отвлечься от различий в степени произвольности, сказанное можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Из таблицы следует, что носитель языка осознает как произвольные два из пяти отношений, тогда как внешний наблюдатель — все пять. Этими двумя отношениями являются 2 (неинстинктивность) и 5 (произвольность) обозначения. Второе отношение связано, как уже говорилось, с фактом синтаксической синонимии. А произвольность первого отношения определяется тем, что человеческие высказывания не связаны жестко с определенными внутренними состояниями, и человек осознает как свободу высказывания, так и свободу умолчания. В то же время произвольность третьего отношения связана с тем фактом,

что определенный денотат требует определенного обозначения.

12.5. Теперь попробуем применить полученные результаты к анализу процесса формирования естественного языка. Если построить аналогичную таблицу, взяв в качестве субъектов животное — носителя «языка» (например, обезьяну) и внешнего наблюдателя — этолога, то во всех десяти случаях в таблице будет стоять слово «непроизвольно». Связывая это с предыдущей таблицей, можно утверждать, что появление языка коррелирует с появлением произвольности. В то же время ясно, что появление языка связано с развитием ряда способностей: 1) способностью продуцирования большого количества звуков (или жестов, если принимать жестовую гипотезу происхождения языка); 2) способностью связывать эти звуки со звуками, производимыми другими членами сообщества (идентифицировать их); 3) способностью связывать звуки (свои и чужие) с некоторыми явлениями объективной реальности в процессе совместной деятельности¹⁶. Эти способности развивались, видимо, постепенно.

Сложность в том, что произвольность, хотя и может различаться в степени, принципиально противостоит непроизвольности и в определенном смысле не могла развиваться постепенно, точнее, мог меняться уровень произвольности, но появиться она должна была в определенный момент. На это совершенно справедливо указывает Б. Ф. Поршнев, полемизируя с Л. О. Резниковым¹⁷. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что произвольность появилась сразу в полном объеме. Представляется весьма сомнительным, что можно ставить знак равенства между произвольностью во втором смысле и произвольностью, например, в пятом смысле (т. е. между неинстинктивностью продуцирования знаков и богатством синонимических отношений).

Необходимо выделить по крайней мере два этапа появления произвольности. Первый этап связан с появлением произвольных отношений во втором значении (табл. 2).

Этот этап характеризуется наращиванием разнообразия производимых звуков. Они продуцируются произвольно, но их количество еще не достаточно велико, чтобы да-

¹⁶ Если не постулировать последнюю способность, мы придем к картине, нарисованной Беркли.

¹⁷ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 131—132.

Типы отношений и их восприятие

Тип отношения	Восприятие носителя языка	Восприятие внешнего наблюдателя
1	Непроизвольно	Непроизвольно
2	Произвольно	Произвольно
3	Непроизвольно	Непроизвольно
4	»	Произвольно
5	»	Непроизвольно

вать неограниченное количество высказываний по поводу определенной ситуации. Для наблюдателя этот этап будет характеризоваться появлением двух значений произвольности: того же, что и для носителя языка, и четвертого, т. е. существующего в рамках отношения между человеком и означаемым.

Второй этап характеризуется таким развитием коммуникативной системы, что у носителя ее появляется возможность выбора средств для обозначения определенной ситуации. Происходит фактическое осознание произвольности в пятом смысле. Это уже развитый язык. Для внешнего наблюдателя языковой знак становится полностью произвольным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проблема глоттогенеза, история изучения которой насчитывает не одну тысячу лет, как проблема, имеющая самостоятельный интерес, была сформулирована только в середине XVIII в. Это было сделано Кондильяком в трактате, посвященном теории познания. Во второй половине XVIII в. широко ведутся поиски ответа на вопрос, как язык «мог произойти естественным образом». В течение полувека философия в общем исчерпывает возможности умозрительного подхода к проблеме происхождения языка и постепенно перестает активно разрабатывать эту тему. К началу XIX в. некоторые аспекты проблемы сформулированы с такой степенью ясности, что их начинают исследовать конкретные науки, в особенности лингвистика, а несколько позже (и именно в связи с торжеством идеи эволюции) — биология. Однако довольно быстро выясняется, что комплекс вопросов, относящихся к проблеме глоттогенеза, много шире компетенции частных наук, в рамках которых ее пытались решать. Эта ситуация имеет три следствия.

1. Осознавая недостаточность средств, имеющихся в их распоряжении, ученые выводят проблему за пределы парадигмы своей науки и вообще отказываются ее изучать. Это произошло, например, в языкознании во второй половине XIX в.

2. Исследование глоттогенеза ведется в рамках конкретных наук, но сопровождается большим количеством неявных допущений, относящихся к другим областям знания. Например, этологи допускают (не обязательно, но как возможность), что сигнальная система общественного животного, обладающая десятком-двумя как-то различающихся звуков, не имеет качественного отличия от языка

человека, хотя последний и обладает практически бесконечным количеством звуковых комплексов, разнящихся друг от друга закономерным образом. Или допускается, что роль, которую выполняют звуки (или другие сигналы), тождественны функциям человеческого языка. Тем самым животным приписывается сознательное продуцирование сигналов в коммуникативных, экспрессивных и других целях. Список подобных допущений можно легко увеличить.

3. В ряде дисциплин, относящихся к изучению человеческих способностей, знаковых систем и др., высказываются мысли о том, что данные исследования имеют отношение к происхождению языка. Но часто при этом затруднительно объяснить связь результатов этих работ с проблемой глоттогенеза. Иначе говоря, экспликация результата показывает, что он очень косвенно относится к настоящей проблеме. Например, изучение вопроса о характере обозначения (вопрос о произвольности-мотивированности знака) позволяет авторам утверждать, что решение его имеет прямое отношение к интересующей нас теме. Говоря точнее, убежденность в том, что языковой знак мотивирован, как правило, сочетается с идеей о возможности на этом пути найти разгадку появления языка. Но такая возможность без дополнительного анализа и уточнения постановки задачи (что мы пытались сделать в соответствующем разделе) иллюзорна по крайней мере по двум причинам: а) язык — это система знаков, и поиск природы знаков, взятых вне системы, — очень частное исследование в рамках глобальной постановки проблемы происхождения языка; а поскольку общепризнанная постановка отсутствует, то вопрос о природе знаков языка, имея большой самостоятельный интерес, не может рассматриваться как ключ к проблеме; б) чаще всего под мотивированностью понимают тот простой факт, что человек, обучаясь знакам языка и используя их, переживает это определенным образом (сходным с ощущениями других людей), и эти эмоции могут накладываться (именно в сознании носителей языка) на означающее печать означаемого. Поэтому, даже если безоговорочно принять факт увеличения количества мотивированных слов в процессе движения к праязыкам, он может свидетельствовать лишь об одном — о том, что употребление слов переживалось более непосредственно. При этом неясным остается, во-первых, как это связано с происхождением языка, и, во-вторых, какое значение мо-

жет иметь этот вывод, сделанный на материале последних четырех тысяч лет для изучения феномена, который на порядок старше.

Наряду с указанными направлениями в середине XIX в. сначала в филологии (Л. Гейгер, Л. Нуаре), а затем в философии (К. Маркс и Ф. Энгельс) возникла и постепенно завоевывала все большее признание трудовая теория происхождения языка. Марксистская разработка этой теории приводит к формированию сложного предмета исследования, выступающего в виде триады (язык как система знаков, языковая способность, коммуникативная деятельность). Надеемся, что дальнейший анализ проблемы на основе указанного подхода сможет привести к построению соответствующей теории, которая объяснит некоторые важные аспекты возникновения человеческого языка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Мифологические представления о языке	10
Античные идеи о природе и происхождении языка	21
Эволюция средневековых представлений о существе и происхождении языка	33
Происхождение языка в понимании философов Нового времени	44
Традиция Кондильяка и новый интерес к проблеме	55
Дальнейшее движение научной мысли к истокам языка	86
Трудовая теория происхождения языка	100
Принцип произвольности знака и проблема происхождения языка	113
Заключение	124

Олег Альбертович Донских

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Утверждено к печати Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Редактор издательства *Ю. П. Бубенков*
Художник *А. И. Смирнов*
Технический редактор *Н. М. Остроумова*
Корректоры *Е. Н. Зимица, Н. В. Лисина*

ИБ № 23721

Сдано в набор 05.12.83. Подписано к печати 27.06.84. МН-04398.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарни-
тура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,7. Усл. кр.-отт. 6,9. Уч.-изд.
л. 7. Тираж 5000 экз. Заказ № 897. Цена 70 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск,
99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77,
Станиславского, 25.